

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХиГС | ЕКАТЕРИНБУРГ

ISSN 2304-3369
eISSN 2308-8842

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
УРАЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА
УПРАВЛЕНИЯ

MANAGEMENT ISSUES

Т. 18, № 5
2024

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

Логистика в условиях цифровой трансформации экономики

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Опыт Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан в научно-методическом сопровождении демографической политики Республики Татарстан

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

Государственное регулирование внешней трудовой миграции в условиях дефицита кадров на рынке труда

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

2024

Т. 18, № 5

MANAGEMENT ISSUES

2024, vol. 18, no. 5

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Чевтаева Наталия Геннадьевна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Багирова Анна Петровна – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Балынская Наталья Ринатовна – Южно-Уральский институт искусств имени П.И. Чайковского (Челябинск, Россия)

Керимов Александр Алиевич – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Литвиненко Александр Николаевич – Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург, Россия)

Молчанов Игорь Николаевич – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Ростовская Тамара Керимовна – Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

Руденкин Василий Николаевич – Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Скоробогачкий Вячеслав Васильевич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

Атанесян Артур – Ереванский государственный университет (Ереван, Армения)

Кумар Правин – Индийский институт высшего образования и исследований (Ченнаи, Индия)

Сюлейманлы Эбульфез – Университет Ускудар (Стамбул, Турция)

Тце Серене – Университет Нинбо – Объединенный институт Университета Анже (Нинбо, Китай)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Алексеева Лилия Максимовна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки)

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.2.4. Финансы (экономические науки)

5.2.6. Менеджмент (экономические науки)

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

5.4.7. Социология управления (социологические науки)

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки).

В соответствии с письмом Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации от 21.12.2023 № 3-ПЛ/1, журналу «Вопросы управления» присвоена категория К1.

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛА РАЗМЕЩАЮТСЯ:

- на [официальном сайте](#);
- в научной электронной библиотеке [eLibrary.ru](#);
- в открытой библиотеке [CyberLeninka.ru](#);
- в ЭБС [Лань](#);
- в библиотеке [ЛитРес](#).

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Natalia G. Chevtava – Ural Institute of Management – branch of RANEPa (Ekaterinburg, Russia)

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Anna P. Bagirova – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Natalia R. Balynskaya – South Ural Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky (Chelyabinsk, Russia)

Aleksandr A. Kerimov – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Aleksandr N. Litvinenko – Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Igor N. Molchanov – Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Tamara K. Rostovskaya – Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Vasily N. Rudenkin – Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

Vyacheslav V. Skorobogatsky – Ural Institute of Management – branch of RANEPa (Ekaterinburg, Russia)

Artur Atanesyan – Erevan State University (Erevan, Armenia)

Praveen Kumar – Bharath Institute of Higher Education and Research (Chennai, India)

Ebulfez Süleymanlı – Uskudar University (Istanbul, Turkey)

Serene Tze – Ningbo University – University of Angers Joint Institute (Ningbo, China)

EXECUTIVE SECRETARY

Lilia M. Alekseeva – Ural Institute of Management – branch of RANEPa

The journal is included in the list of leading peer-reviewed academic journals, where the basic scientific results of dissertations for the degree of Ph. D. and Advanced Doctor of sciences should be published. Articles for publication are accepted on the following scientific specialties and their corresponding branches of science: Economic theory, Regional and sectoral economy, Finance, Management (Economic Sciences); Social structure, social institutions and processes, Sociology of management (Sociological Sciences); Political institutions, processes, technologies (Political Sciences).

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-85748 от 25.08.2023.

The journal is registered as a mass medium by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration PI no. FS 77-85748 dated August 25, 2023.

Журнал входит в перечень журналов, утвержденный ученым советом РАНХиГС, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук по экономическим, социологическим и политическим наукам.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

ECONOMICS and MANAGEMENT

Жуковская И. Ф.

Логистика в условиях цифровой трансформации экономики

Zhuckovskaya I. F.

5 Logistics in the conditions of digital transformation of the economy

Ваторопин С. А., Колл Е., Усатый И. В.

Развитие семейного бизнеса в России и ОАЭ: социально-управленческий аспект

Vatoropin S. A., Koll E., Usatyi I. V.

19 Development of family business in Russia and the UAE: socio-managerial aspect

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

SOCIAL MANAGEMENT

**Ильдарханова Ч. И., Ершова Г. Н.,
Архангельский В. Н.**

Опыт Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан в научно-методическом сопровождении демографической политики Республики Татарстан

**Ildarkhanova Ch. I., Ershova G. N.,
Arkhangelsky V. N.**

35 The experience of the Family and Demography Center of Tatarstan Academy of Sciences in scientific and methodological support of the demographic policy of the Republic of Tatarstan

**Калабихина И. Е., Казбекова З. Г.,
Зубова Е. А.**

Доводы пользователей социальных медиа по поводу отказа от табакокурения (на основе методов машинного обучения)

**Kalabikhina I. E., Kazbekova Z. G.,
Zubova E. A.**

48 Arguments of social media users regarding smoking cessation (machine learning-based data)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

PUBLIC MANAGEMENT and PUBLIC ADMINISTRATION

**Евтушенко А. Э., Чевтаева Н. Г.,
Кононова Д. С., Агумбаева А. Е.**

Государственное регулирование внешней трудовой миграции в условиях дефицита кадров на рынке труда

**Evtushenko A. E., Chevtaeva N. G.,
Kononova D. S., Agumbaeva A. E.**

69 State regulation of external labor migration in conditions of personnel shortage in the labor market

Бритвина И. Б., Шумилова П. А.

Социальное управление в сфере культурной интеграции мигрантов из стран Центральной Азии в российское сообщество

Britvina I. B., Shumilova P. A.

88 Social management of cultural integration of migrants from Central Asian countries into the Russian community

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

ECONOMICS and MANAGEMENT

ЛОГИСТИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

И. Ф. Жуковская^а

^аВладимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
(Владимир, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. Четвертая промышленная революция привела к тому, что новые технологии Индустрии 4.0 оказали влияние не только на развитие реального сектора экономики, но и практически всех отраслей и секторов экономики, а также к преобразованию бизнес-моделей в цифровые бизнес-модели. Не миновало это и сферу логистики. Социально-экономическая и политическая нестабильность последних лет наглядно продемонстрировала необходимость внесения радикальных изменений в логистику с целью повышения производительности и эластичности.

Материалы и методы. В качестве методологической базы исследования применялись методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, причинно-следственных связей, сравнения, описания, логического мышления.

Результаты. В ходе проведенного исследования были выделены этапы развития логистики — от Логистики 1.0 до Логистики 4.0 и дана их характеристика. Установлено, что за последние десятилетия логистическая сфера развивалась под воздействием разнонаправленных факторов, а в период пандемии, вызванной коронавирусом SARS-CoV-2 (Covid-19), ускорилось внедрение цифровых технологий и роботизация логистики на несколько лет вперед, в результате чего рождается Логистика 4.0. Также рассмотрены основные цифровые технологии и инновации, применяемые современными логистическими предприятиями.

Обсуждение. На основе проведенного анализа различных исследований была выявлена взаимосвязь между предыдущими промышленными революциями и связанными с ними изменениями в логистике, сделан вывод о том, что в современных условиях происходит ускорение внедрения технологий Индустрии 4.0 в логистику. Также дано определение Логистики 4.0, обладающее элементами новизны как клиентоориентированного бизнеса в цепочках создания стоимости, основанного на комплексном подходе к организации и управлению материальными и информационными потоками, обладающего цифровыми моделями, соответствующими научно-технологическим требованиям и положениям Индустрии 4.0. Полученные результаты представляют интерес для дальнейшего исследования Логистики 4.0 с точки зрения ее концептуализации и оценки ее эффективности в практической плоскости.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: логистика, эволюция логистики, Логистика 4.0, цифровые технологии и инновации, цепочка создания стоимости

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Жуковская И. Ф. Логистика в условиях цифровой трансформации экономики // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 5. С. 5-18. EDN: JDCZHY. DOI: 10.22394/2304-3369-2024-5-5-18.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Жуковская Ирина Феодосиевна — кандидат экономических наук, доцент; Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» (600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, д. 87) — *доцент кафедры коммерции и гостеприимства*; ateya33@mail.ru. SPIN-код: 7475-6829, ORCID: 0000-0002-2824-0247, Scopus: 57210602445, Researcher: AAG-1148-2019.

Статья поступила 21.03.2024; рецензия получена 25.05.2024; принята к публикации 25.06.2024.

LOGISTICS IN THE CONTEXT OF DIGITAL ECONOMIC TRANSFORMATION

I. F. Zhuckovskaya^a

^aVladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
(Vladimir, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. The Fourth Industrial Revolution has led to the significant influence of Industry 4.0 technologies not only on the development of the real sector of economy but also on nearly all industries and economic sectors, transforming traditional business models into digital ones. Logistics is not an exception from this transformation. Socio-economic and political instability of the recent years has revealed the urgent need for radical changes in logistics to enhance productivity and flexibility.

Materials and methods. The research methodology is grounded in the methods of analysis and synthesis, induction and deduction, cause-and-effect relationships, comparison, description, and logical reasoning.

Results. The research identified the stages of logistics development - from Logistics 1.0 to Logistics 4.0 and provided their characteristics. It has been found that in recent decades, the logistics sector has evolved under the influence of diverse factors, and during the SARS-CoV-2 (Covid-19) pandemic, the adoption of digital technologies and the automation of logistics accelerated by several years, giving rise to Logistics 4.0. The study also examined key digital technologies and innovations employed by modern logistics companies.

Discussion. Based on the analysis of various studies, a relationship between previous industrial revolutions and associated changes in logistics was identified. The research concludes that in the current environment, the adoption of Industry 4.0 technologies in logistics is accelerating. A definition of Logistics 4.0 is provided, introducing elements of novelty as a customer-oriented business within value chains, founded on a comprehensive approach to the organization and management of material and information flows, and featuring digital models that align with the scientific and technological requirements of Industry 4.0. The results obtained are of interest for further research into Logistics 4.0, regarding its conceptualization and evaluation of its practical effectiveness.

KEYWORDS: logistics, evolution of logistics, Logistics 4.0, digital technologies and innovations, value chains

FOR CITATION: Zhuckovskaya, I. F. (2024). Logistics in the context of digital economic transformation. *Management Issues*, 18(5), 5-18. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-5-5-18>.

AUTHORS' INFORMATION:

Irina F. Zhuckovskaya — Candidate of Science (Economics), *Associate Professor*; Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs (87, Gorky st., Vladimir, 600000, Russia) — *Associate Professor Department of Commerce and Hospitality*; ateya33@mail.ru. SPIN: 7475-6829, ORCID: 0000-0002-2824-0247, Scopus: 57210602445, Researcher: AAG-1148-2019.

The article was submitted 21/03/2024; reviewed 25/05/2024; accepted for publication 25/06/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

Четвертая промышленная революция, именуемая как Индустрия 4.0, подразумевает интенсивное применение решений, направленных на повышение уровня технико-технологического оснащения, потенциала инноваций и новых поколений цифровых технологий с целью улучшения экономических показателей и повышения конкурентоспособности бизнеса.

Цифровая трансформация производственных процессов, интенсивные технологические изменения, направленные на повышение эффективности и производительности, стали диктовать необходимость совершенствования системы глобальных цепочек поставок и глобальных цепочек добавленной стоимости.

Логистика представляет собой часть цепочек поставок, включающую в себя сложную сеть транспортировки, складирования, управления запасами и информационных систем, основная роль которой заключается в соединении производства, распределения и потребления с целью повышения эффективности и интенсивности обмена.

В условиях развития Индустрии 4.0 возросший спрос на индивидуальную продукцию, на более короткие сроки жизни товаров, лучший уровень обслуживания, укрупнение цепочек поставок, усложнение материальных и информационных потоков привели к тому, что сектор логистики был вынужден адаптироваться и использовать технологические достижения, разрабатываемые для промышленности, что привело к цифровой революции в практике обработки грузов и управления цепочками поставок.

Во время пандемии, вызванной коронавирусом SARS-CoV-2 (Covid-19), когда правительствами большинства стран мира были введены жесткие ограничения на перемещения, цифровая трансформация ускорила. В этот период логистические компании поняли, что традиционно используемые методы и инструменты не могут обеспечить достаточную гибкость цепочек поставок согласно потребностям и требованиям рынка. Для улучшения результатов деятельности цепочек поставок, повышения удовлетворенности клиентов в своевременности, качестве и местах доставки логистический сектор стал еще более активно интегрировать технологии и принципы четвертой промышленной революции в бизнес-процессы.

Цель статьи – анализ эволюции логистики под влиянием промышленных революций,

тенденций ее цифровизации в настоящее время и переход к Логистике 4.0.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Развитие Индустрии 4.0 и цифровой трансформации предоставило новые возможности для различных секторов экономики и на различных этапах цепочки создания стоимости. Влияние современных технологий на экономику в целом, в том числе и на логистику, нашло отражение в работах многих исследователей. В частности, часть работ, опубликованных в допандемийный период, была посвящена анализу умных продуктов [1] или умному производству [2 и др.], глобальным цепочкам поставок в Индустрии 4.0 [3, 4 и др.], а также организационным факторам, способствующим использованию интеллектуальных цепочек поставок [5, 6, 7 и др.].

В этот период также появляются отдельные работы, отражающие формирование отдельных «умных» подсистем в логистике, соответствующих требованиям Индустрии 4.0. В частности, Фредерико и др. вводят термин «Цепочка поставок 4.0» [8] и выделяют следующие технологии в качестве технологического рычага Индустрии 4.0: «Интернет вещей (IoT), интеллектуальные продукты (SP), интеллектуальные машины (SM), кибербезопасность и блокчейн (CSB), искусственный интеллект (AI), анализ больших данных (BDA), облачные технологии (CT), межмашинная связь (M2M), радиочастотная идентификация (RFID), сенсорные технологии (ST), цифровизация (Dt), робототехника (Rb), омниканальность (OC), системы оптимизации (OS), бизнес-аналитика (BI), 3D-печать, мобильные приложения (MA), планирование ресурсов предприятия (ERP), дополненная реальность (AR) и нанотехнологии (Nt). Впоследствии они были дополнены и другими технологиями: Интернет услуг (IoS), киберфизические системы (CPS), общение человека с человеком (H2H) и человека с машиной (H2M) через Интернет, интегрированное управление взаимоотношениями с клиентами (ICRM) – CRM и социальные сети (SocM), аддитивное производство (AM), виртуальная реальность (VR), технология визуализации (VT) в сочетании с 3D-печатью (3-DP)» [9].

Часть исследователей указывают на большой потенциал отдельных цифровых технологий и их положительное влияние на повышение эффективности принятия решений [10] и устойчивость логистического бизнеса [11],

управления цепочками поставок [12], их прозрачность [13] и необходимость формирования единой цифровой экосистемы [14].

К сожалению, в отечественной литературе проблемы цифровизации логистики в целом пока не рассматриваются, большая часть работ посвящена проблемам цифровизации цепочек поставок и транспортной логистике [например, 15, 16, 17, 18, 19, 20 и др.].

Ускорение цифровизации в период пандемии привело к революционным преобразованиям в сфере логистики и к появлению терминов Логистика 4.0 [21, 22, 23] и интралогистика [24, 25]. Однако большая часть работ пока представляет собой обзор исследований и публикаций, в которых так или иначе упоминается взаимосвязь логистики и технологий Индустрии 4.0, а также упоминается термин Логистика 4.0. Однако четкого определения Логистики 4.0 пока не дано.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Эволюция логистики

Для того, чтобы понять, что собой представляют сегодня революционные преобразования в сфере логистики, рассмотрим предшествующие этапы ее развития.

История логистики уходит своими корнями в далекое прошлое, когда она развивалась как военная дисциплина по организации работы тыловых подразделений с целью обеспечения войск всем необходимым.

Первый прорыв в экономике начался в середине XVIII века. Он был связан с первой промышленной революцией – переходом от ручного производства к машинному на фабриках, массовому производству изделий на паровом оборудовании.

Во время второй промышленной революции, получившей название «технологическая», стало развиваться массовое производство недорогих продуктов в огромных масштабах [26]. Внедрение электричества в качестве источника энергии, изобретение телеграфа и расширение железных дорог способствовали сокращению времени, необходимого для по-

ездок, транспортировки товаров и передачи информации.

Однако вплоть до середины XX века логистика широко применялась только в военной сфере и сместилась в сторону предпринимательской деятельности только в 1960-е гг.

В 1964 г. логистика впервые была представлена как бизнес-процесс и получила название бизнес-логистики, которая рассматривала вопросы оптимизации транспортировки и перемещения грузов (товаров). Таким образом, Логистика 1.0 занималась оптимизацией трех «Р»¹:

– Place – местоположение и пункт назначения – создание ценности для покупателя путем перемещения товаров между местами, которые принесут наибольшую пользу покупателям;

– Period and Pace – период и темп – создание ценности для клиентов путем сосредоточения внимания на времени, управление запасами наряду с потоком товаров;

– Pattern – форма заказа (шаблон) – создание ценности посредством заказа с упором на желаемую форму товара.

К концу 1960-х гг. Индустрия 2.0 осознала важность массового производства, что потребовало введения автоматизации процессов обработки грузов и погрузо-разгрузочных работ и обозначило переход к Логистике 2.0.

В 1980-е гг. компании начали тесно сотрудничать друг с другом в области управления и координации материальных потоков как внутри своих организаций, так и за их пределами, появляется термин «Управление цепочками поставок», которое «включает в себя планирование и управление всеми видами деятельности, связанными с поиском поставщиков и закупками, конверсией и всеми видами деятельности по управлению логистикой. Важно отметить, что это также включает координацию и сотрудничество с партнерами по каналам сбыта, которыми могут быть поставщики, посредники, сторонние поставщики услуг и заказчики. По сути, управление цепочками поставок объединяет управление спросом внутри компаний и между ними»².

¹ Sheffi Y., Klaus P. (1997) Logistics at large: jumping the barriers of the logistics function. In Proceedings of the Twenty-sixth Annual Transportation and Logistics Educators Conference, no. October, 1-21. URL: https://www.researchgate.net/publication/266603079_Logistics_at_Large_Jumping_the_Barriers_of_the_Logistics_Function.

² Council of Supply Chain Management Professionals. CSCMP. Supply Chain Management Definitions and Glossary. URL: https://cscmp.org/CSCMP/Academia_and_Awards/SCM_Definitions_and_Glossary_of_Terms/CSCMP/Educate/SCM_Definitions_and_Glossary_of_Terms.aspx?hkey=60879588-f65f-4ab5-8c4b-6878815ef921 (дата обращения: 20.02.2024).

Шеффи и Клаус определили управление цепочками поставок как логистику четырех «Р», добавив к трем предыдущим координацию процессов или управление партнерствами – Process Coordination or Partnerships management.

Третья промышленная революция ознаменовала переход к Индустрии 3.0 – от механических и аналоговых технологий к цифровой электронике (широкое распространение вычислительной техники, проникновение Интернета во все сферы жизнедеятельности, массовое применение персональных портативных коммуникационных устройств и т. д.).

Начиная с 1990-х гг. логистика проникла во все отрасли экономики. Этот этап характеризуется внедрением автоматизированных складских комплексов, активизацией кон-

тейнерных перевозок грузов, применением в логистических системах единых стандартов тары и упаковки. Происходит объединение функций предприятий-производителей и их партнеров в логистическую цепь: закупка – производство – продажа, а появление программного обеспечения в виде разнообразных систем управления логистикой ознаменовало в XXI в. переход к Логистике 3.0 и введение пятой «Р» – «пластичность» или «гибкость» («pliancy» or «agility»). Кроме того, в мире постепенно растет объем логистических услуг, передаваемых на аутсорсинг 3 PL-провайдером.

Таким образом, сравнивая трансформацию экономики и логистики, можно сделать вывод о том, что сфера логистики эволюционировала не одновременно с промышленными революциями, а после них (табл. 1).

Таблица 1 – Временные шкалы промышленных революций и логистики

Table 1 – Timelines of industrial revolutions and logistics

Индустрия 1.0	Индустрия 2.0	Индустрия 3.0	Индустрия 4.0
с XVIII в. – 1-я половина XIX в.	2-я половина XIX в. – середина XX в.	с 1960-х гг. – начало 2000-х гг.	с 2010-х гг. (2016 г.)
Логистика 1.0	Логистика 2.0	Логистика 3.0	Логистика 4.0
1960–1970-е гг. (1964 г.)	1980-е гг.	1993–1997 гг.	с 2020-х г.

Источник: составлено автором

Концепция четвертой промышленной революции была изложена Клаусом Швабом в его одноименной книге 2016 г.³ Индустрия 4.0 предполагает массовое внедрение киберфизических систем (CPS), существующих как в физическом, так и в киберпространстве в производство и обслуживание человеческих потребностей. Это предполагает трансформацию всех активов предприятия в цифровую экосистему вместе с партнерами, участвующими в цепочке создания стоимости: от разработки продуктов, закупок, производства, сбыта (продаж) до логистики и обслуживания.

По оценкам экспертов, объем мирового рынка логистики в 2023 г. составил 9,66 трлн долл. США и к 2028 г. достиг-

нет 13,77 трлн долл. США, увеличившись в среднем на 6,23 %⁴.

По своей структуре логистический сектор включает в себя четыре основных сегмента: транспортные перевозки (наземного, водного и воздушного транспорта) и экспедирование, услуги складирования, управления запасами, администрирование и поставки. На большую долю на рынке традиционно занимают транспортно-экспедиторские услуги (55 %) и услуги складирования (25,6 %). Растет и сектор сторонней логистики – логистический аутсорсинг.

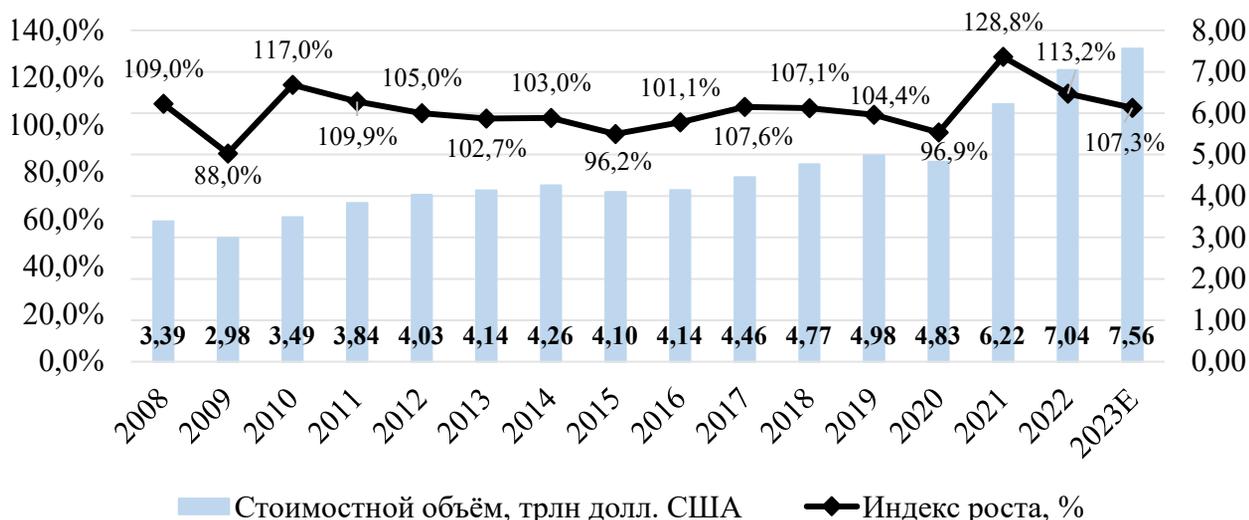
Однако на протяжении последних 15 лет современная экономическая система в целом и международная логистика в частности развивалась не только под воздействи-

³ Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. World Economic Forum, 2016. Geneva. Switzerland. 172 p. URL: https://law.unimelb.edu.au/__data/assets/pdf_file/0005/3385454/Schwab-The_Fourth_Industrial_Revolution_Klaus_S.pdf (дата обращения: 20.02.2024).

⁴ Global Logistics Market Report and Forecast 2024-2032. URL: <https://www.researchandmarkets.com/reports/5775157/global-logistics-market-report-forecast> (дата обращения: 10.03.2024).

ем смены технологических укладов, но и разнонаправленных трендов, участвовавших катаклизмов и кризисных явлений, что привело к нарастанию неустойчивости

и неопределенности, смене роста и падений. Особенно это заметно на колебаниях, происходящих на рынке транспортно-логистических услуг (ТЛУ) (рис. 1).

Источник: М. А. Research⁵

Рис. 1. Динамика объемов мирового рынка ТЛУ (трлн долл. США) и темпов его роста (% к предыдущему году)

Fig. 1. Dynamics of the volume of the global TLS market (trillion US dollars) and its growth rate (% compared to the previous year)

В начале XXI в. значительный рост товарооборота способствовал развитию и рынка транспортно-логистических услуг. На фоне глобального экономического кризиса (2009 г.), падения объемов производства, сокращения глобального экспорта и импорта произошло снижение спроса на логистические услуги. Восстановительный период, начавшийся в конце 2009 г., привел к росту поставок и оживлению рынка ТЛУ. Однако масштабные санкции, введенные против России странами ЕС и США в 2014 г., а также значительное снижение цен на мировом топливно-сырьевом рынке вызвали кризисные явления в глобальной экономике, в том числе и в логистическом секторе. Восстановительный период, начавшийся в 2016 г., был остановлен кризисом, вызванным новой коронавирусной инфекцией.

В первые месяцы пандемии в цепочках поставок происходили отдельные сбои (особенно при транспортировке медицинских препаратов и средств индивидуальной защиты). Однако крупные логистические цепочки оказались более устойчивыми в кризисной ситуации, что позволило им сыграть значительную роль в восстановлении экономики. Это касается, например, торговли деталями для производства легковых автомобилей, где сокращение объемов было значительно меньшим по сравнению с торговлей самими легковыми автомобилями.

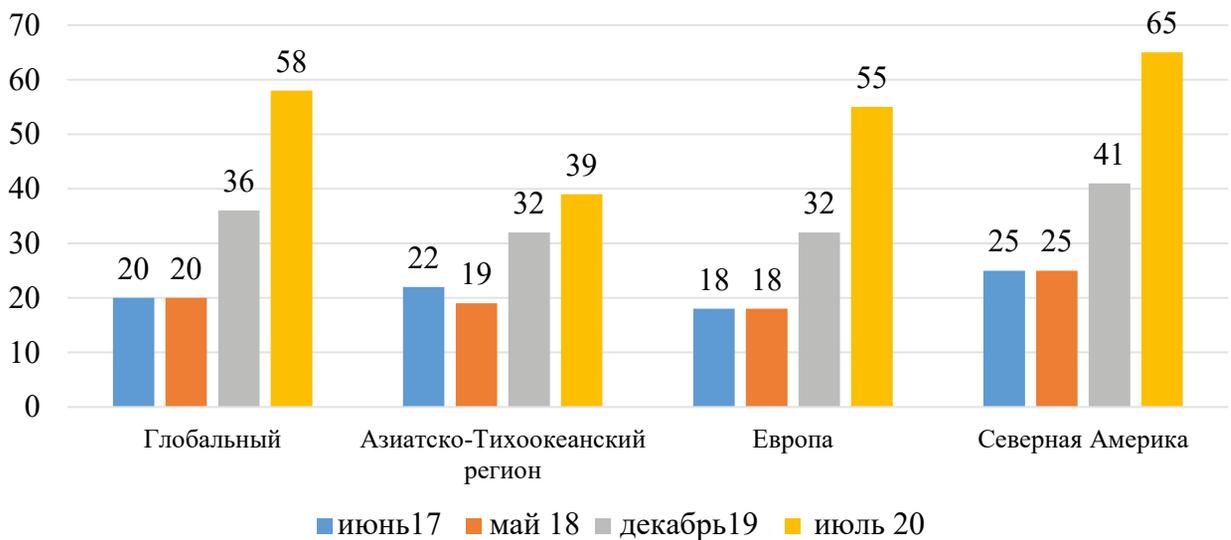
Локдауны, переход на самоизоляцию и перевод работников многих компаний на удаленную работу во время пандемии обусловили расширение онлайн-операций на B2B, B2C и D2C рынках, что привело к росту спроса на услуги логистического

⁵ Рынок логистического аутсорсинга: итоги 2022 г., оценка 2023 г. и прогноз до 2026 г. URL: <https://ma-research.ru/research/item/395-rynok-logisticheskogo-aoutsorsinga-itogi-2022-g-otsenka-2023-g-i-prognoz-do-2026-g.html> (дата обращения: 10.03.2024).

аутсорсинга. Рост объемов операций в онлайн-секторе потребовал от бизнеса расширить внедрение цифровых технологий, что привело к качественной трансформации не только на микро-, но и мезоуровнях.

До пандемии логистика внедряла цифровые инновации гораздо медленнее, чем другие отрасли, о чем было отмечено на Всемирном экономическом форуме⁶. Однако пандемия ускорила эти процессы. Так, например, результаты опроса компаний,

проведенного McKinsey в 2020 г., показали, что внедрение инноваций и цифровых технологий в период пандемии по своим показателям «на годы опережают показатели, которые были на момент проведения предыдущих опросов, и даже больше в развитой Азии, чем в других регионах (рис. 2). Сейчас респонденты в три раза чаще, чем до кризиса, говорят, что по крайней мере 80 процентов их взаимодействий с клиентами носят цифровой характер»⁷.

Источник: McKinsey

Рис. 2. Средняя доля взаимодействия с клиентами в цифровом формате (%)

Fig. 2. Average share of customer interactions that are digital (%)

Логистическая отрасль начала оправляться от экстремальных последствий пандемии, вызванной коронавирусом Covid-19 в 2021 г. Однако в 2022 г. ей пришлось столкнуться с новыми проблемами, вызванными санкциями, введенными со стороны стран коллективного Запада в отношении России и конксанциями – резким ростом цен на сырьевые товары и другие энергоносители, рекордно высокой для многих стран инфляцией, а также колебаниями спроса (частично вызванными низкими потребительскими расходами). Возникли сложности и при перевозке грузов практи-

чески всеми видами транспорта – удлинение маршрутов, рост тарифов и страховых взносов. По мнению The Logistics World⁸ в мировой экономике, в том числе и логистике, со второй половины 2022 г. возникли четыре существенные проблемы – рост издержек, сбои в цепочках поставок, нехватка рабочей силы, высокий уровень конкуренции.

Кроме того, согласно опросу, проведенному Oxford Business среди руководителей 127 предприятий, геополитические риски, связанные с военными конфликтами на Украине и Ближнем Востоке, а также угрозы развязы-

⁶ World Economic Forum 2016. Digital Transformation of Industries: Logistics Industry. URL: <http://reports.weforum.org/digital-transformation/wp-content/blogs.dir/94/mp/files/pages/files/dti-logistics-industry-white-paper.pdf>.

⁷ McKinsey & Company. How COVID-19 has pushed companies over the technology tipping point—and transformed business forever. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/strategy-and-corporate-finance/our-insights/how-covid-19-has-pushed-companies-over-the-technology-tipping-point-and-transformed-business-forever> (дата обращения: 20.02.2024).

⁸ The Logistics World. URL: <https://thelwi.com/> (дата обращения: 20.02.2024).

вания войн с Южной Кореей, Россией, Китаем, Тайванем, негативно повлияют на бизнес-операции и цепочки поставок. Так думают 36 % опрошенных⁹.

Рост издержек и рисков привел к тому, что логистический сектор стал перестраиваться и еще более активно внедрять цифровые технологии. Согласно опросу McKinsey, 90 % опрошенных руководителей предприятий цепочек поставок с 2021 г. инвестировали в цифровые технологии управления цепочками поставок, а 80 % намерены продолжить инвестировать и в дальнейшем для поддержки эффективности¹⁰. А Gartner также выявила, что 83 % компаний придают первостепенное значение удовлетворенности клиентов путем улучшения обслуживания клиентов в рамках своей тактики управления цифровыми цепочками поставок. Растет и роботизация складов. Согласно выводам Gitnux, объем мирового рынка автоматизации складов приблизится к 30 млрд долл. США благодаря оптимальной поддержке быстрого производства¹¹.

Таким образом, благодаря интенсивному использованию цифровых технологий и инноваций Индустрии 4.0 осуществляется переход от Логистики 3.0 к Логистике 4.0 гораздо быстрее, чем ранее.

2. Применение технологических новаций в логистике: переход к Логистике 4.0

Большинство технологий Индустрии 4.0 используются в сфере логистики, ключевыми из которых являются Интернет вещей, искусственный интеллект, большие данные и др. Рассмотрим некоторые из них.

Применение технологий Интернета вещей в логистике способствует повышению эффективности, прозрачности и видимости товаров в режиме реального времени на всех этапах цепочки поставок, эффективности управления запасами. Например, это облегчает мониторинг температуры и влажности для чувствительных грузов, обеспечивая ка-

чество продукции и соответствие нормативным стандартам во время транспортировки. По оценкам экспертов, технологии Интернета вещей являются самыми распространенными (17 %), особенно в деятельности как давно функционирующих предприятий, так и среди Startup-компаний¹².

Искусственный интеллект и алгоритмы машинного обучения позволяют логистическим компаниям реагировать на изменения спроса, осуществлять прогнозирование и планирование в цепочках поставок, сокращать потери запасов, оптимизировать маршруты и осуществлять консолидацию грузов. Чат-боты и виртуальные помощники, управляемые искусственным интеллектом, улучшают обслуживание клиентов и оптимизируют коммуникацию в цепочке поставок. Кроме того, системы оценки рисков на основе искусственного интеллекта и обнаружения мошенничества повышают безопасность в логистических операциях, сокращая финансовые потери.

Источник: составлено автором по данным StartUs¹³

Рис. 3. Лучшие инновации и тенденции в логистической отрасли (%)

Fig. 3. The best innovations and trends in the logistics industry (%)

⁹ Logistics Statistics 2024 — 21 Key Figures. URL: <https://procurementtactics.com/logistics-statistics/> (дата обращения: 20.02.2024).

¹⁰ McKinsey & Company. The state of AI in 2023: Generative AI's breakout year. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/quantumblack/our-insights/the-state-of-ai-in-2023-generative-ais-breakout-year> (дата обращения: 20.02.2024).

¹¹ Logistics Statistics 2024 — 21 Key Figures. URL: <https://procurementtactics.com/logistics-statistics/> (дата обращения: 20.02.2024).

¹² Explore the Top 10 Logistics Trends in 2024. URL: <https://www.startus-insights.com/innovators-guide/top-10-logistics-industry-trends-innovations-in-2021/> (дата обращения: 20.02.2024).

¹³ Explore the Top 10 Logistics Trends in 2024. URL: <https://www.startus-insights.com/innovators-guide/top-10-logistics-industry-trends-innovations-in-2021/> (дата обращения: 20.02.2024).

Использование робототехники в логистике способствует повышению производительности, скорости и точности осуществления процессов в цепочках создания стоимости. Так, например, для сбора заказов и транспортировки товаров на складах используются физические роботы. Это могут быть как роботы, применяемые для совместной работы (cobot), так и автономные мобильные роботы (AMR). Программные роботы применяются для выполнения рутинных операций. Роботы и дроны на базе искусственного интеллекта используются для выполнения таких задач, как подсчет запасов и доставка «последней мили», повышая эффективность и снижая трудозатраты. Однако роботы полностью не заменяют людей, а скорее сотрудничают с ними, повышая эффективность деятельности предприятия.

Автоматизированные складские технологии включают автоматизированные управляемые транспортные средства (AGV), роботизированные системы комплектации, автоматизированные системы хранения и поиска (ASR) и сборку на месте. За счет сокращения количества ошибок и повышения производительности автоматизация склада гарантирует, что продукты точно подобраны, упакованы и готовы к транспортировке. В конечном итоге автоматизация склада становится неотъемлемой частью более широкой логистической экосистемы.

Децентрализованная система учета на блокчейне обеспечивает целостность и неизменяемость записей транзакций. Это удовлетворяет потребность в надежной документации, защищенной от несанкционированного доступа, в сложной логистической цепочке поставок, повышая безопасность, прозрачность и эффективность. Благодаря блокчейну заинтересованные стороны в логистических операциях получают доступ к точной информации о движении и статусе товаров в режиме реального времени. Смарт-контракты (ключевая функция блокчейна) автоматизируют и оптимизируют различные аспекты логистики, включая таможенное оформление и обработку платежей, позволяют ускорить согласование и сократить время обработки на контрольно-пропускных пунктах, ускоряя всю цепочку поставок.

Применение технологий (BDA) для обработки больших данных и аналитики расширяет возможности для принятия обоснован-

ных стратегических решений и оптимизации процессов, позволяет оптимизировать отношения с поставщиками, корректировать ценовые стратегии, более эффективно управлять запасами и др. Логистические компании используют большие данные для мониторинга местоположения и погодных условий в режиме реального времени. Это позволяет им вносить динамичные корректировки в маршруты и улучшать планирование доставки, что сокращает время транспортировки и расход топлива. Кроме того, BDA позволяет создавать комплексные отчеты по управлению рисками, а также выявлять аномалии и тенденции, позволяет предприятиям активно устранять потенциальные сбои и уязвимости в цепочках поставок.

Облачные технологии позволяют оптимизировать управление логистикой на макроуровне. Многие логистические компании внедряют облачные платформы для совместной работы с партнерами, тем самым снижая потребность в значительных капиталовложениях в ИТ-инфраструктуру. Команды по всей цепочке поставок легко обмениваются данными и информацией, улучшая координацию и оперативность реагирования за счет обеспечения централизованной коммуникации. Кроме того, облачная интеграция облегчает сбор данных из различных систем управления для анализа и оптимизации общих процессов. Этот подход сводит к минимуму финансовые риски, позволяет компаниям более эффективно распределять ресурсы, приводит к более эффективному принятию решений, повышению эффективности и улучшению обслуживания клиентов.

Автономные транспортные средства – новый тренд в логистике. Они позволяют обеспечить быстроту и гибкость поставок, особенно в городских агломерациях. Используются и на дальнемагистральных маршрутах. Они находят применение как в операциях доставки «первая миля», так и «последняя миля». Более того, автономные транспортные средства используют технологии, основанные на искусственном интеллекте, для оптимизации маршрутов, избегания пробок и выбора наиболее эффективных маршрутов для снижения расхода топлива.

Таким образом, внедрение цифровых технологий повышает не только эффективность логистики, но и ее эластичность. Эластичная

логистика позволяет предприятиям быстро реагировать на изменения спроса. В пиковые сезоны компании могут наращивать свои производственные, транспортные, складские мощности для удовлетворения растущих потребностей клиентов и заказов, а при снижении спроса – сокращать масштабы во избежание ненужных затрат. Эластичная логистика позволяет решать и проблемы затоваривания на складах, снижать транспортные расходы и риск морального износа активов.

Однако, несмотря на ускоренное внедрение цифровых технологий (72 % взаимодействий организаций с клиентами в настоящее время являются цифровыми), бизнес сталкивается с определенными проблемами, так как не может полностью обеспечить подключенного взаимодействия с пользователями. Причины: существование множества устаревших кодов и систем, разрозненных данных и нехватка квалифицированных кадров. По оценкам экспертов MuleSoft, проводивших опрос, стоимость отключенного взаимодействия означает, что компании могут потерять в среднем 7 млн долл. США, не сумев завершить инициативы по цифровой трансформации¹⁴. Кроме того, у более половины компаний отсутствует управление рисками, связанными с внедрением генеративного искусственного интеллекта¹⁵. Существуют и проблемы неравенства во внедрении современных технологий Логистики 4.0 среди различных стран.

Что касается логистической отрасли России, то можно сказать, что развитие цифровых технологий, как и во всем мире, здесь активно продолжается. Это позволяет компаниям оптимизировать цепочки поставок и повышать эффективность своих операций. Особенное внимание уделяется внедрению систем управления складом (WMS – Warehouse Management System) и транспортировкой (TMS – Transportation Management System). Однако проблемы российской логистики состоят в том, что в связи с введенными санкциями она вынуждена была перейти на импортоза-

мещение иностранного программного обеспечения. По итогам 2022 г. объем рынка систем управления складом увеличился на 25 % (по сравнению с 2021 г.) и достиг 3,1 млрд руб., а в 2023 г. – 3,7 млрд руб. Крупнейшими поставщиками систем управления складом стали такие российские компании, как Axelot, ЕМЕ и Solvo¹⁶.

Также осуществляется и переход на электронный документооборот. Лидером рейтинга крупнейших поставщиков этих систем в 2022 г. стала компания «Синтеллект». Делается акцент и на развитие умного спутникового мониторинга, электронных платформ для взаимодействия поставщиков и перевозчиков¹⁷, которые также повышают конкурентоспособность отдельных грузоотправителей, логистических операторов и в целом способствуют развитию всей логистической отрасли в России.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Появление новых технологий в процессе развития общественного производства привело к тому, что логистика была вынуждена реагировать на новые потребности рынка и адаптировать свою деятельность. Происходило это в четыре этапа: Логистика 1.0 была ориентирована на механизацию перевозок, Логистика 2.0 – на автоматизацию грузовых систем, Логистика 3.0. – на использование информационных систем, Логистика 4.0 – на автоматизацию материальных и информационных потоков. И если на трех этапах логистика эволюционировала после промышленных революций, то на нынешнем – четвертом этапе – практически одновременно с ней.

У части исследователей Логистика 4.0 определяется как сочетание традиционной логистической деятельности с инновациями и технологиями Индустрии 4.0 (главным образом киберфизических систем) [10 и др.].

Другие исследователи описывают Логистику 4.0 как объединение Интернета вещей, информационных технологий и роботов с логистической деятельностью, которые улучша-

¹⁴ 70 % of customer interactions are now digital and most companies are not ready. URL: <https://www.zdnet.com/article/70-percent-of-customer-interactions-are-now-digital-and-most-companies-are-not-ready/> (дата обращения: 29.02.2024).

¹⁵ McKinsey & Company. The state of AI in 2023: Generative AI's breakout year. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/quantumblack/our-insights/the-state-of-ai-in-2023-generative-ais-breakout-year> (дата обращения: 20.02.2024).

¹⁶ Российский рынок систем управления складом (WMS). 2023. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Аналитика_TAdviser

¹⁷ Результаты исследования применения на практике электронных платформ предприятием среднего бизнеса отражены в статье: Жуковская И. Ф., Тобиен М. А. Совершенствование системы перемещения грузов: необходимость дальнейшей цифровизации // Проблемы теории и практики управления. 2022. № 3. С. 52-71.

ют материальный и информационный потоки между участниками, создавая стоимость на каждом этапе [21, 23 и др.]

Малагон-Суарес К. и Орхуэла-Кастро Х. определяют Логистику 4.0 как «управление потоками материалов и информации по цепочке поставок от точки добычи до конца жизненного цикла продукта и его окончательной утилизации, что включает в себя создание стоимости в каждом звене цепочки поставок, путем реализации инновации и технологии Индустрии 4.0» [27].

Однако данные определения не учитывают особенностей, складывающихся на мировом рынке логистических услуг. Меняющаяся геополитическая ситуация, формирование многополярного мира, изменение логистических маршрутов, расширение и формирование некоторыми странами (в том числе и Россией) собственного флота для контейнерных и танкерных перевозок, рост спроса на услуги логистических провайдеров (за последние пять лет доля 3PL-услуг на мировом рынке ТЛУ выросла до 20 %, а в России – до 7 %) способствовали росту уровня конкуренции на рынке логистических услуг, что обуславливает необходимость повышения клиентоориентированности в логистическом бизнесе, а также дальнейшего внедрения технологий Индустрии 4.0.

Исходя из вышеизложенного дадим определение Логистики 4.0: «Логистика 4.0 представляет собой клиентоориентированный бизнес в цепочках создания стоимости, основанный на комплексном подходе к организации и управлению материальными и информационными потоками, и обладающий цифровыми моделями, соответствующими научно-технологическим требованиям и положениям Индустрии 4.0».

Особенностями Логистики 4.0 являются:

- оцифровка всех: клиентов, поставщиков и других партнеров, бизнес-процессов, продукции, услуг;
- формирование новых бизнес-моделей, ориентированных на всю цепочку создания стоимости;
- построение цифровой экосистемы вокруг компании;
- превращение цепочек поставок в цепочки создания стоимости;
- омниканальность взаимодействия с клиентами и партнерами;
- клиентоориентированность;
- гибкость и эластичность и др.

Следует отметить, что формирование новых бизнес-моделей в условиях продолжающейся цифровой трансформации обязывает 3PL и 4PL провайдеров сместить фокус с традиционных бизнес-моделей управления на бизнес-модели, ориентированные на всю цепочку создания стоимости, и позволит осуществить переход к уровню 5PL.

Таким образом, в условиях интенсивной цифровизации, применения современных технологий, а также постоянных инноваций происходит дальнейшее развитие всей логистической системы и ее отдельных элементов. Проведенный в ходе нашего исследования анализ показал, что смена технологических укладов способствует эволюции логистики, а внедрение инноваций и технологий Индустрии 4.0 обусловили зарождение новой эпохи в логистике – Логистики 4.0. Кроме того, можно констатировать, что способность к инновациям и доступность новейших технологий вносят прямой вклад в развитие общих и отдельных элементов логистической системы, налицо ее гибкость и эластичность.

Проведенное теоретическое исследование позволило нам сформулировать определение Логистики 4.0, обладающее новизной, в котором основное внимание уделено переходу от оптимизации цепочек поставок, поддержания гибкости потоков к цепочкам создания стоимости и клиентоориентированности. Такой переход, на наш взгляд, позволит компаниям эффективно позиционировать себя внутри цепочек создания стоимости путем анализа компетенций всех организаций, входящих в данную цепочку, а также потребностей клиентов.

В заключение отметим, что внедрение современных технологий в логистические системы осуществлено не всеми компаниями на уровне Логистики 4.0. Хуже всего ситуация складывается в развивающихся странах, где компании сталкиваются с различными барьерами в доступе к технологиям и образованию, что влияет на их конкурентные преимущества. Применение санкционного давления еще более усугубляет данную ситуацию на глобальном логистическом рынке. В этих условиях поддержка со стороны государства, вклад научных кругов и промышленности становится необходимым условием для принятия концепции и технологий Логистики 4.0. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kahle, J. H., Marcon, É., Ghezzi, A., & Frank, A. G. (2020). Smart Products value creation in SMEs innovation ecosystems. *Technological Forecasting and Social Change*, 156, 120024. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120024>.
2. Tabim, V. M., Ayala, N. F., & Frank, A. G. (2021). Implementing vertical integration in the industry 4.0 journey: Which factors influence the process of information systems adoption? *Information Systems Frontiers*. <https://doi.org/10.1007/s10796-021-10220-x>.
3. Han, L., Hou, H., Bi, Z. M., Yang, J., & Zheng, X. (2021). Functional requirements and supply chain digitalization in industry 4.0. *Information Systems Frontiers*. <https://doi.org/10.1007/s10796-021-10173-1>.
4. Shao, X.-F., Liu, W., Li, Y., Chaudhry, H. R., & Yue, X.-G. (2021). Multistage implementation framework for smart supply chain management under industry 4.0. *Technological Forecasting and Social Change*, 162, 120354. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120354>.
5. Gupta, S., Drave, V. A., Bag, S., & Luo, Z. (2019). Leveraging smart supply chain and information system agility for supply chain flexibility. *Information Systems Frontiers*, 21(3), 547-564. <https://doi.org/10.1007/s10796-019-09901-5>.
6. Yang, M., Fu, M., & Zhang, Z. (2021). The adoption of digital technologies in supply chains: Drivers, process and impact. *Technological Forecasting and Social Change*, 169, 120795. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120795>.
7. Ali, S. B. (2022). Industrial Revolution 4.0 and Supply Chain Digitization. *South Asian Journal of Social Review*. 1(1), 21-41. <https://doi.org/10.57044/SAJSR.2022.1.1.2205>.
8. Frederico, G. F., Garza-Reyes, J. A., Anosike, A., & Kumar, V. (2020). Supply Chain 4.0: concepts, maturity and research agenda. *Supply Chain Management*, 25(2), 262-282. <https://doi.org/10.1108/SCM-09-2018-0339>.
9. Zheng, T., Ardolino, M., Bacchetti, A., & Perona, M. (2021). The applications of Industry 4.0 technologies in manufacturing context: A systematic literature review. *International Journal of Production Research*, 59(6), 1923-1924. <https://doi.org/10.1080/00207543.2020.1824085>.
10. Barreto, L., Amaral, A., & Pereira, T. (2017). Industry 4.0 implications in logistics: An overview. *Procedia Manufacturing*, 13, 1245-1252. <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2017.09.045>.
11. Abdul Rahman, N. S. F., Lirn, N. -C., Hamid, A. A., & AlKalbani, K. S. S. (2023). Logistics Business Sustainability Incorporating National Logistics Strategy and Industry Revolution 4.0. *Operations and Supply Chain Management*, 16 (3), 341-351. <https://doi.org/10.31387/oscm0540394>.
12. Белокрылов К. А. Цифровизация управления цепочками поставок // Стратегия предприятия в контексте повышения его конкурентоспособности. 2020. № 9. С. 90-94. EDN: CLJJNL.
13. Zhu, X. N., Peko, G., Sundaram, D., & Piramuthu, S. (2021). Blockchain-based agile supply chain framework with IoT. *Information Systems Frontiers*, 24, 563-578. <https://doi.org/10.1007/s10796-021-10114-y>.
14. Завгородний А. Ф., Горохов А. Д. Цифровая трансформация современных цепочек поставок и их переход к единой цифровой экосистеме // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 3-1 (85). С. 95-99. DOI: 10.24412/2411-0450-2022-3-1-95-99. EDN: NEJFXJ.
15. Бахатов Р. М. Цифровизация отрасли транспорта и логистики в России на современном этапе // Russian Economic Bulletin. 2023. Т. 6, № 1. С. 271-275. EDN: VPFOOM.
16. Mochalov, A. I., Palagin, Yu. I., Ivanova, N. V., & Ruohomaa H. (2022). Logistic Digital Ecosystem of the Multimodal Freight Terminal Networks. *Intellectual Technologies on Transport*, 4 (32), 64-70. <https://doi.org/10.24412/2413-2527-2022-432-64-70>.
17. Дыбская В. В., Сергеев В. И., Сергеев И. В. Цифровая трансформация цепей поставок предприятий сетевой розницы // Логистика и управление цепями поставок. 2019. № 4. С. 3-16. EDN: SCSTMR.
18. Жуковская И. Ф., Тобиен М. А. Совершенствование системы перемещения грузов: необходимость дальнейшей цифровизации // Проблемы теории и практики управления. 2022. № 3. С. 52-71. EDN: FJCVHV.
19. Сергеев В. И., Дыбская В. В. Эволюция концепций контроля и мониторинга цифровых цепей поставок // Экономика железных дорог. 2023. № 8. С. 98-103. EDN: OKAAVU.
20. Тиверовский В. И. Складская логистика на пути цифровизации и автоматизации // Транспорт: наука, техника, управление. Научный информационный сборник. 2022. № 10.

C. 41-46. DOI: [10.36535/0236-1914-2022-10-7](https://doi.org/10.36535/0236-1914-2022-10-7). EDN: OKNBYS.

21. Albrecht, T., Baier, M. S., Gimpel, H., Meierhöfer, S., Röglinger, M., Schlüchtermann, J., & Will, L. (2024). Leveraging Digital Technologies in Logistics 4.0: Insights on Affordances from Intralogistics Processes. *Information Systems Frontiers*, 26, 755–774. <https://doi.org/10.1007/s10796-023-10394-6>.

22. Benayoune, A., Hamid, A. A., Rahman, N. S. F. A., Kalbani, K.A., & Slimi, Z. (2021). Logistics 4.0 skills requirements: evidence from a developing country. *Canadian Journal of Business and Information Studies*, 4(2), 24-36. <https://doi.org/10.34104/cjbis.022.024036>.

23. Bugarčić, F. Ž., Mijušković, V. M., & Aćimović, S. (2024). Innovation and New Technologies as Determinants of Logistics 4.0. *Politička ekonomie*, 72(1), 102-121. <https://doi.org/10.18267/j.polek.1422>.

24. Taş, Ü. (2023). Case Study of Intralogistics in the Framework of Logistics 4.0. *International Journal of Automotive Science And Technology*, 7 (1), 18-24. <https://doi.org/10.30939/ijastech..1215381>.

25. Winkelhaus, S., Grosse, E. H., & Glock, C. H. (2022). Job satisfaction: An explorative study on work characteristics changes of employees in Intralogistics 4.0. *Journal of Business Logistics*, 43(3), 343-367. <https://doi.org/10.1111/jbl.12296>.

26. Wang, Y., Ma, H. S., Yang, J. H., & Wang, K. S. (2017). Industry 4.0: A way from mass customization to mass personalization production. *Advances in Manufacturing*, 5, 311-320. <https://doi.org/10.1007/s40436-017-0204-7>.

27. Malagón-Suárez, C. P., & Orjuela-Castro, J. A. Challenges and Trends in Logistics 4.0. *Ingeniería*, 28 (Suppl), e18492. <https://doi.org/10.14483/23448393.18492>.

REFERENCES

1. Kahle, J. H., Marcon, É., Ghezzi, A., & Frank, A. G. (2020). Smart Products value creation in SMEs innovation ecosystems. *Technological Forecasting and Social Change*, 156, 120024. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120024>.

2. Tabim, V. M., Ayala, N. F., Frank, A. G. (2021). Implementing vertical integration in the industry 4.0 journey: Which factors influence the process of information systems adoption? *Information Systems Frontiers*, 1-18. <https://doi.org/10.1007/s10796-021-10220-x>.

3. Han, L., Hou, H., Bi, Z. M., Yang, J., & Zheng, X. (2021). Functional requirements and supply chain digitalization in industry 4.0. *Information Systems Frontiers*. <https://doi.org/10.1007/s10796-021-10173-1>.

4. Shao, X.-F., Liu, W., Li, Y., Chaudhry, H. R., & Yue, X.-G. (2021). Multistage implementation framework for smart supply chain management under industry 4.0. *Technological Forecasting and Social Change*, 162, 120354. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120354>.

5. Gupta, S., Drave, V. A., Bag, S., & Luo, Z. (2019). Leveraging smart supply chain and information system agility for supply chain flexibility. *Information Systems Frontiers*, 21(3), 547–564. <https://doi.org/10.1007/s10796-019-09901-5>.

6. Yang, M., Fu, M., & Zhang, Z. (2021). The adoption of digital technologies in supply chains:

Drivers, process and impact. *Technological Forecasting and Social Change*, 169, 120795. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120795>.

7. Ali, S.B. (2022) Industrial Revolution 4.0 and Supply Chain Digitization. *South Asian Journal of Social Review*. 1(1), 21-41. <https://doi.org/10.57044/SAJSR.2022.1.1.2205>.

8. Frederico, G. F., Garza-Reyes, J. A., Anosike, A., & Kumar, V. (2020). Supply Chain 4.0: concepts, maturity and research agenda. *Supply Chain Management*, 25(2), 262-282. <https://doi.org/10.1108/SCM-09-2018-0339>.

9. Zheng, T., Ardolino, M., Bacchetti, A., & Perona, M. (2021). The applications of Industry 4.0 technologies in manufacturing context: a systematic literature review. *International Journal of Production Research*, 59(6), 1923-1924. <https://doi.org/10.1080/00207543.2020.1824085>.

10. Barreto, L., Amaral, A., & Pereira, T. (2017). Industry 4.0 implications in logistics: An overview. *Procedia Manufacturing*, 13, 1245–1252. <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2017.09.045>.

11. Abdul Rahman, N. S. F., Lirn, N. -C., Hamid, A. A., & AlKalbani, K. S. S. (2023). Logistics Business Sustainability Incorporating National Logistics Strategy and Industry Revolution 4.0. *Operations and Supply Chain Management*, 16 (3), 341-351. <https://doi.org/10.31387/oscm0540394>.

12. Belokrylov, K. A. (2020). Digitalization of supply chain management. *Enterprise strategy in*

the context of increasing its competitiveness, 9, 90-94. <https://elibrary.ru/item.asp?id=43786692>.

13. Zhu, X. N., Peko, G., Sundaram, D., & Piramuthu, S. (2021). Blockchain-based agile supply chain framework with IoT. *Information Systems Frontiers*. <https://doi.org/10.1007/s10796-021-10114-y>.

14. Zavgorodniy, A. F., & Gorokhov, A. D. (2022). Digital transformation of modern supply chains and their transition to a single digital ecosystem. *Economy and Business: Theory and Practice*, 3-1 (85), 95-99. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-3-1-95-99>.

15. Bakhatov, R. M. (2023). Digitalization of the transport and logistics industry in Russia at the present stage. *Russian Economic Bulletin*, 6 (1), 271-275. <https://elibrary.ru/item.asp?id=50256163>.

16. Mochalov, A. I., Palagin, Yu. I., Ivanova, N. V., & Ruohomaa, H. (2022). Logistic Digital Ecosystem of the Multimodal Freight Terminal Networks. *Intellectual Technologies on Transport*, 4 (32), 64-70. <https://doi.org/10.24412/2413-2527-2022-432-64-70>.

17. Dybskaya, V. V., Sergeev, V. I., & Sergeev, I. V. (2019). Digital transformation of retail supply chains. *Logistics and supply chain management*, (4), 3-16. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41582808>.

18. Zhuckovskaya, I. F., & Tobien, M. A. (2022). Improving the cargo movement system: the need for further digitalization. *Problems of management theory and practice*, (3), 52-71. <https://elibrary.ru/item.asp?id=48677067>.

19. Sergeev, V. I., Dybskaya, V. V. (2023). The evolution of the concepts digital supply chain control and monitoring. *The Railway Economics*, (8), 98-103. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54365166>.

20. Tiverovsky, V. I. (2022). Warehouse logistics on the way to digitalization and automation.

Transport: science, equipment, management. Scientific information collection, (10), 41-46. <https://elibrary.ru/item.asp?id=49843651>.

21. Albrecht, T., Baier, M. S., Gimpel, H., Meierhöfer, S., Röglinger, M., Schlüchtermann, J., & Will, L. (2024). Leveraging Digital Technologies in Logistics 4.0: Insights on Affordances from Intralogistics Processes. *Information Systems Frontiers*, 26, 755-774. <https://doi.org/10.1007/s10796-023-10394-6>.

22. Benayoune, A., Hamid, A. A., Rahman, N. S. F. A., Kalbani, K. A., & Slimi, Z. (2021). Logistics 4.0 skills requirements: evidence from a developing country. *Canadian Journal of Business and Information Studies*, 4(2), 24-36. <https://doi.org/10.34104/cjbis.022.024036>.

23. Bugarčić, F. Ž., Mijušković, V. M., & Aćimović, S. (2024). Innovation and New Technologies as Determinants of Logistics 4.0. *Politická ekonomie*, 72(1), 102-121. <https://doi.org/10.18267/j.polek.1422>.

24. Taş, Ü. (2023). Case Study of Intralogistics in the Framework of Logistics 4.0. *International Journal of Automotive Science And Technology*, 7 (1), 18-24. <https://doi.org/10.30939/ijastech..1215381>.

25. Winkelhaus, S., Grosse, E. H., & Glock, C. H. (2022). Job satisfaction: An explorative study on work characteristics changes of employees in Intralogistics 4.0. *Journal of Business Logistics*, 43(3), 343-367. <https://doi.org/10.1111/jbl.12296>.

26. Wang, Y., Ma, H. S., Yang, J. H., & Wang, K. S. (2017). Industry 4.0: a way from mass customization to mass personalization production. *Advances in Manufacturing*, 5, 311-320. <https://doi.org/10.1007/s40436-017-0204-7>.

27. Malagón-Suárez, C. P., & Orjuela-Castro, J. A. Challenges and Trends in Logistics 4.0. *Ingeniería*, 28 (Suppl), e18492. <https://doi.org/10.14483/23448393.18492>.

DEVELOPMENT OF FAMILY BUSINESS IN RUSSIA AND THE UAE: SOCIO-MANAGERIAL ASPECT

S. A. Vatoropin^a, E. Koll^b, I. V. Usatyi^a

^aUral Institute of Management – branch of the federal state budgetary educational institution of higher education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation»
(Ekaterinburg, Russia)

^bZayed University
(Dubai, United Arab Emirates)

ABSTRACT:

Introduction. The article examines the social and managerial aspects of the development of family businesses in Russia and the United Arab Emirates. Based on the analysis of the activities of key management entities, values, attitudes and practices of relevant social groups, problems are identified and directions for the development of family businesses are formulated.

Materials and methods. The empirical basis is research into the sphere of family business conducted in 2010-2024, regulatory legal acts, information on the official websites of government agencies, chambers of commerce and industry and family business development centers, analytical reviews of consulting agencies, and statistical data. A comparative analysis of the social and managerial aspects of the development of family businesses in Russia and the UAE is carried out.

Results. It has been established that, despite its wide distribution in both countries, family businesses in Russia and the UAE are at different stages of institutionalization, primarily from the point of view of regulatory support. Similar development conditions – problems of succession, isolation of family enterprises, shortcomings in the professional training of young people in the field of family entrepreneurship with a generally high entrepreneurial potential, active support of regional authorities and industry associations – are combined with the specifics of state policy, value orientations of enterprise owners, gender aspects of entrepreneurship development etc. While in the UAE the family business ecosystem is well-established, creating a similar ecosystem for Russia is a strategic task, the solution of which is currently impossible without the normative consolidation of family entrepreneurship, the development and implementation of special government programs to support family businesses at the federal level.

Discussion. A priority in both Russia and the UAE is to find a balance between traditional family values that ensure sustainability and modern business values aimed at improving the efficiency of family businesses. Among the areas for further development of family business in Russia and the UAE, one should highlight the improvement of professional training of young people in educational institutions and the creation of conditions for constant, effective communication of all stakeholders of public relations in this area at the organizational, industry and state levels

KEYWORDS: family business, family enterprises, socio-managerial aspect, social groups, values, succession, gender aspect

FOR CITATION: Vatoropin, S. A., Koll, E., & Usatyi, I. V. (2024). Development of family business in Russia and the UAE: socio-managerial aspect. *Management Issues*. 18(5), 19–33. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-5-19-33>.

AUTHORS' INFORMATION:

Sergey A. Vatoropin — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor; Ural Institute of Management — branch of the federal state budgetary educational institution of higher education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation» (66, st. March 8, Ekaterinburg, 620144, Russia) — *associate Professor of the Department of Personnel Management and Sociology*; vatoropin-sa@ranepa.ru. SPIN-код: 4361-0568, ORCID: 0009-0007-6624-8104.

Ekaterina Koll — Ph.D. (Doctor of Philosophy); Zayed University, Dubai Campus, UAE (1, Mushrif, 1st Street, Dubai, United Arab Emirates) — *assistant Professor of Marketing*; info@zu.ac.ae. ORCID: 0000-0001-5689-1023.

Igor V. Usatyi — Ural Institute of Management — branch of the federal state budgetary educational institution of higher education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation» (66, st. March 8, Ekaterinburg, 620144, Russia) — *graduate student of the Department of Personnel Management and Sociology*; igor.usatyi@yandex.ru. SPIN: 9342-6753.

The article was submitted 16/04/2024; reviewed 10/06/2024; accepted for publication 05/09/2024.

РАЗВИТИЕ СЕМЕЙНОГО БИЗНЕСА В РОССИИ И ОАЭ: СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С. А. Ваторопин^a, Е. Колл^b, И. В. Усатый^a

^aУральский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
(Екатеринбург, Россия)

^bУниверситет Заида, Дубайский кампус
(Дубай, Объединенные Арабские Эмираты)

АННОТАЦИЯ:

Введение. В статье рассматриваются социально-управленческие аспекты развития семейного бизнеса в России и Объединенных Арабских Эмиратах. На основе анализа деятельности ключевых управленческих субъектов, ценностей, установок и практик релевантных социальных групп выявляются проблемы и формулируются направления развития семейного бизнеса.

Материалы и методы. Эмпирической базой служат исследования сферы семейного бизнеса, проведенные в 2010–2024 гг., нормативные правовые акты, информация на официальных сайтах государственных органов, торгово-промышленных палат и центров развития семейного бизнеса, аналитические обзоры консалтинговых агентств, статистические данные. Проводится сравнительный анализ социально-управленческих аспектов развития семейного бизнеса в России и ОАЭ.

Результаты. Установлено, что, несмотря на широкое распространение в обеих странах, семейный бизнес в России и ОАЭ находится на разных этапах институционализации, в первую очередь, с точки зрения нормативного обеспечения. Сходные условия развития – проблемы преемственности, замкнутости семейных предприятий, недостатки профессиональной подготовки молодежи в сфере семейного предпринимательства при общем высоком предпринимательском потенциале, активная поддержка региональных органов власти и отраслевых объединений, – сочетаются со спецификой государственной политики, ценностных ориентаций владельцев предприятий, гендерных аспектов развития предпринимательства и т.д. Если в ОАЭ экосистема семейного бизнеса в целом сформирована, то для России создание подобной экосистемы является стратегической задачей, решение которой на данный момент

невозможно без нормативного закрепления семейного предпринимательства, разработки и реализации специальных государственных программ поддержки семейного бизнеса на федеральном уровне.

Обсуждение. Приоритетной задачей как в России, так и в ОАЭ является поиск баланса между традиционными семейными ценностями, обеспечивающими устойчивость, и современными бизнес-ценностями, направленными на повышение эффективности семейных предприятий. Среди направлений дальнейшего развития семейного бизнеса в России и ОАЭ следует выделить совершенствование профессиональной подготовки молодежи в образовательных учреждениях и создание условий для постоянной, эффективной коммуникации всех стейкхолдеров общественных отношений в данной сфере на организационном, отраслевом и государственном уровнях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семейный бизнес, семейные предприятия, социально-управленческий аспект, социальные группы, ценности, преемственность, гендерный аспект

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Vatoropin S. A., Koll E., Usatyi I. V. Development of family business in Russia and the UAE: socio-managerial aspect // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 5. С. 19-33. EDN: JLEKLX. DOI: 10.22394/2304-3369-2024-5-19-33.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ваторопин Сергей Александрович — кандидат социологических наук, доцент; Уральский институт управления — филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» — *доцент кафедры управления персоналом и социологии* (620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66); vatoropin-sa@ranepa.ru. SPIN-код: 4361-0568, ORCID: 0009-0007-6624-8104.

Колл Екатерина — доктор философии; Университет Заида, Дубайский кампус, ОАЭ — *доцент кафедры маркетинга* (Объединенные Арабские Эмираты, Дубай, Мушриф, 1-я улица, д. 1); info@zu.ac.ae. ORCID: 0000-0001-5689-1023.

Усатый Игорь Валерьевич — Уральский институт управления — филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» — *аспирант кафедры управления персоналом и социологии* (620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66); igor.usatyi@yandex.ru. SPIN-код: 9342-6753.

Статья поступила 16.04.2024; рецензия получена 10.06.2024; принята к публикации 05.09.2024.

■ INTRODUCTION

Family businesses do not only play a key role in the economic development of most countries of the world, producing more than two-thirds of global GDP, but also perform important social functions. Among them, we should note the functions of creating a middle class, reducing social tension, attracting young people to social production, their economic socialization and self-realization, and increasing the efficiency of entrepreneurial activity in a particular country [1]. The development of a family business and the creation of an appropriate entrepreneurial ecosystem requires the active interaction of a wide range of management entities (federal and regional authorities, chambers of commerce and industry, family business centers, educational and financial organizations), the

formation of a family business value system and motivation for family entrepreneurship of various social groups. Without an exaggeration, the sustainability of the socio-economic development of the country as a whole depends on the extent to which a family business is able to adapt to the current political, social, and economic situation, use new managerial and technological opportunities, and maintain succession in conditions of turbulence. Within the framework of this article, we will analyze the social and managerial aspect of the development of family businesses in Russia and the United Arab Emirates, formulate current problems in the activities of management entities and the participation of various social groups in family entrepreneurship, and directions for the development of family businesses.

■ MATERIALS AND METHODS

The methodological basis of this work is a secondary analysis of an extensive list of studies conducted by scientists in Russia, the UAE and foreign countries, international consulting agencies (PwC, Deloitte, Edelman), and research centers. The research topics cover government policy in the development of family businesses, the interaction of management entities in this area, the value foundations of the creation, functioning and inheritance of family businesses, the attitudes and practices of social groups participating in family businesses, and a number of other social and managerial aspects. The information base is the official websites of government authorities in Russia and the UAE, the websites of federal and regional chambers of commerce and industry, and family business centers. To study government regulation as a key management factor in the development of family businesses, a traditional (non-formalized) analysis of relevant regulatory legal acts at the federal and regional levels is carried out. When considering the social practices of current and potential owners of family businesses and the interaction of management entities in this area, we rely on activity-based and systemic approaches. A comparative analysis is carried out to characterize the problems and prospects for the development of family businesses in Russia and the UAE.

■ RESULTS

Family Business in the United Arab Emirates

Let's look at the experience of developing a family business in the United Arab Emirates (UAE). In accordance with the legislation of the country, a family company is recognized if more than 50 % of the shares are owned by members of the same family; it must be registered in a special register of the Federal Ministry of Economics. The specific management structure of these organizations is the family council, the functions of which include the development of the family charter, the formation of the composition of the board of directors, control over family funds, the development, implementation and adjustment of family business policies.

Government incentives for family businesses are not a new area of socio-economic development in the UAE, but in recent years attention to it has

increased significantly. An important milestone for this area was the entry into force in 2023 of the relevant Federal Decree-Law on Family Companies, aimed at creating favorable conditions for succession planning, resolving and preventing disputes, regulating the ownership and disposal of shares and many other management issues [2]. The adoption of this law became the starting point not only for further improvement of legislation, but also for the implementation of many programs to support family businesses based on the active interaction of all stakeholders of public relations [3].

If back in the early 2010s. family business demonstrated the greatest efficiency in the trade sector, significantly ahead of construction and other sectors [4], then in the 2020s. the government has significantly expanded the favorable environment for family businesses, pushing them into new high-tech industries. As part of the "Thabat" programme, launched in 2022 by the UAE Ministry of Economy and implemented in collaboration with chambers of commerce and industry, family business development centers in individual emirates, venture funds and many other interested parties, an important role is given to the creation and promotion of startups in the field of digital technologies, healthcare, product manufacturing, etc., capable of developing both in new markets within the country and entering foreign markets. From 2023 to 2026 it is planned to attract 15-20 companies to participate in the program annually, and opportunities to participate are also provided to foreign family businesses. This will collectively ensure the positioning of the UAE as a center for family businesses in the region¹.

Today, family businesses make a significant contribution to the overall socio-economic development of the UAE, accounting for 90 % of enterprises and employing 70 % of private sector employees, providing about 40 % of the country's GDP. According to Forbes, of the 100 most successful Arab family businesses in 2023, 29 are from the UAE².

The government of the country has no plans to stop on the achieved results and sets ambitious strategic goals. Among them, it is worth noting the transformation of 200 family business projects into large companies by 2030 and doubling the contribution of family businesses to GDP to 320 billion US dollars by 2032³. Achieving these

¹ Ministry of Economy – UAE. URL: <https://www.moec.gov.ae/> (access date: 04/10/2024).

² Forbes Middle East. URL: <https://www.forbesmiddleeast.com/> (access date: 04/10/2024).

³ Ministry of Economy – UAE. URL: <https://www.moec.gov.ae/> (access date: 04/10/2024).

goals, in addition to the need to overcome the ineffective approaches of the “traditional economy”, introduce new technologies, diversification of enterprise activities, etc., requires the formation of a social foundation for the implementation of changes. The tasks of ensuring succession in family businesses, first of all, by developing appropriate values and attitudes among young people, as well as encouraging various social groups to participate in family businesses, seem relevant.

Creating a legal basis for the transfer of business from generation to generation is an important, but not the only task in ensuring sustainable development and succession in family entrepreneurship. Today, the share of businesses that have been in operation for three generations or more is only 10–15 % of the total number of family businesses in the UAE⁴. In this regard, it is necessary to form a sufficient level of professional competence of young people in the business sphere, and an attitude towards the active development of a family enterprise. As the results of the study “Student Entrepreneurial Ecosystem in the UAE”⁵ show, among UAE youth, the propensity to engage in entrepreneurial activities is on average higher than in other Arab countries or foreign countries in general. Thus, 65 % of students highly rate their opportunities to become entrepreneurs (63 % and 50 % in other Arab countries and the rest of the world, respectively). Approximately the same proportion of young people assess their own potential effectiveness as entrepreneurs as high (44 %) or very high (20 %). At the same time, one of the key factors determining the future career trajectory is the presence of a family business: 37 % of those predisposed to entrepreneurial activity in the UAE have parents who are business owners (27 % and 24 % in other Arab countries and the rest of the world, respectively).

However, family is not the only factor influencing the decision of young people to engage in business, and there are a number of difficulties for self-realization as entrepreneurs. As the results of the study show, only 5 % of the students surveyed intend to become entrepreneurs immediately after graduating from university, 41 % only after 5 years

after studying. First of all, this is due to the specific content of educational programs in these educational institutions and the general lack of practical business competencies among young people. For example, 62 % of students indicate that there are no specific courses on entrepreneurship (compared to 46 % and 59 % in other Arab countries and countries in the rest of the world, respectively), 25 % have taken at least one course on entrepreneurship (28 % and 30% in other countries respectively). The lack of systematic professional training determines the “limited vision” of future entrepreneurs, their focus on the oversaturated trade sector instead of new high-tech markets, and the desire to start an “isolated” business in the absence of any network of partnerships. Overall, the majority of those surveyed in 2019 believed that “universities could do more to fuel their entrepreneurial spirit”.

It should be noted that specialized business schools, whose educational programs are focused specifically on training entrepreneurs, also experience problems with the professional self-realization of graduates. As noted by the rector of Ajman University in the UAE, K. Segir, “Graduates of business schools in the region, like many other graduates, are not very valued in the labor market. Unemployment is the most threatening problem in the region, especially considering that 38 percent of the unemployed are university graduates” (as of 2020). Among the reasons for the general lack of efficiency of business schools are the workload of teachers and lack of time for research activities, the lack of proper encouragement for start-ups on the campuses of a number of universities, problems of interaction with the government and enterprises, etc⁶.

In general, despite significant improvements in legal regulation, financial, organizational and methodological support for family businesses in the UAE in the 2020s, universities continue to remain a “relatively weak link” in the management system in the context of the ambitious goals set by the state. The results of the study “Universities, the Entrepreneurial Ecosystem and Family Business Performance: Evidence from the United Arab Emirates,” published in 2023, show that “all components of the entrepreneurial ecosystem

⁴ Family business in the UAE: new opportunities for entrepreneurs (2023). Business Emirates Magazine, 99, 48-51. URL: <https://rupublish.ru/02pr/99/48/> (access date: 04/10/2024).

⁵ Basco, R., & Hamdan, R. (2019). Student Entrepreneurial Ecosystem in United Arab Emirates. Family Business in the Arab World Observatory. American University of Sharjah, Sharjah, UAE. URL: https://www.guesssurvey.org/resources/nat_2018/GUESS_Report_2018_UAE.pdf (access date: 04/10/2024).

⁶ Arab business schools seek a better return on their investment (2020). Al-Fanar Media. URL: <https://www.al-fanarmedia.org/2020/01/arab-business-schools-seek-a-better-return-on-their-investment/> (access date: 04/10/2024).

have a positive impact on family business performance, while universities have a moderating effect” [5].

In addition to improving the professional training system for young entrepreneurs, an important direction in the development of family businesses is the formation of an appropriate value system based on succession [6; 7]. Despite the fact that the general propensity for entrepreneurial activity among young people in the UAE is high, the intention to build a professional career specifically in family companies is not widespread. According to the results of the study “Succession Attitudes of the New Generation in the UAE”, only 22 % of young respondents are ready to take on the future leadership of family firms (19 % in other Arab countries and 14 % in the rest of the world, respectively). Among the main factors shaping such attitudes, the authors of the study highlight the lack of opportunity to work freely in a family environment due to interference (control and supervision) from the older generation, fear of comparison and condemnation due to the high expectations that the older generation places on them, availability of attractive alternatives for employment in the dynamically developing UAE market. These factors, along with general high social pressure regarding the importance of succession, determine rather low rates of emotional commitment and moral attachment to the family business (30 % and 25 %, respectively). Only 28 % of representatives of the younger generation note the high value of succession [8]. As Abdul Aziz Al Ghurair, Chairman of the Dubai Chamber, emphasizes, succession planning and management efficiency are two key problematic issues in the development of family businesses in the UAE⁷.

Another important strategic goal, as we noted earlier, is to encourage various social groups to participate in family enterprises. The UAE’s need to attract significant human capital to family businesses, along with active interaction with international institutions (the need to comply with their requirements) and other factors, has led to increased government attention, primarily to the

female part of the country’s population [9]. The basis of state policy was the principles of reducing the “gender gap”, providing women with additional rights and opportunities for self-realization, including in the business environment.

Only in the last 10 years, the first federal Gender Balance Council in all Gulf countries has appeared in the UAE (2015), equality between men and women in terms of wages (2018), access to banking and other financial services (2019), representation in the judiciary (2019), and even the number of seats in the Federal National Council, has been legally enshrined. Today, women make up the majority of students in public and private educational institutions, and in federal universities this figure can reach 80–90 %⁸. Overall, the UN Gender Inequality Index, which ranks countries on their efforts to close the gender gap, currently ranks the UAE at a very high 7th place in the world and 1st place in the region⁹.

Active work to eliminate gender inequality has had a positive impact on business results: the UAE is a regional leader in the field of women’s economic empowerment¹⁰, and the country has created a favorable ecosystem for entrepreneurs¹¹. As for family businesses, men in the management of the relevant enterprises retain priority, however, the stereotypical opinion that Arab countries in general and the UAE in particular have a much larger gender gap in the management of family businesses in comparison with other countries of the world is not true. In 2020, the ratio of men to women in family business management positions was 88 % to 12 % (90 % to 10 % in other Arab countries, 82 % to 18 % in the rest of the world respectively), and if current dynamics continue, the UAE is well positioned to catch up with world leaders. And in terms of the presence of women on the boards of directors of family firms, the UAE has already surpassed the results of other Arab countries and the world average – 53 % versus 29 % and 31 % respectively [10].

At the same time, it is premature to talk about the complete absence of barriers for women in the business sphere, as well as about the complete

⁷ UAE family businesses: “bigger cake, bigger problem” (2023). Arabian Gulf Business Insight. URL: <https://www.agbi.com/banking-finance/2023/05/uae-family-businesses/> (access date: 04/10/2024).

⁸ Ministry of Cabinet Affairs – UAE. URL: <https://www.gbc.gov.ae/> (access date: 04/10/2024).

⁹ UAE ranks seventh on global list of countries fighting gender inequality (2024). Russ A Consulting. URL: <https://russiadubai.com/news/5717/> (access date: 04/10/2024).

¹⁰ UAE is best in region for women economic empowerment (2021). Khaleej Times. URL: https://www.khaleejtimes.com/news/uae-is-best-in-region-for-women-economic-empowerment?_refresh=true (access date: 04/10/2024).

¹¹ Empowering female entrepreneurs in the Middle East (2023). World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2023/06/middle-east-empowering-female-entrepreneurs/> (access date: 04/10/2024).

equality of men and women in the country as a whole [11; 12]. A survey of women business leaders in the UAE in 2022 shows that 62 % have experienced stereotyping and bias in their business interactions, and 82 % say more is needed to ensure equal rights and opportunities in management positions and level of boards of directors of enterprises¹². The cultural and religious traditions of Muslim society continue to resist the policy of eliminating the “gender gap.” As E. Alteneiji notes in a work devoted to value changes in the gender roles of three generations of women in the UAE, “The transfer of values from generation to generation is difficult in collectivist societies undergoing rapid change, in which the younger and older generations oscillate between the forces of modernization and traditionalism” [13].

The value factor and traditions also play an important role for the main relevant social group – owners of family businesses in the UAE, more than 80 % of whom are men. Despite all the identified achievements in the field of business development, the active introduction of technological and managerial innovations, many of them are still not ready to abandon the traditional, familiar model of enterprise management [14]. For example, according to one of the region’s leading businessmen, M. Kanu, there is a “significant gap in the readiness of family businesses for the increased control and accountability that accompanies an IPO”. The placement of shares on the stock market, which often provides companies with additional financial and economic opportunities, is hampered by traditional attitudes towards the closedness of family businesses, the attitude of managers towards them as “their own little empires”, and the reluctance to answer questions from shareholders and coordinate decisions with them in the field of business management¹³.

In this case, it is also possible to state a certain “oscillation between the forces of modernization and traditionalism”, which causes intra-organizational contradictions. It should be noted that in recent years there has been an increase in the level of conflict in family companies in the Middle East: 42 % of business managers “face conflicts from time

to time” (the average in other countries is 33 %) ¹⁴. One of the strategic objectives of family business development remains the harmonization of economic and social values and development principles: achievements in business should not negatively affect family solidarity and sustainability [15].

In general, the considered socio-managerial problems of family business development in the UAE do not reduce the overall positive assessment of the results achieved. Today, about 90% of family business leaders are optimistic about the prospects for their country in general and their companies in particular¹⁵. Further development of the family business sector in the UAE requires coordination of the interests and actions of all key management entities (the state, public organizations, family business centers, venture funds, scientific and educational institutions) and relevant social groups (men and women leading family businesses and participating in the work of boards of directors, young people – future owners of enterprises), the active use of negotiation technologies, and the search for a compromise between traditions and innovations.

Family business in Russia

Let us turn to the Russian experience of developing family businesses. First of all, we note that family businesses in Russia are currently considered only within the framework of small and medium-sized businesses (as opposed to the pre-revolutionary tradition of large family businesses [16] or the previously mentioned UAE family business empires with a billion-dollar capitalization). Other criteria for classifying enterprises as family enterprises, in general, correspond to foreign experience – more than half of the shares, shares, participants or employees (depending on the legal form of the enterprise) must belong to one family.

According to the Russian Chamber of Commerce and Industry, 74 % of small and medium-sized enterprises are family-owned. Taking into account the statistics of the total contribution of SMEs to the country’s economy (just over 20 %

¹² Women Business Leaders Outlook: United Arab Emirates (2022). KPMG. URL: <https://kpmg.com/ae/en/home/insights/2022/12/women-business-leaders-outlook-united-arab-emirates.html> (access date: 04/10/2024).

¹³ Family companies don’t like to be questioned, says Mishal Kanoo (2023). Arabian Gulf Business Insight. URL: <https://www.agbi.com/finance/2023/12/mishal-kanoo-uae-family-companies-ipo/> (access date: 04/10/2024).

¹⁴ Middle East Family Business Survey (2023). PwC Middle East. URL: <https://www.pwc.com/m1/en/publications/family-business-survey-2023.html> (access date: 04/10/2024).

¹⁵ Women Business Leaders Outlook: United Arab Emirates (2022). KPMG. URL: <https://kpmg.com/ae/en/home/insights/2022/12/women-business-leaders-outlook-united-arab-emirates.html> (access date: 04/10/2024).

of GDP), the share of family businesses should account for about 15 % of GDP, which is significantly lower than the similar indicator in the UAE (40 %). Family businesses are most widespread in the agricultural sector (99 % of farm products), the IT sector (90 % of anti-virus products), the hotel business (80 %) and the catering sector (60 %)¹⁶. Such a variety of areas of activity (for example, in the UAE in the 2000s, the trade sector was far ahead of other areas) fits well into the general logic of the development of family businesses in Russia since the 1990s: family businesses from the point of view of political, economic, social conditions of their creation and operation did not stand out much from the general background of SMEs, and their activities were largely determined by general market trends.

The further development of family businesses in Russia requires increased attention from the state. The key task remains the creation of a relevant regulatory framework: consolidating the basic concept, principles of management and ensuring succession at the level of federal legislation [17]. Back in 2019, at a meeting with the head of the Chamber of Commerce and Industry, President V. V. Putin noted the need to clarify the criteria for family businesses; the corresponding bill was developed by the Ministry of Economic Development with the active participation of the Chamber of Commerce and Industry, however, to date it has not been approved. Let us note that we are not talking about a special federal law on family business (like in the UAE), but only about introducing amendments to the current law on SMEs in terms of consolidating the concept of “family enterprise”¹⁷. The lack of the necessary regulatory framework makes it impossible to adopt and implement government development programs (similar to “Thabat” in the UAE). Certain areas of support for family entrepreneurship are reflected, for example, in the Concept of State Family Policy for the period up to 2025 (the task of teaching family members the basics of family entrepreneurship and running a business)¹⁸, but it is premature

to talk about systemic state support at the federal level in this case.

At the same time, at the regional level, the concept of a family enterprise is reflected in legislation. In particular, in 2022, the first such law was adopted in the Nizhny Novgorod region. In active cooperation with the Chamber of Commerce and Industry, regional authorities created the Family Business Center, which should become a “place of attraction” for more than 80 thousand family entrepreneurs in the region, a platform for communication and exchange of experience. State support measures are being developed, including grants, preferential lending and product promotion¹⁹. Other regions are following the example of the Nizhny Novgorod region – by the beginning of 2024, corresponding laws on family enterprises had already been adopted in 8 constituent entities of the Russian Federation.

One of the most active subjects in the development of family businesses in Russia is the Chamber of Commerce and Industry. In addition to the aforementioned interaction with government bodies regarding legislative initiatives, the Chamber of Commerce and Industry implements many of its own projects and events: “100 family companies under the patronage of the President of the Russian Chamber of Commerce and Industry”, “100 hopes of business”, “All-Russian Forum of Family Entrepreneurship “Successful Family – Successful Russia” and others. On the basis of regional Chambers of Commerce and Industry (in the Nizhny Novgorod, Kirov, Samara regions, Yakutia, Bashkortostan and other regions) Family Business Centers have been established, providing services in the field of management consulting, legal support, training and marketing²⁰. In general, the Chamber of Commerce and Industry makes significant efforts to develop the motivation, professional competence, and social capital of representatives of family businesses in Russia within its own very limited powers.

Attention to the development of family entrepreneurship on the part of financial organizations

¹⁶ Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation. URL: <https://www.tpprf.ru/> (access date: 04/10/2024).

¹⁷ Draft Federal Law “On Amendments to the Federal Law “On the Development of Small and Medium Enterprises in the Russian Federation” in terms of consolidating the concept of “family enterprise”. Federal portal of draft normative legal acts. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=93234> (access date: 04/10/2024).

¹⁸ The concept of state family policy in Russia for the period until 2025. URL: <https://rg.ru/documents/2014/08/29/semya-site-dok.html> (access date: 04/10/2024).

¹⁹ Family businesses will be supported in the Nizhny Novgorod region (2023). Nizhegorodskaya Pravda. URL: <https://pravda--nn.ru/turbopages.org/pravda-nn.ru/s/articles/kak-v-nizhegorodskoj-oblasti-podderzhat-semejnyj-biznes/> (access date: 04/10/2024).

²⁰ Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation. URL: <https://www.tpprf.ru/> (access date: 04/10/2024).

can be considered a positive sign. Thus, in March 2024, “Center-invest” became the first Russian bank to launch the Family Business campaign. The promotion, valid until the end of the year, provides free cash settlement services, preferential financing and acquiring for eligible enterprises²¹. In addition to such factors as the conscientiousness of borrowers and their responsible approach to risks, this decision is due to the state initiative to hold the Year of the Family in Russia. There is no doubt that the state’s systemic policy to support family businesses in the future will lead to a more active, mass involvement of banks and other financial entities in this process.

The further development of family business in Russia requires special attention to the social aspect, first of all, the formation of an appropriate system of values (the significance of one’s activities, sustainability and succession, management efficiency, etc.) among the key relevant social group of family business owners. As the results of the study by Yu. S. Murzina, V. P. Poznyakov and S. M. Dyachkova show, similar conditions for the development of family and non-family enterprises in the country influence the formation of a similar value system. The authors note that “Family business owners do not feel their “exclusivity” or isolation: at the level of personal and organizational values, they do not differentiate themselves from the general number of entrepreneurs”. Only 13 out of 213 (about 6 %) identified value orientations of managers of family and non-family enterprises showed significant differences [18].

In such conditions, it seems difficult to realize the specific potential of a family business – sustainable development over generations, significant trust from consumers and its own employees, etc. According to the Edelman Trust Barometer study, in 2019 the global level of trust in family businesses was 86 %, while in Russia it was 57 %. During the pandemic and post-pandemic periods, the overall level of trust has decreased, but family businesses continue to occupy a leading position in the world in this indicator (67 % in 2022)²². However, Russian family businesses often do not use methods aimed at building trust: they rarely include the surname in brand names and highlight the history

of the family, formulate a system of family values for practical application in business [19].

One more feature should be noted. The effective development of a family business is based on interaction, the “mutual flow” of family and business values. Thus, the personal values of a business owner are the foundation for strengthening the competitive advantages of the enterprise, which, in turn, determines the positioning of the business as family pride, etc.²³. However, in Russian practice, traditional family values often conflict with the values of business development. According to research by Yu. S. Murzina, V. P. Poznyakov and S. M. Dyachkova, such value orientations as “marital love” and “decency in relationships with a spouse” reduce the relative possibility of creating a family business by 65 % and 79 %, respectively.

The presence of sufficient social capital (social connections) among family members also increases their possibility of creating a non-family business (88 %). Family businesses are characterized by prevailing isolation, more conservative thinking of their owners, and a tendency toward intuitive management as opposed to professionalization [18; 20]. Based on this, the motivation of current and potential family business owners to develop it requires changes not only at the institutional, but also at the sociocultural level.

Analyzing succession in Russian family businesses, let us turn to the results of studies conducted in 2018 and 2019 by major international consulting agencies PwC and Deloitte. While 64 % of young people showed a desire to take over the management of a family company in the future, only 36 % showed the willingness of owners to transfer management to the next generation. Both of these indicators are inferior to the world average (80 % and 57 %, respectively), but the gap in the willingness to transfer and take over management of a family business is not a Russian feature. Only 7 % of business owners noted a well-thought-out succession plan (the global average is 15 %)²⁴.

The problem of relationships between “fathers and children” is reflected in intra-family conflicts: the most common type is vertical (intergenerational) conflicts in family companies (40 %), significantly ahead of horizontal (between brothers and sisters) (22 %) and diagonal (between distant

²¹ Bank «Center-invest». URL: <https://www.centriinvest.ru/> (access date: 04/10/2024).

²² Edelman Trust Barometer. URL: <https://www.edelman.com/trust/trust-barometer> (access date: 04/10/2024).

²³ Aronoff, C., & Ward, J. (2016). Family Business Values: How to Assure a Legacy of Continuity and Success.

²⁴ How many companies are inherited? Family Business Statistics (2020). Succession.ru. URL: <https://succession.ru/skolko-firm-peredayotsya-po-nasledstvu> (access date: 04/10/2024).

relatives) conflicts [19]. Among the reasons for conflict and problems in succession in general, the following should be highlighted: 1) attitude to questions about the family's values, principles, goals, strategy for the development of the family business, understanding the role of each family member as obvious, not requiring a clear, detailed answer; 2) perception of the material component of family wealth as the main one, value and intellectual – as secondary; 3) lack of consistency in the preparation of a successor, an attempt to prepare him in a short time while providing the opportunity to work “express method” in a family company; 4) lack of motivation of the younger generation to actively work within the family business in spite of the formed habit of using its benefits; 5) lack of understanding by the younger generation of the mechanism of the family business and fear of causing damage to the “well-oiled mechanism” (43 % are ready to give up managing the family business in order to maintain its financial stability); 6) the unwillingness of the owners to transfer management to the younger generation, the perception of the family enterprise as “exclusively theirs”. According to R. V. Reshetyuk and G. G. Kopysov, the solution to the mentioned problems, first of all, should be sought in the field of intrafamily communication, paying attention to the organization and practical activities of family councils, and holding family meetings [21].

In addition to general issues and problems of succession in family businesses, the gender aspect should also be noted. As the study by Yu. S. Panfilova shows, “Intergenerational reproduction in business dynasties has gender specificity”: men more often than women demonstrate attitudes towards active succession (family business is perceived as its own terminal or instrumental value), while women in approximately 40 % of cases demonstrate forced succession (direct requirement or gradual involvement in the family business by parents). Both groups note a lack of professional competencies and a general tendency towards conservative models of behavior – “reproduction of economic strategies existing in the family”. The specificity of the combination of roles in family and business determines the prevailing opportunities for self-realization in existing family companies among men – managers more often perceive their sons as successors [22].

At the same time, as research results show, the motive for entrepreneurial self-realization in women is no less pronounced, and the structure of their motivation is dominated by interest in the content of professional activity and care for loved ones. A combination of initiative (more than 80 % of women entrepreneurs open their own business, “starting from scratch”), social responsibility (choosing “areas of entrepreneurship that are a continuation of household work”, attention to working conditions, socially disadvantaged categories of employees, etc.) and the need to find a balance between professional activities and family responsibilities (flexible work schedule factor) determine the high potential of women in creating a family business [23].

It should be noted that the traditional inclination of women towards “entrepreneurship, which is a continuation of household work” (in the field of education, public catering, folk crafts, etc.) is no longer universal. Their innovative and creative potential today is quite widely realized in high-tech sectors. As noted by V. I. Matvienko, “Every fifth startup in agricultural technologies is founded by women, more than a third of startups in biotechnology and breeding technologies”. In general, in 2023, a noticeable increase in the presence of women in the business sphere was recorded: the index of women's entrepreneurial activity amounted to 73.7 points – 4 and 17 points higher than in 2022 and 2015 respectively²⁵.

Entrepreneurial activity also affects personal characteristics. As the results of a 2023 WCIOM study show, “Women are expected to display more masculine qualities and traits in running their business” (assertiveness, perseverance – 30 %, determination, initiative – 21 %, authoritarianism – 12 %). Meanwhile, the demonstration of these qualities does not lead to a negative perception of entrepreneurs by the opposite sex: 85 % of men demonstrate a high level of support for their wives, mothers, sisters, and daughters in the decision to open a business. Taking into account the fact that almost half of Russian women aged 18 to 24 years (46 %) express a desire to start entrepreneurship “within a year or several years” (only 20 % for all ages), and the number of men under the age of 35 ready to support women members of their family in starting a business is 93 %, we can state the social pre-

²⁵ All-Russian public organization of small and medium-sized businesses “OPORA ROSSII”. URL: <https://opora.ru/> (access date: 04/10/2024).

requisites for the further development of family entrepreneurship in Russia²⁶.

■ **DISCUSSION**

The results obtained make it possible to compare the current characteristics and de-

velopment trends of family businesses in two countries, and to identify promising areas for improvement based on the exchange of experience. A comparative analysis of the socio-managerial aspects of the development of family businesses in Russia and the UAE is presented in Table 1.

Table 1 – Socio-managerial aspects of the development of family businesses in Russia and the UAE
Таблица 1 – Социально-управленческие аспекты развития семейного бизнеса в России и ОАЭ

Criteria	Russia	UAE
<i>Management aspects</i>		
Role in the country's economy	74 % SMEs, about 15 % of GDP	90 % of private sector enterprises, 40 % of GDP
The most popular sectors	Consumer goods sector, construction, manufacturing, retail	Wholesale and retail trade, construction
Regulatory framework at the federal level	At the discussion stage	Formed
Regulatory framework at the regional level	Actively being formed	Formed
State development programs	Elements of support at the program level in related areas (Family Policy Concept)	Special programs to support family businesses (“Thabat”)
Activities of the Chambers and family business centers	Active organizational, consulting, methodological support	Active organizational, consulting, methodological support
Activities of financial organizations	The emergence of the first special banking products for family businesses	Active banking and venture financing of family businesses
Strategic goals	Not clearly formulated	Doubling the contribution of family businesses to GDP to \$320 billion by 2032
<i>Social aspects</i>		
Succession	Third generation of business owners – 8 %	Third generation of business owners – up to 15 %
Owner values	Closedness prevails, there is practically no specific value system of family business	Closedness, conservatism, and orientation towards traditional family values prevail
Conflicts	Vertical (40 %) and horizontal (22 %) conflicts	Conflict occurs “from time to time” in approximately 40 % of family businesses
Youth potential	Fluctuations between management and relinquishment of control over the family business, shortcomings in professional training	Fluctuations between family and own business, shortcomings in professional training
Gender aspect	High potential of women's entrepreneurship, 85 % of men are ready to support women members of their family in starting a business, 66 % note women's equal chances of success in business	Active reduction of the “gender gap”, 82 % of women indicate the need for additional measures to ensure equal rights in business

As follows from Table 1, in the UAE one can state a well-established ecosystem of family entrepreneurship, active interaction between the main management entities with clearly defined strategic goals. In Russia, significant efforts by the Cham-

ber of Commerce and Industry, family business development centers and regional authorities have not yet produced a similar effect due to insufficient attention from federal authorities and financial organizations. At the same time, we may not be

²⁶ All-Russian Center for the Study of Public Opinion. URL: <https://wciom.ru/> (access date: 04/10/2024).

talking about radically different management approaches, but about different stages of institutionalization of a family business. Thus, in the UAE, initially the subjects of legal recognition of family business were not the federal authorities, but individual emirates: in Dubai, the corresponding law was adopted in 2020, in Abu Dhabi – in 2021. Taking into account the fact that the first changes in the legislation of the constituent entities of the Russian Federation fall on 2022-2023, this process is actively continuing at the present time, covering all new regions, and the bill of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation is “awaiting” its consideration, the legal consolidation of family entrepreneurship at the federal level in Russia in 2024 (which is declared the Year of the Family) seems very likely. The adoption of this law, the subsequent development and implementation of special programs to support family entrepreneurship is an important strategic task of the Russian state.

In both Russia and the UAE, the problem of professional training for future owners of family businesses is quite acute. Considering the scale of the spread of family business in Russia and the UAE, it seems relevant to create and develop special training programs in institutions of higher and secondary vocational education in the field of “Family Entrepreneurship”. In our opinion, this will not only allow for the development of specific professional competencies of managers in this area, but will also significantly simplify the solution to the problem of succession – it will predetermine the career trajectory of young people and change the skeptical attitude of parents towards their children’s abilities to manage the family business.

Most family businesses in Russia and the UAE remain rather closed structures, which is due both to the limited social capital of the owners and to the

tendency to reject any outside interference (“my family is my business”). On the one hand, this contributes to the internal stability of family enterprises, but on the other hand, it hinders business expansion, attracting shareholders, perceiving economic trends and entering new high-tech markets. The solution to this problem lies not only in the plane of government management decisions (the experience of implementing the “Thabat” programme in the UAE should be highly appreciated), but is also associated with the formation of an appropriate value system for family business owners. If in the UAE one can state the resistance of traditional cultural and religious family values to the trends of liberalization of business relations, then in Russia, the system of family values, which underlies the success of any family business, is just being formed, while attitudes towards equality of opportunity (for example, men and women in the business sphere) are generally formed. Finding the optimal combination of sustainability and development in the family business requires a “balance of tradition and innovation”, and in this regard, further government efforts to eliminate the “gender gap” in the UAE and government policies to strengthen traditional family values in Russia seem quite relevant. At the same time, achieving balance is possible only in conditions of constant, effective communication at different levels: at the organizational level, it is necessary to increase the role of family councils in management and formation of a succession mechanism; at the industry level, it is necessary to more actively organize platforms for interaction and exchange of experience of family enterprises, providing them with consulting, legal, marketing support, at the state level – to convey common values, principles, norms for the development of family business, to initiate and ensure interaction of all the most significant stakeholders of public relations. ●

REFERENCES

1. Okhremenko, I. V. Social functions of family business in modern society (2023). *Humanitarian, socio-economic and social sciences*, 3, 72-75. <https://doi.org/10.23672/n6280-0049-9788-u>. <https://elibrary.ru/KVMMVT>.
2. Bogdan, V. V. (2023). Family Business in the United Arab Emirates: Legal Experience. *Proceedings of the Southwest State University, Series History and Law*, 13 (5), 31-42. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-31-42>.
3. Eshtrifi, L. (2022). Family Business in the United Arab Emirates. In book: *Family Business in Gulf Cooperation Council Countries* (pp.121-141). https://doi.org/10.1007/978-3-031-17262-5_7.
4. Rettab, B., & Azzeddine, A. (2011). Performance of Family and Non-family Firms with Self-Selection: Evidence from Dubai. *Modern Economy*, 02(04). <https://doi.org/10.4236/me.2011.24070>.
5. Alkaabi, K., Ramadani, V., & Zeqiri, J. (2024). Universities, Entrepreneurial Ecosystem, and

Family Business Performance: Evidence from the United Arab Emirates. *Journal of the Knowledge Economy*, 15, 5511–5538. <https://doi.org/10.1007/s13132-023-01384-9>.

6. Jasir, M., Khan, N. U., & Barghathi, Y. (2022). Stewardship theory of corporate governance and succession planning in family businesses of UAE: views of the owners. *Qualitative Research in Financial Markets*, 15(2), 278-295. <https://www.doi.org/10.1108/qrfm-08-2021-0135>.

7. Oudah, M.H., Jabeen, F., & Dixon, C. (2018). Determinants Linked to Family Business Sustainability in the UAE: An AHP Approach. *Sustainability*, 10(1), 246. <https://www.doi.org/10.3390/su10010246>.

8. Basco, R., Hamdan, R., & Vyas, A. (2021). Succession intention NEXT GENERATION in the UAE. *Survey Report, American University of Sharjah*. <https://www.doi.org/10.13140/RG.2.2.17251.07201>.

9. Peillex, S. H., Shah, M. A., & Esposito, Z. A. (2023). Gender Considerations and Entrepreneurship Development in Fujairah, United Arab Emirates. *Journal of Entrepreneurship & Project Management*, 7(4), 1-10. <https://doi.org/10.53819/81018102t5186>.

10. Basco, R. (2020). Family Business Ecosystem in UAE. *Survey Report, American University of Sharjah*. <https://www.doi.org/10.13140/RG.2.2.11372.51844>.

11. Kawanzaruwa, G., & Mufuka, K. N. (2023). Gender, faith, education, and family background in the United Arab Emirates: A case study of women professionals. *Journal of interdisciplinary academic research*, 6(1). <https://www.doi.org/10.32476/bd9be13c-e2e2-4550-bf71-b96ea7ccf2a5>.

12. Tahir, R., & El Baradie, M. (2019). Behind the veil: the challenges and impediments encountered by women entrepreneurs in the United Arab Emirates. *International Journal of Entrepreneurial Venturing*, 11(3), 258. <https://www.doi.org/10.1504/IJEV.2019.101397>.

13. Alteneiji, E. (2023). Value changes in gender roles: Perspectives from three generations of Emirati women. *Cogent Social Sciences*, 9(1). <https://doi.org/10.1080/23311886.2023.2184899>.

14. Ng, P. Y., & Hamilton, R. T. (2021). Socio-emotional wealth and the innovativeness of family SMEs in the United Arab Emirates. *Journal of small business and entrepreneurship*, 36(1), 158-181. <https://doi.org/10.1080/08276331.2021.1926779>.

15. Awad, C. (2023). Family Solidarity and Sustainability: UAE Case Study 2023. *International*

Journal of Financial, Administrative, and Economic Sciences, 2(4). <https://doi.org/10.59992/IJFAES.2023.v2n4p4>.

16. Krasnovsky, M. A. (2024). Managing the development of family business in Russia. *Russian Economic Bulletin*, 7 (1), 402-407. <https://elibrary.ru/BTIPNA>.

17. Levushkin, A. N. (2018). Family entrepreneurship and family business: concept, legal nature and development prospects. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 3, 206-217. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.43.3.206-217>. <https://elibrary.ru/XOIXUD>.

18. Murzina, Yu. S., Poznyakov, V. P., & Dyachkov, S. M. (2020). A black cat in a dark room: do the value orientations of family and non-family business owners differ? *Organizational psychology*, 10 (4), 88-108. <https://elibrary.ru/ROUVVZ>.

19. Sazonova, A. P. (2022). Problems and prospects for the development of family business in Russia. *Theory and practice of social development*, 1 (167), 69-74. <https://www.doi.org/10.24158/tipor.2022.1.10>. <https://elibrary.ru/RWUHGM>.

20. Paskalova, G. G. (2021). Factors of growth of family business in Russia. *Innovative development of the economy*, 1 (61), 114-123. https://www.doi.org/10.51832/2223-7984_2021_1_114. <https://elibrary.ru/RSEAAR>.

21. Reshetyuk, R. V., & Kopysov, G. G. (2022). Family participation in business management. The role of family councils in the formation of a sustainable succession mechanism. *Property relations in the Russian Federation*, 3 (246), 82-91. <https://elibrary.ru/KXMLTT>.

22. Panfilova, Yu. S. (2020). Female and male scenarios of intergenerational reproduction in Russian business dynasties. In D. Ya. Gribanova (Eds.), *Current problems of personality development in modern society* (pp. 43-48). Pskov State University. <https://elibrary.ru/ZYWDKC>.

23. Utkina, N. Yu. (2017). Objective and subjective factors in the development of women's entrepreneurship in Russia. *Woman in Russian society*, 1 (82), 17-28. <https://www.doi.org/10.21064/WinRS.2017.1.2>. <https://elibrary.ru/YGSNSP>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Охременко И. В. Социальные функции семейного бизнеса в современном обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. №3. С. 72-75. DOI: [10.23672/n6280-0049-9788-u](https://doi.org/10.23672/n6280-0049-9788-u). EDN: **KVMMVT**.
2. Богдан В. В. Семейный бизнес в Объединенных Арабских Эмиратах: опыт правового регулирования. Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023 № 13(5). С. 31-42. DOI: [10.21869/2223-1501-2023-13-5-31-42](https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-5-31-42).
3. Eshtrefi, L. (2022). Family Business in the United Arab Emirates. In book: *Family Business in Gulf Cooperation Council Countries* (pp.121-141). https://doi.org/10.1007/978-3-031-17262-5_7.
4. Rettab, B., & Azzeddine, A. (2011). Performance of Family and Non-family Firms with Self-Selection: Evidence from Dubai. *Modern Economy*, 02(04). <https://doi.org/10.4236/me.2011.24070>.
5. Alkaabi, K., Ramadani, V., & Zeqiri, J. (2024). Universities, Entrepreneurial Ecosystem, and Family Business Performance: Evidence from the United Arab Emirates. *Journal of the Knowledge Economy*, 15, 5511–5538. <https://doi.org/10.1007/s13132-023-01384-9>.
6. Jasir, M., Khan, N. U., & Barghathi, Y. (2022). Stewardship theory of corporate governance and succession planning in family businesses of UAE: views of the owners. *Qualitative Research in Financial Markets*, 15(2), 278-295. <https://www.doi.org/10.1108/qrfm-08-2021-0135>.
7. Oudah, M. H., Jabeen, F., & Dixon, C. (2018). Determinants Linked to Family Business Sustainability in the UAE: An AHP Approach. *Sustainability*, 10(1), 246. <https://www.doi.org/10.3390/su10010246>.
8. Basco, R., Hamdan, R., & Vyas, A. (2021). Succession intention NEXT GENERATION in the UAE. *Survey Report, American University of Sharjah*. <https://www.doi.org/10.13140/RG.2.2.17251.07201>.
9. Peillex, S. H., Shah, M. A., & Esposito, Z. A. (2023). Gender Considerations and Entrepreneurship Development in Fujairah, United Arab Emirates. *Journal of Entrepreneurship & Project Management*, 7(4), 1-10. <https://doi.org/10.53819/81018102t5186>.
10. Basco, R. (2020). Family Business Ecosystem in UAE. *Survey Report, American University of Sharjah*. <https://www.doi.org/10.13140/RG.2.2.11372.51844>.
11. Kawanzaruwa, G., & Mufuka, K. N. (2023). Gender, faith, education, and family background in the United Arab Emirates: A case study of women professionals. *Journal of interdisciplinary academic research*, 6(1). <https://www.doi.org/10.32476/bd9be13c-e2e2-4550-bf71-b96ea7ccf2a5>.
12. Tahir, R., & El Baradie, M. (2019). Behind the veil: the challenges and impediments encountered by women entrepreneurs in the United Arab Emirates. *International Journal of Entrepreneurial Venturing*, 11(3), 258. <https://www.doi.org/10.1504/IJEV.2019.101397>.
13. Alteneiji, E. (2023). Value changes in gender roles: Perspectives from three generations of Emirati women. *Cogent Social Sciences*, 9(1). <https://doi.org/10.1080/23311886.2023.2184899>.
14. Ng, P. Y., & Hamilton, R. T. (2021). Socioemotional wealth and the innovativeness of family SMEs in the United Arab Emirates. *Journal of small business and entrepreneurship*, 36(1), 158-181. <https://doi.org/10.1080/08276331.2021.1926779>.
15. Awad, C. (2023). Family Solidarity and Sustainability: UAE Case Study 2023. *International Journal of Financial, Administrative, and Economic Sciences*, 2(4). <https://doi.org/10.59992/IJFAES.2023.v2n4p4>.
16. Красновский М. А. Управление развитием семейного бизнеса в России // Russian Economic Bulletin. 2024. Т. 7, № 1. С. 402-407. EDN: **BTIPNA**.
17. Левушкин А. Н. Семейное предпринимательство и семейный бизнес: понятие, правовая природа и перспективы развития // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 3. С. 206-217. DOI: [10.17803/2311-5998.2018.43.3.206-217](https://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.43.3.206-217). EDN: **ХОИХUD**.
18. Мурзина Ю. С., Позняков В. П., Дьячков С. М. Чёрная кошка в тёмной комнате: отличаются ли ценностные ориентации владельцев семейного и несемейного бизнеса? // Организационная психология. 2020. Т. 10, № 4. С. 88-108. EDN: **ROUVVZ**.
19. Сазонова А. П. Проблемы и перспективы развития семейного бизнеса в России // Теория и практика общественного развития. 2022. № 1 (167). С. 69-74. DOI: [10.24158/tipor.2022.1.10](https://doi.org/10.24158/tipor.2022.1.10). EDN: **RWUHGM**.

20. Паскалова Г. Г. Факторы роста семейного бизнеса в России // Инновационное развитие экономики. 2021. №1 (61). С. 114-123. DOI: [10.51832/2223-7984_2021_1_114](https://doi.org/10.51832/2223-7984_2021_1_114). EDN: [RSEAAR](#).

21. Решетюк Р. В., Копысов Г. Г. Участие семьи в управлении бизнесом. Роль семейных советов в формировании устойчивого механизма преемственности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 3 (246). С. 82-91. EDN: [KXMLTT](#).

22. Панфилова Ю. С. Женские и мужские сценарии межпоколенного воспроизводства

в российских бизнес-династиях // Актуальные проблемы развития личности в современном обществе: Материалы Международной научно-практической конференции (Псков, 19-21 ноября 2020 г.) / под ред. Д. Я. Грибановой. Псков: Псковский государственный университет, 2020. С. 43-48. EDN: [ZYWDKC](#).

23. Уткина Н. Ю. Объективные и субъективные факторы развития женского предпринимательства в России // Женщина в российском обществе. 2017. № 1 (82). С. 17-28. DOI: [10.21064/WinRS.2017.1.2](https://doi.org/10.21064/WinRS.2017.1.2). EDN: [YGSNSP](#).

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

SOCIAL MANAGEMENT

ОПЫТ ЦЕНТРА СЕМЬИ И ДЕМОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН В НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОМ СОПРОВОЖДЕНИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Ч. И. Ильдарханова^а, Г. Н. Ершова^а, В. Н. Архангельский^б

^аМежрегиональный клинико-диагностический центр
(Казань, Россия)

^бМосковский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. Семейно-центристский образ жизни, устойчивая парадигма крепкой семьи и брака являются традиционными для россиян духовно-нравственными ценностями. Совершенствование государственной семейной политики России и ее регионов, способствующей развитию института семьи, является механизмом обеспечения демографической безопасности и актуализируется проведением в РФ в 2024 г. Года семьи. В современной демографической ситуации следует обратиться к опыту регионов по научно-методическому сопровождению Национального проекта «Демография». Одним из модельных субъектов с успешным опытом по экспертному сопровождению демографического развития региона может выступить Республика Татарстан, в котором с 2007 г. работает Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (ЦСиД АНРТ).

Материалы и методы. Осуществлен анализ посредством методов статистического анализа временных динамических рядов демографических индикаторов и демографической конъюнктуры в Республике Татарстан за 2006–2022 гг. по методике Института демографических исследований ФНИСЦ РАН (ИДИ ФНИСЦ РАН), проведен кросс-секционный анализ данных социологических исследований, реализованных ЦСиД АНРТ.

Результаты. Проанализировано взаимодействие ЦСиД АНРТ с профильными государственными структурами Республики Татарстан, осуществляющими государственные программы семейной и демографической политики в 2007–2022 гг. На основании информационно-аналитических материалов ЦСиД АНРТ в Республике Татарстан были разработаны беспрецедентные меры государственной семейной политики в рамках Национального проекта «Демография». В Республике Татарстан за 2006–2022 гг. суммарные показатели рождаемости выше, чем в целом по РФ. Общий коэффициент смертности значительно ниже, чем по стране. Это свидетельствует об относительно благоприятных условиях демографической и экономической инфраструктуры для реализации репродуктивных планов, превышающих российские показатели. Семейно-центристские практики населения в регионе подтверждаются результатами социологических исследований.

Обсуждение. Дальнейшее расширение межведомственного взаимодействия актуализируется поддержанием имеющихся и созданием новых инфраструктурных, институциональных, экономических и социокультурных условий для достижения целевых демографических показателей, а также в перспективе национальных проектов «Семья» и «Продолжительная и активная жизнь». В целях научно-методического обеспечения Национального проекта «Демография», государственных программ, направленных на повышение рождаемости, экспертизы законодательных инициатив и с учетом высокой востребованности исследований демографической политики перспективным представляется создание в субъектах РФ региональных центров семьи и демографии в форме научно-исследовательских институтов.

© Ч. И. Ильдарханова, Г. Н. Ершова, В. Н. Архангельский, 2024

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: демографическая политика, семейно-центристское поведение, национальный проект «Демография», демографическая конъюнктура, Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, демографическое самочувствие

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ильдарханова Ч. И., Ершова Г. Н., Архангельский В. Н. Опыт Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан в научно-методическом сопровождении демографической политики Республики Татарстан // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 5. С. 35-47. EDN: JUQLJM. DOI: 10.22394/2304-3369-2024-5-35-47.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ильдарханова Чулпан Ильдусовна — доктор социологических наук; Межрегиональный клинично-диагностический центр (420101, Россия, Казань, ул. Карбышева, 12а) — *заведующий кафедрой медицинской демографии Регионального медицинского исследовательского института*; chulpanildusovna@gmail.com. SPIN-код: 3873-1672, ORCID: 0000-0002-3992-0336, Researcher: N-6382-2016.

Ершова Гузель Николаевна – кандидат исторических наук; Межрегиональный клинично-диагностический центр (420101, Россия, Казань, ул. Карбышева, 12а) — *ведущий научный сотрудник кафедры медицинской демографии Регионального медицинского исследовательского института*; ershova104@mail.ru. SPIN-код: 1179-8148, ORCID: 0000-0001-6399-0521.

Архангельский Владимир Николаевич — кандидат экономических наук; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1) — *заведующий сектором воспроизводства населения и демографической политики Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова*; archangelsky@yandex.ru. SPIN-код: 1472-3201, ORCID: 0000-0002-7091-9632, Researcher: T-4845-2017.

Статья поступила 13.03.2024; рецензия получена 06.05.2024; принята к публикации 07.06.2024.

EXPERIENCE OF THE FAMILY AND DEMOGRAPHY CENTER OF TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES IN SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL SUPPORT OF THE DEMOGRAPHIC POLICY OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Ch. I. Ildarkhanova^a, G. N. Ershova^a, V. N. Arkhangelsky^b

^a Interregional Clinical Diagnostic Center
(Kazan, Russia)

^b Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. A family-centric lifestyle, a stable paradigm of a strong family and marriage are traditional spiritual and moral values for Russians. Improving the state family policy of Russia and its regions, promoting the development of the family institution, is a mechanism for ensuring demographic security and is being updated by holding the Year of the Family in the Russian Federation in 2024. In the current demographic situation, one should turn to the experience of the regions in scientific and methodological support of the National Project “Demography”. One of the model subjects with successful experience in expert support of the demographic development of the region can be the Republic of Tatarstan, in which the Family and Demography Center of Tatarstan Academy of Sciences has been operating since 2007.

Materials and methods. The analysis was carried out using methods of statistical analysis of time series of demographic indicators and demographic conjuncture in the Republic of Tatarstan for 2006-2022. according to the methodology of the Institute of Demographic Research of the Russian Academy of Sciences (IDI of the Russian Academy of Sciences), a cross-sectional analysis of sociological research data implemented by the Family and Demography Center of the Tatarstan Academy of Sciences was carried out.

Results. The interaction of the Family and Demography Center of the Tatarstan Academy of Sciences with the relevant state structures of the Republic of Tatarstan implementing state programs of family and demographic policy in 2007-2022 is analyzed. Based on the information and analytical materials of the Family and Demography Center of the Tatarstan Academy of Sciences in the Republic of Tatarstan, unprecedented measures of state family policy were developed within the framework of the national project “Demography”. In the Republic of Tatarstan for 2006-2022, the total fertility rates are higher than in the whole of the Russian Federation. The overall mortality rate is significantly lower than in the country. This indicates the relatively favorable conditions of the demographic and economic infrastructure for the implementation of higher reproductive plans than in the Russian Federation as a whole. The family-centrist practices of the population in the region are confirmed by the results of sociological research.

Discussion. Further expansion of interdepartmental cooperation is actualized by maintaining existing and creating new infrastructural, institutional, economic and socio-cultural conditions to achieve demographic targets, as well as in the future national projects “Family” and “Long and active life”. In order to provide scientific and methodological support for the National Project “Demography”, state programs aimed at increasing the birth rate, expertise of legislative initiatives and, taking into account the high demand for demographic policy research, it seems promising to create regional family and demography centers in the subjects of the Russian Federation in the form of research institutes.

KEYWORDS: demographic policy, family-centric behavior, national project “Demography”, demographic conjuncture, Family and Demography Center of Tatarstan Academy of Sciences, demographic well-being

FOR CITATION: Ildarkhanova, Ch. I., Ershova, G. N., & Arkhangelsky, V. N. (2024). Experience of the Family and Demography Center of Tatarstan Academy of Sciences in scientific and methodological support of the demographic policy of the Republic of Tatarstan. *Management Issues*, 18(5). 35-47. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-5-35-47>.

AUTHORS' INFORMATION:

Chulpan I. Ildarkhanova — Advanced Doctor in Sociological Sciences; Interregional Clinical Diagnostic Center (12a, Karbyshev St., Kazan, 420101, Russia) — *head of the Department of Medical Demography, Regional Medical Research Institute*; chulpanildusovna@gmail.com. RSCI SPIN: 3873-1672, ORCID: 0000-0002-3992-0336, ResearcherID: N-6382-2016.

Guzel N. Ershova — Ph.D. of Historical Sciences; Interregional Clinical Diagnostic Center (12a, Karbyshev St., Kazan, 420101, Russia) — *leading researcher of the Department of Medical Demography, Regional Medical Research Institute*; ershova104@mail.ru. RSCI SPIN: 1179-8148, ORCID: 0000-0001-6399-0521.

Vladimir N. Arkhangelsky — Cand.Sci. (Econ.); Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian) — *head of the Sector of Population Reproduction and Demographic Policy of the Center for the Study of Population Problems of the Faculty of Economics*; archangelsky@yandex.ru. SPIN: 1472-3201, ORCID: 0000-0002-7091-9632, Researcher: T-4845-2017.

The article was submitted 03/13/2024; reviewed 05/06/2024; accepted for publication 06/07/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

Обеспечение демографической безопасности является глобальной проблемой, актуальной для российского общества, и приоритетом национальной политики Российской Федерации [1]. Одним из механизмов обеспе-

чения демографической безопасности выступает совершенствование государственной семейной и социальной политики России в целом и регионов, способствующей полноценному развитию российской семьи [2]. Российские исследователи считают,

что современная демографическая ситуация требует реализации наиболее приоритетных мер государственной демографической и семейной политики [3].

В соответствии с Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в России естественное продолжение жизни, крепкая семья, брак, многодетность провозглашены охраняемыми государством традиционными ценностями.

Научно-методическое обеспечение Национального проекта «Демография» в Республике Татарстан и взаимодействие с профильными государственными структурами и подразделениями региона, реализующими государственные программы семейной и демографической политики, осуществляет ЦСиД АНРТ, основанный в 2007 г. в соответствии с Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 30.07.2007 № 339 «О создании Научно-исследовательского центра семьи и демографии».

Современные исследования динамики демографических процессов проводятся в канве анализа влияния мер демографической политики государства в сравнительных исследованиях западноевропейских стран [4], государств «скандинавской модели» [5], Китая [6], Сингапура [7], Японии [8], в отечественных исследованиях с 2007 г. [3], на федеральном [9], окружном [10] и региональном уровнях [11]. Российские последователи теории демографического перехода пришли к выводу о недостижимости режима воспроизводства населения до уровня замещения поколений на современном этапе, считая, что меры пронаталистской политики не воздействуют на механизмы саморегуляции численности населения [12]. Сторонники аксиологического подхода рассматривают регуляторы воспроизводства с позиций микросоциологии [13, 14]. Основы факторного анализа детерминант рождаемости и демографического поведения заложили А. И. Антонов, В. А. Борисов, В. Н. Архангельский. Оценка результативности региональной демографической политики осуществлялась исследователями ФНИСЦ РАН в их национальных докладах [15], НИУ ВШЭ [16], региональных исследовательских центров и их демографических докладах [17]. Заявляя движущей силой демографических процессов

активное здоровьесберегающее и репродуктивное поведение населения, основную задачу государства в реализации демографической политики России В. А. Ильин, А. А. Шабунова, О. Н. Калачикова видят во влиянии на демографическое поведение. Сокращение различий между предпочтительным и планируемым числом рождений, увеличение реализации процептивных планов стало итогом формирования достойных социально-экономических условий для рождения детей [18]. По мнению А. А. Шабуновой и Т. К. Ростовской, анализ эффективности реализации демографической политики посредством количественных показателей должен дополняться экспертными оценками, характеризующими эффективность принимаемых мер, на изменение демографической ситуации способна оказать влияние оптимизация нормативно-правовой базы, в том числе региональной [19]. Высоко оценивая возможности влияния социально-демографической политики государства, в том числе в регионах, на динамику демографических процессов, отечественные демографы отмечают, что пока меры демографической политики не оказывают должного влияния на тренды демографических процессов [20]. Т. К. Ростовская и О. А. Золотарева пришли к выводу, что в Национальном проекте «Демография» большее внимание уделено проблемам в сферах образования и занятости, оказания своевременной медицинской помощи пожилым людям, поддержки населения с ограниченными возможностями здоровья и семей с детьми и в паспорте национального проекта отсутствуют плановые показатели до 2030 г., непосредственно отражающие динамику демографических процессов. Эффективность демографической политики, по их мнению, следует оценивать в комплексе демографических и социологических показателей [21]. Определенная попытка такой оценки на примере Республики Татарстан будет предпринята в данной работе.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Цель исследования заключается в оценке вклада ЦСиД АНРТ в результативность демографической политики РТ в 2007–2022 гг. По методике, предлагаемой Т. К. Ростовской и ее коллегами, изучение результативности демографической политики предполагает анализ индикаторов, объединенных в подсистемы: «Цели и ориентиры семейной политики»,

«Демографическая конъюнктура», «Семья, брачность, материн-и детство» [21]. Источниками сведений об основных демографических индикаторах стали ежегодные сведения Росстата¹. Качественно их дополнить позволили результаты социологических исследований, реализованных ЦСиД АНРТ (свидетельство о регистрации базы данных № 2021621560²; свидетельство о регистрации базы данных № 2021621811³), в том числе совместно с Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН⁴.

В работе применены методы статистического анализа временных динамических рядов показателей, кросс-секционного анализа данных социологических исследований.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основная цель ЦСиД АНРТ – осуществление научной деятельности, проведение фундаментальных и прикладных научных исследований в области семьи и демографии, выявление и прогнозирование социально-демографического развития региона, подготовка научных кадров. ЦСиД АНРТ в своей научно-исследовательской деятельности ориентируется на государственные приоритеты «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» и «Концепцию демографической политики Российской Федерации».

Конкретным научным результатом, систематизирующим научно-исследовательскую работу ЦСиД АНРТ в рамках научного проекта «Демографическая устойчивость Республики Татарстан: вызовы, риски, решения»,

стал ежегодный Демографический доклад Республики Татарстан, в котором опубликованы результаты демографических прогнозов, социологического и демографического анализа тенденций демографических процессов в Республике Татарстан в обще-российском, федеральноокружном, региональном и муниципальном разрезе [22]. В демографических докладах представлены результаты перспективного анализа целевых индикаторов в региональном проекте нацпроекта «Демография», определены тренды репродуктивного поведения женщин РТ, исследованы качественные параметры воспроизводства жизни через социологическое изучение здоровья семьи, проанализированы миграционные потоки муниципальных районов РТ в аспекте угроз потери регионального человеческого капитала, изучен социально-демографический контекст смертности в Республике Татарстан, обобщен региональный опыт реализации семейной политики, отражены международные практики стабилизации социально-демографической ситуации [17]. По результатам социологических опросов, реализованных ЦСиД АНРТ, изучена экономическая активность современных женщин РТ в рамках их генеративного поведения, ориентации самосохранительного поведения учащихся Республики Татарстан. Концептуализирована модель социально-сберегающего интермодального транспортного поведения в контексте потенциала снижения смертности на федеральном, региональном, локальном уровнях. Исследованы стратегии здоровьесберегающего, миграционного, прокреационного поведения населения РТ в контексте перспек-

¹ Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2022. URL: <https://www.gks.ru/bgd/>.

² Исследование осуществлено в Республике Татарстан и Вологодской области в 2020 г. в рамках реализации гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 19-011-00644 «Генеративное поведение российских мужчин в условиях демографического кризиса: Приволжский и Северо-Западный округа РФ (сравнительный анализ)». Выборка составила 1353 мужчины в возрасте от 18 лет. Выборка мужчин, проживающих в Республике Татарстан, составила 749.

³ Исследование проведено в 2018 г. в трех агломерациях Республики Татарстан (гг. Нижнекамск, Набережные Челны и Нижнекамском, Муслюмовском, Мензелинском, Тукаевском муниципальных районах Камской агломерации; гг. Альметьевск, Лениногорск и Альметьевском, Новошешминском, Аксубаевском, Ютазинском районах Альметьевской агломерации; гг. Казань, Чистополь, Арск и Арском, Буинском, Чистопольском муниципальных районах Казанской агломерации). Научным коллективом ЦСиД АН РТ был проведен опрос среди женщин репродуктивного возраста от 15 до 49 лет. Выборочная совокупность – 2273 женщины.

⁴ Социологическое исследование «Демографическое самочувствие Татарстана» (N = 556 респондентов, многоступенчатая типологическая и квотная выборка с учетом пола и возрастных групп 18–29, 30–39, 40–49 лет, доверительный интервал расчета данных +/-4% при уровне достоверности 95,4%) Центра семьи и демографии Академии наук РТ в рамках всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие населения России», проведенного в конце 2019 – начале 2020 гг. в г. Москве, Вологодской, Волгоградской, Ивановской, Московской, Нижегородской, Свердловской областях, республиках Башкортостан, Татарстан, Ставропольском крае, выборочная совокупность N = 5616 респондентов в возрасте от 18 до 50 лет, многоступенчатая типологическая и квотная выборка, доверительный интервал расчета данных +/-0,4% при уровне достоверности 99,7%. Руководитель: докт. социол. наук, профессор Т. К. Ростовская.

тив достижимости индикаторов, заданных нацпроектом «Демография» как целевых [23]. В доклад включены результаты социологических исследований «Социально-экономическое положение семей с детьми, получающими алименты», а также разработанные меры по государственному регулированию алиментных отношений, проанализированы факторы, детерминирующие жизнедеятельность успешных хозяев сельских подворий Республики Татарстан [24]. Итоги фундаментальных и прикладных науч-но-исследовательских работ ЦСиД АНРТ легли в основу разработанных для Правительства РТ научных информационно-аналитических докладов и предложений, направленных на практическую реализацию демографической устойчивости в РТ.

ЦСиД АНРТ разработана система индикаторов для мониторинга эффективности мер государственной политики в отношении женщин во всех муниципалитетах РТ в соответствии с направлениями, определенными Планом⁵.

В 2018 г. ЦСиД АНРТ по поручению заместителя Премьер-министра РТ Л. Р. Фазлеевой⁶ осуществил проект «Пофакторный анализ рождаемости в Республике Татарстан». В рамках научно-методического обеспечения нацпроекта «Демография» разработан проект нормативно-правового акта по созданию системы комплексного мониторинга реализации программных документов Республики Татарстан в области демографической и семейной политики в период 2019–2024 гг., позволяющий провести анализ динамики демографического развития муниципалитетов РТ, дать оценку эффективности региональных мер, направленных на улучшение социально-экономической и демографической ситуации, определить перспективы достижимости в РТ индикаторов, заданных нацпроектом «Демография» как целевых. ЦСиД АНРТ был впер-

вые составлен и интегрирован «Социально-демографический паспорт муниципального района/городского округа Республики Татарстан». Составленные на основании информационно-аналитических материалов ЦСиД АНРТ «Методические рекомендации для органов местного самоуправления по вопросам демографической и семейной политики в муниципальных образованиях РТ» были апробированы по итогам рабочих встреч с заместителями руководителей Исполнительных комитетов муниципалитетов Республики Татарстан, курирующими вопросы социального блока по вопросу разработки соответствующей дорожной карты⁷. На основе научных демографических расчетов и прогнозов ЦСиД АНРТ в регионе внедрены беспрецедентные меры государственной семейной политики в рамках региональных подпрограмм «Финансовая поддержка семей при рождении детей» и «Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет».

В 2020 г. ЦСиД АНРТ разработана «Комплексная целевая программа «Семья Татарстана», которая позволила сформулировать новые принципы реализации семейной политики в контексте Национального проекта «Демография», определить модель взаимодействия субъектов семейного строительства на макро-, мезо- и микро-уровне, структурировать систему программных мероприятий, определить ее организационное обеспечение [24].

Проект комплексной целевой программы состоит из четырех разделов⁸, разработан в актуальном для Республики Татарстан и России в целом направлении – решение перспективной и принципиально важной государственной задачи по созданию условий, стимулирующих население к созданию семьи и рождению детей. Проект Программы экспертирован Научным советом «Демографи-

⁵ План мероприятий по реализации I этапа Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2018–2022 гг. в Республике Татарстан» (утвержденном распоряжением КМ РТ от 26.12.2018 г. № 3633-р).

⁶ Поручение заместителя премьер-министра РТ Л. Р. Фазлеевой «О разработке пофакторной модели рождаемости в субъекте Российской Федерации до 2024 года» по итогам состоявшегося в Министерстве труда и социальной защиты РФ совещания «О ходе реализации национального проекта «Демография».

⁷ Дорожная карта (плана мероприятий) по повышению рождаемости и снижению количества абортных на период 2019–2024 годы», в том числе в части изменения значений целевых показателей с учетом построения пофакторной модели рождаемости до 2024 года и на плановый период до 2030 года (Министерство труда, занятости и социальной защиты РТ, 14–22 октября 2019 г.).

⁸ «Создание единой электронной открытой базы со статистическими данными, характеризующими положение брачных пар и семей, имеющих детей, в Республике Татарстан», «Социальное конструирование брачно-семейных отношений», «Формирование репродуктивного капитала семьи через здоровьесберегающие практики», «Создание дружественной среды для развития семейно-родительских отношений».

ческие и миграционные проблемы России» Отделения общественных наук РАН и был учтен при разработке проекта Федеральной межведомственной программы «Семья России». На основе комплексной целевой программы «Семья Татарстана» в РТ разработан «План мероприятий по реализации семейной и демографической политики Республики Татарстан на 2022–2025 годы».

ЦСиД АНРТ входит в состав рабочей группы Комитета по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства Государственной Думы РФ, Совет при Раисе Республики Татарстан Р. Н. Минниханове по вопросам повышения качества жизни граждан, проживающих на территории Республики Татарстан. Центр выступил с предложениями в законопроект о едином для всех регионов страны бессрочном статусе многодетных семей и определении мер поддержки для них. Законопроект был поддержан и принят на федеральном уровне Указом Президента РФ от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей». Результатом взаимодействия с ИДИ ФНИСЦ РАН и Научным советом «Демографические и миграционные проблемы России» при Отделении общественных наук РАН стали разработка Профессионального стандарта «Демограф», подготовка четырех национальных демографических докладов.

В 2023 г. практико-ориентированным итогом научно-исследовательской работы ЦСиД АНРТ стала «Региональная программа (план мероприятий) по повышению рождаемости в Республике Татарстан на 2023–2025 годы»⁹. Региональная программа содержит меры социальной и экономической помощи семьям, в том числе многодетным, по материальному стимулированию репродуктивного поведения, поддержки по обеспечению жильем, местами для детей в организациях дошкольного образования, развитию гибких форм занятости населения в активном репродуктивном возрасте, а также ряд мер, нацеленных на здоровьесбережение, в том числе сохранение репродуктивного и психологического здоровья и формирование положительных установок процептивного поведения, культуры многодетности в условиях прогнозируемых нами до 2028 г. негативных для динамики рождаемости

трансформаций половозрастной структуры населения [17].

Согласно методике анализа результативности демографической политики, предлагаемой Т. К. Ростовской и ее коллегами, в подсистему индикаторов «Цели и ориентиры семейной политики» [21] включены: показатели по численности населения, суммарной рождаемости, ожидаемой продолжительности предстоящей жизни, доли домохозяйств с детьми в возрасте до 16 лет со среднедушевыми денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общем числе домохозяйств с детьми в возрасте до 16 лет, репродуктивные установки родителей по планируемому числу детей [21]. По сравнению с 2006 г., население Республики Татарстан увеличилось на 6,3 %, прирост населения в РФ составил 2,5 %. Согласно ВПН-2020 Республика Татарстан входила в число 8 субъектов РФ с наибольшей численностью населения. Наибольший прирост суммарного коэффициента рождаемости на 46,5 % был отмечен в 2015 г. (1,896), превышал целевой для РТ показатель, а в 2022 г., по сравнению с 2006 г., прирост составил 12,3 %. Превышение коэффициента суммарной рождаемости в РТ общероссийских показателей и показателей Приволжского федерального округа обусловлено более высокой рождаемостью первых и вторых детей. Снижение рождаемости в РТ в 2020–2022 гг. произошло ввиду сокращения контингента женщин детородного возраста, которое прогнозируется до 2030 г. Доля домохозяйств с детьми в возрасте до 16 лет со среднедушевыми денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общем числе домохозяйств с детьми в возрасте до 16 лет снизилась на 49 % и составила 5 %. В 2019 г. ожидаемая продолжительность предстоящей жизни мужчин составила 69,74 г., а у женщин – 79,72 г., достигнув показатель, установленный в качестве целевого нацпроектом «Демография» на 2024 г. В 2022 г. показатель ожидаемой продолжительности предстоящей жизни увеличился относительно 2021 г., составив 69,7 года у мужчин и 79,9 года у женщин. Прирост относительно 2006 года, как и в РФ, почти 9 %: 6% у женщин и 11,3 % у мужчин (в РФ 11,8 %). Преимущество относительно общероссийских показателей обусловлено низкими возрастными показателями

⁹ В соответствии с пунктом 2 постановления Кабинета Министров РТ от 27.06.2023 № 756 «Об утверждении Региональной программы (плана мероприятий) по повышению рождаемости в РТ на 2023–2025 годы».

смертности по причинам болезней системы кровообращения (главной нозологии смертности в РФ) и внешних причин. Ожидается увеличение показателей смертности ввиду старения населения.

Результаты социологических исследований также позволили оценить репродуктивные установки родителей: по данным социологического исследования «Демографическое самочувствие», проведенного в 10 субъектах РФ при участии ЦСиД АНРТ, в Республике Татарстан почти половина опрошенных в РТ (47 %) хотели бы стать многодетными (желаемое число детей 3 и более), однако репродуктивные планы многодетности («Сколько детей Вы собираетесь иметь?») озвучили только четверть респондентов (23 %), женщины чаще всего заявляли о желании иметь одного-двоих детей, идеальной моделью семьи считали трехдетную. По данным социологического исследования российских мужчин¹⁰, в целом по республике во всех возрастных группах более половины мужчин высказали желание иметь двух детей, также половина мужчин в возрасте до 32 лет отметили желаемое число детей 2, в возрастной группе 18–22 года по 20% респондентов выбрали ответ 1 и 2 ребенка, треть респондентов в группе 23–33 года – три ребенка. В возрасте 33–37 лет желаемое число детей 2 и 3 ребенка отметили по 40 % опрошенных мужчин, а каждый десятый респондент – 4-5 детей. В возрастной группе 38–42 года более трех детей хотели бы иметь 16 %, по 30 % мужчин выбрали вариант 2 и 3 детей. В группах старше 42 лет по 12 % хотели бы иметь 4-5 детей.

Наиболее популярный ответ об идеальном числе детей в семье для мужчин, преимущественно городских, 2-3 [25, с. 169].

Среди мужчин, имевших одного ребенка, большинство составили мужчины, пожелавшие иметь еще одного ребенка. В числе двухдетных отцов около половины считали свои репродуктивные планы выполненными, также и среди многодетных у абсолютного большинства отцов желаемое число детей совпадало с уже имеющимся. По итогам социологического исследования женщины чаще всего заявляли о желании иметь одного-двоих детей, идеальным числом детей в семье считали троих [26, с. 19]. Среди однодетных 30% женщин считали свои репродуктивные планы выполненными.

Среди респонденток, имеющих двоих детей, почти половина заявили о желании дальнейшего расширения семьи. Среди многодетных женщин большинство считают, что реализовали репродуктивные намерения, при этом по 10 % хотели бы иметь еще одного или двух детей. В целом среди опрошенных женщин в РТ отмечена тенденция превышения желаемого числа детей над числом имеющихся.

Следующим этапом анализа является оценка подсистемы показателей демографической конъюнктуры. Подсистема демографической конъюнктуры, по данным Росстата, предлагаемая ИДИ ФНИСЦ РАН, предполагала анализ половозрастной структуры региона и демографической нагрузки на когорту трудоспособного населения.

В 2020 г. Республика Татарстан по коэффициенту естественного прироста в порядке убывания находилась на 23-м месте вместе с г. Санкт-Петербург и Ставропольским краем (-3,3 ‰), в 2021 г. – на 20-м месте, в 2022 г. с показателем -2 ‰ оказалась на 17-м месте среди регионов РФ.

Из анализ половозрастной структуры Республики Татарстан на начало 2023 г. следует, что пирамида населения в чистом виде не относится ни к одному из типов по А. Г. Сундбергу, но тяготеет к стабильному/стационарному типу. Пирамида населения Республики Татарстан в пятилетних когортах показывает стабильно/стационарный тип до 64 лет, после 65 лет наблюдается экспансивная пирамида и существенное сокращение населения. Данная пирамида также наглядно демонстрирует разрыв между возрастной численностью населения мужчин и женщин, что заметно, начиная с 40 лет, и особенно ощутимо в старших возрастных когортах старше 60 лет.

Разница между средним возрастом мужчин и женщин сократилась с 5,15 года в 2015 г. [22] до 4,76 года в 2022 г. В сравнении с 2006 г., прирост доли населения в возрасте старше трудоспособного в РФ в целом составил 17,8 %, в Республике Татарстан темп прироста выше 20,5 %, в доле населения трудоспособного возраста, напротив, темп прироста отрицательный (-9,5 %) как в РФ, так и в Республике Татарстан (-10 %), темп прироста доли населения младше трудоспособного возраста составил 14 % в РФ и 13 % в регионе. Расчет демогра-

¹⁰ Социологическое исследование «Генеративное поведение российских мужчин в условиях демографического кризиса», 2020 г.

фической нагрузки детьми на население трудоспособного возраста не выявил гендерных различий, а нагрузка пожилыми мужчинами в 2,5 раза ниже, чем пожилыми женщинами. Коэффициент демографической нагрузки детьми в Республике Татарстан на конец 2021 г. превысил показатели на тысячу населения трудоспособного возраста Москвы (274) и Санкт-Петербурга (286) и составил 352¹¹.

Согласно классификации населения Ж. Божье-Гарнье – Э. Россета, население является старым с индексом глубины старения 24 %.

В 2018 г. были введены специальные единовременные выплаты сельским женщинам¹². Сравнительный анализ долей рождений в сельских муниципалитетах РТ показал, что рождаемость первых детей в возрастной группе матерей 20–24 года значительно снижалась в 2016 (на 13,5 %) и 2017 (на 18,2 %) гг. С 2018 г. темп прироста составил 2,5 %, в 2019 г. – 5,1 %, в 2020 г. – 1,7%. Коэффициент рождаемости по третьим рождениям в диапазоне 25–29 лет в сельских территориях Республики Татарстан в 2018 г. повысился на 17,5 %, а в 2019 г. – на 4,3 % [22]. В 2022 году средний возраст матери в РТ и РФ – 29 л., средний возраст матери первенца – 26 лет, второго ребенка – 30 лет, третьего – 33 года (возраст при рождении третьего по РФ – 32 года). Примечательно, что в 2021 г. у сельских женщин возраст при рождении третьего ребенка составил 32,6 года и был ниже, чем в городах (33,3 года), но в целом на омоложение возраста сельских матерей данная мера существенно не повлияла. Увеличение среднего возраста матери обусловлено в том числе и ростом числа третьих рождений в 2,7 раза (по сравнению с 2006 г.).

В числе индикаторов, включенных в подсистему «Семья, брачность, материнство и детство» [21], использованы показатели социологических исследований. Так, в Республике Татарстан каждый четвертый респондент заявил о намерении планирования ребенка в ближайшее время как причины регистрации брака, а также для 60 % респондентов реги-

страция брака обязательна именно для того, чтобы планируемый ребенок родился в браке. Абсолютное большинство жителей Татарстана (70 %) заявили цель воспитания детей наиболее важной в своей жизни, в отличие от других регионов, более половины респондентов отметили целью жизни зарегистрированный брак. Наибольшая доля по опросу в Республике Татарстан (45 %) критерием собственной успешности считает семью и детей. Рождение детей, по мнению 36 % жителей региона, способствует укреплению брака¹³.

Критериями счастливой семьи в регионе половина респондентов считали наличие надежного главы семьи, межпоколенное взаимопонимание – 72,1 %. По данным социологического исследования российских мужчин¹⁴ в Республике Татарстан, пятая часть мужчин отметили важность детей как продолжения себя и рода, 23 % как долга мужчины («посадить дерево» и «построить дом»), 15 % любят детей и хотят их воспитывать, 14 % хотят реализоваться в отцовстве, 16 % хотели бы, чтобы их ребенок реализовал мечты, которые не смог воплотить он сам [25]. Участники российского опроса «Демографическое самочувствие» в РТ на вопрос о препятствиях к реализации репродуктивных планов отметили следующие: 59 % – материальные трудности, 55 % – неуверенность в завтрашнем дне, половина респондентов – жилищные трудности, 42 % – отсутствие работы, 31 % – неудовлетворительное состояние здоровья или здоровья супруга, 30 % – отсутствие супруга, 28 % – нежелание супруга¹⁵.

Относительно особенностей самосохранительного поведения следует отметить факторы, определяющие мужскую сверхсмертность в регионе: пренебрежительное отношение к состоянию здоровья, медицинским услугам системы здравоохранения, самолечение и обращение к альтернативной медицине. Для преодоления выявленных трендов ЦСид АНРТ разработал проект «Стратегии действий в интересах мужчин», а в 2023 г. ЦСид АНРТ

¹¹ Регионы России. Социально-экономические показатели – 2022 г. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.

¹² В соответствии с постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 09.02.2018 № 67 «О единовременной выплате женщинам, постоянно проживающим в сельской местности, при рождении ребенка» с 1 января 2018 г. была введена единовременная выплата сельским женщинам: в возрасте до 25 лет, при рождении первого ребенка, в размере 50 тыс. рублей; в возрасте до 29 лет, при рождении третьего ребенка, в размере 100 тыс. рублей.

¹³ Социологическое исследование «Демографическое самочувствие Татарстана», 2019–2020 гг.

¹⁴ Социологическое исследование «Генеративное поведение российских мужчин в условиях демографического кризиса», 2020 г.

¹⁵ Социологическое исследование «Демографическое самочувствие Татарстана», 2019–2020 гг.

стал соавтором проекта «Стратегии действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства» в России [27]. С 2023 г. совместно с Межрегиональным клинико-диагностическим центром (ГАУЗ «МКДЦ», г. Казань) формируется научное направление медицинская демография, выявляющее взаимосвязь демографических процессов воспроизводства населения с позиций медицины и здравоохранения – в 2024 г. разработан и издан Демографический лист Республики Татарстан, где компактно представлена информация о демографическом потенциале региона в разрезе муниципалитетов.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ динамики целевых индикаторов, демографической конъюнктуры и показателей подсистемы «Семья, брачность, материнство и детство» за 2006–2022 годы показал преимущество региональной суммарной рождаемости относительно российской, соответственно, в расчете для реальных поколений доля вторых и третьих рождений еще увеличится. Смертность в Татарстане также существенно ниже российской, региональное преимущество ожидаемой продолжительности жизни достигнуто преимущественно за счет снижения возрастных показателей смертности. Возрастная структура населения также более благоприятно влияет на общие показатели смертности, чем общероссийские.

В Республике Татарстан реализуется широкий спектр мер семейной и демографической политики, нацеленных на рост экономического благополучия детных семей и совершенствование возможностей совместительства родительских и трудовых функций. Это свидетельствует об относительно благоприятных условиях демографической и экономической

инфраструктуры для реализации более высоких репродуктивных планов. Результаты социологических исследований, реализованных ЦСиД АНРТ, подтверждают семейно ориентированные паттерны, процептивные установки поведения граждан, целеполагающие жизненные ориентиры, оценку населением условий жизни своей семьи, ответственное отношение к браку в регионе.

Взаимодействие ЦСиД АНРТ с государственными структурами, подразделениями и муниципалитетами Республики Татарстан, осуществляющими государственные программы семейной и демографической политики, исследование демографической конъюнктуры способствовало интеграции научных разработок ЦСиД АНРТ в их практическую реализацию. Республиканский план мероприятий по повышению рождаемости в РТ на 2023–2025 гг. был признан Министерством труда и социальной защиты РФ одним из лучших в России, может служить методическим ориентиром при разработке подобных стратегических документов по развитию демографии во всех субъектах РФ. Расширение межведомственного взаимодействия актуализируется проведением в России в 2024 году Года семьи и включением ЦСиД АНРТ в план реализации Года семьи в Республике Татарстан, решением вопросов поддержания имеющихся и создания новых инфраструктурных, институциональных, экономических и социокультурных условий для достижения целевых демографических показателей, а также в перспективе анонсированных Президентом РФ новых национальных проектов «Семья» и «Продолжительная и активная жизнь». Перспективным представляется создание в субъектах Российской Федерации региональных центров семьи и демографии в форме научно-исследовательских институтов. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ростовская Т. К., Золотарева О. А. Демографическая стабильность как приоритет демографической политики Российской Федерации // Вопросы управления. 2022. № 3 (76). С. 6–18. DOI: [10.22394/2304-3369-2022-3-6-18](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-3-6-18). EDN: [SWXZSE](https://www.edn.ru/SWXZSE).

2. Ростовская Т. К., Васильева Е. Н., Князькова Е. А. Теоретическая интерпретация

понятия «демографическая безопасность» и принятие управленческих решений по обеспечению национальной безопасности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 4. С. 158–170. DOI: [10.17213/2075-2067-2022-4-158-170](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-4-158-170). EDN: [UZWZRB](https://www.edn.ru/UZWZRB).

3. Ростовская Т. К., Егорычев А. М., Гуляев С. Б. Современная социально-политическая ситуация и демографическое развитие России // *Alma Mater (Вестник высшей школы)*. 2022. № 2. С. 7–16. DOI: [10.20339/AM.02-22.007](https://doi.org/10.20339/AM.02-22.007). EDN: RQINGL.
4. Nishikido, M., Cui, Q., & Esteve, A. (2022). Partnership dynamics and the fertility gap between Sweden and Spain. *Genus*, 78(1), Article 26. <https://doi.org/10.1186/s41118-022-00170-w>.
5. Hart, R. K., & Galloway, T. A. (2023). Universal Transfers, Tax Breaks and Fertility: Evidence from a Regional Reform in Norway. *Population Research and Policy Review*, 42(3), Article 49. <https://doi.org/10.1007/s11113-023-09793-z>.
6. Chen, W. (2021). Declining number of births in China: a decomposition analysis. *China Population and Development Studies*, 5(3), 215–228. <https://doi.org/10.1007/s42379-021-00094-6>.
7. Tan, J. (2023). Perceptions towards pronatalist policies in Singapore. *Journal of Population Research*, 40(3). <https://doi.org/10.1007/s12546-023-09309-8>.
8. Raymo, J. M. (2022). The second demographic transition in Japan: A review of the evidence. *China Population and Development Studies*, 6(3), 267–287. <https://doi.org/10.1007/s42379-022-00116-x>.
9. Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Архангельский В. Н. Демографическое благополучие России. Национальный демографический доклад : Монография. Москва : Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2022. 108 с. DOI: [10.19181/monogr.978-5-88045-557-7](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-557-7). EDN: YHMZPP.
10. Dmitrieva, Y. N. (2022). Territorial disparities of sociodemographic potential in the Siberian macroregion. *Geography and Natural Resources*, 43(4), 323–331. <https://doi.org/10.1134/s1875372822040072>.
11. Валидова А. Ф. Влияние демографической политики на показатели рождаемости в Российской Федерации и Республике Татарстан // Регионология. 2018. Т. 26. № 3. С. 494–511. DOI: [10.15507/2413-1407.104.026.201803.494-511](https://doi.org/10.15507/2413-1407.104.026.201803.494-511). EDN: YAEZYT.
12. Захаров С. В. Скромные результаты пронаталистской политики на фоне долговременной эволюции рождаемости в России. Часть 1 // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 3. С. 6–38. EDN: WZZJFX.
13. Архангельский В. Н., Калачикова О. Н. Женщины и мужчины: различия в показателях рождаемости и репродуктивного поведения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 165–185. DOI: [10.15838/esc.2021.5.77.10](https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.10). EDN: AXNFPO.
14. Архангельский В. Н., Зайко Е. С. Линии репродуктивного поведения / В. Н. Архангельский // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29. № S2. С. 1374–1380. DOI: [10.32687/0869-866X-2021-29-s2-1374-1380](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-s2-1374-1380). EDN: ZBFZTC.
15. Ростовская Т. К., Шабунова А. А., Абдульязнов А. Р. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад - 2022 : Монография. Москва : Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2022. 220 с. DOI: [10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022). EDN: URJOYC.
16. Захаров С. В. Население России 2019: двадцать седьмой ежегодный демографический доклад : Монография. Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2022. 344 с. DOI: [10.17323/978-5-7598-2554-8](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2554-8). EDN: FKJKMO.
17. Абдульязнов А. Р., Архангельский В. Н., Багирова А. П., Биктимиров Н. М., Гневашева В. А., Ершова Г. Н., Ильдарханова Ч. И., Козлова О. А., Рустамова Г. М. Социодемографический капитал Республики Татарстан в контексте национальной безопасности : 2019–2021 гг. : Монография. Казань : Академия наук Республики Татарстан, 2022. 352 с. DOI: [10.51285/978-5-9690-1058-1](https://doi.org/10.51285/978-5-9690-1058-1). EDN: GEISRA.
18. Ильин В. А., Шабунова А. А., Калачикова О. Н. Потенциал повышения рождаемости и семейно-демографическая политика России // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 9. С. 831–844. DOI: [10.31857/S0869587321090048](https://doi.org/10.31857/S0869587321090048). EDN: WWDAS.
19. Шабунова А. А., Ростовская Т. К. Демографическая политика в современной России: взгляд населения и экспертная оценка // Вестник российской академии наук, 2022, Т. 92, № 12, С. 1145–1156. DOI: [10.31857/S0869587322090080](https://doi.org/10.31857/S0869587322090080). EDN: JNMXXP.
20. Ростовская Т. К., Архангельский В. Н., Иванова А. Е. Семья и демографические процессы в современной России : Монография. Москва : Издательство «Экон-Информ», 2021. 260 с. DOI: [10.19181/monogr.978-5-907427-21-1.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-907427-21-1.2021). EDN: IWUIJX.

21. Ростовская Т. К., Золотарева О. А., Васильева Е. Н. Методология мониторинга результативности семейно-демографической политики: региональный аспект // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Т. 8, №2 (30). С. 214–229. DOI: [10.18255/2412-6519-2022-2-214-229](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2022-2-214-229). EDN: YVYAYE.

22. Абдульязнов А. Р., Биктимиров Н. М., Гневашева В. А. Демографический доклад-2021. Ретроспективы и перспективы воспроизводства населения Республики Татарстан (2000-2020 гг.) : Монография. Казань : Академия наук Республики Татарстан, 2022. 306 с. DOI: [10.51285/978-5-9690-0961-5](https://doi.org/10.51285/978-5-9690-0961-5). EDN: YCZSET.

23. Абдульязнов А. Р., Гневашева В. А., Давлетшина Л. А. Демографический доклад-2019. Реализация Национального проекта «Демография» в Республике Татарстан: ресурсы, вызовы, перспективы: Монография. Казань: Академия наук Республики Татарстан, 2020. 410 с. EDN: CWFNDY.

24. Абдульязнов А. Р., Биктимиров Н. М., Гневашева В. А. Демографический доклад-2020.

Демографическое самочувствие Республики Татарстан: статистический мониторинг и рефлексии населения : Монография. Казань : Академия наук Республики Татарстан, 2020. 578 с. DOI: [10.51285/dem2020](https://doi.org/10.51285/dem2020). EDN: VMHQHF.

25. Ильдарханова Ч. И. Генеративное поведение российских мужчин в условиях демографического кризиса : Монография. Казань : Академия наук Республики Татарстан, 2021. 244 с. DOI: [10.51285/978-5-9690-0907-3](https://doi.org/10.51285/978-5-9690-0907-3). EDN: TCLOQZ.

26. Ильдарханова Ч. И., Гневашева В. А. Стратегии трудового поведения женщин как фактор демографического самоопределения (региональный аспект) : Монография. Казань : Академия наук Республики Татарстан, 2020. 220 с. EDN: BKTNLW.

27. Ростовская Т. К., Аполихин О. И., Шабунова А. А. Стратегия действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства : Монография. Вологда : Вологодский научный центр Российской академии наук, 2023. 27 с. EDN: DQGLUU.

REFERENCES

1. Rostovskaya, T. K., & Zolotareva, O. A. (2022). Demographic stability as a priority of the RF demographic policy. *Management Issues*, (3), 6–18. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-3-6-18>.

2. Rostovskaya, T. K., Vasilyeva, E. N., & Knyaz'kova, E. A. (2022). Theoretical interpretation of the concept of “demographic security” and making managerial decisions to ensure national security. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*, 15(4), 158–170. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-4-158-170>.

3. Rostovskaya, T. K., egorychev, A. M., & Gulyaev, S. B. (2022). Social and political situation and demographic development of Russia in 2021. *Alma Mater. Vestnik Vysshey Shkoly*, (2), 7–16. <https://doi.org/10.20339/AM.02-22.007>.

4. Nishikido, M., Cui, Q., & Esteve, A. (2022). Partnership dynamics and the fertility gap between Sweden and Spain. *Genus*, 78(1), Article 26. <https://doi.org/10.1186/s41118-022-00170-w>.

5. Hart, R. K., & Galloway, T. A. (2023). Universal Transfers, Tax Breaks and Fertility: Evidence from a Regional Reform in Norway. *Population Research and Policy Review*, 42(3), Article 49. <https://doi.org/10.1007/s11113-023-09793-z>.

6. Chen, W. (2021). Declining number of births in China: a decomposition analysis. *China Population and Development Studies*, 5(3), 215–228. <https://doi.org/10.1007/s42379-021-00094-6>.

7. Tan, J. (2023). Perceptions towards pronatalist policies in Singapore. *Journal of Population Research*, 40(3). <https://doi.org/10.1007/s12546-023-09309-8>.

8. Raymo, J. M. (2022). The second demographic transition in Japan: A review of the evidence. *China Population and Development Studies*, 6(3), 267–287. <https://doi.org/10.1007/s42379-022-00116-x>.

9. Ryazantsev, S. V., Rostovskaya, T. K., & Arkhangelsky, V. N. (2022). *Demographic wellbeing of Russia. National Demographic Report*. Publishing and trading house “PERSPECTIVE”. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-557-7>.

10. Dmitrieva, YU. N. (2022). Territorial disparities of sociodemographic potential in the Siberian macroregion. *Geography and Natural Resources*, 43(4), 323–331. <https://doi.org/10.1134/s1875372822040072>.

11. Validova, A. F. (2018). Impact of the demographic policy on birth rates in the Russian Federation and the Republic of Tatarstan. *Russian Journal*

- of *Regional Studies*, 26(3), 494–511. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.104.026.201803.494-511>.
12. Zakharov, S. V. (2016). The modest results of the pronatalist policy against the background of longterm evolution of fertility in Russia. Part 1. *Demographic Review*, 3(3), 6–38. <https://elibrary.ru/wzzjfx>.
13. Arkhangelsky, V. N., & Kalachikova, O. N. (2021). Women and men: Differences in fertility rates and reproductive behavior. *Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz*, 14(5), 165–185. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.10>.
14. Arkhangelsky, V. N., & Zaiko, E. S. (2021). Lines of reproductive behavior. *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*, 29(S2), 1374–1380. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-s2-1374-1380>.
15. Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A., & Abdulzyanov, A. R. (2022). Demographic health of Russian regions. *National Demographic Report - 2022*. Publishing and trading house “PERSPECTIVE”. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022>.
16. Zakharov, S. V. (2022). *Population of Russia 2019: Twenty-seventh annual demographic report*. National Research University Higher School of Economics. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2554-8>.
17. Abdulzyanov, A. R., Arkhangelsky, V. N., Bagirova, A. P., Biktimirov, N. M., Gnevasheva, V. A., Ershova, G. N., Ildarkhanov, C. I., Kozlova, O. A., & Rustamova, G. M. (2022). Sociodemographic capital of the Republic of Tatarstan in the context of national security: 2019–2021. Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. <https://doi.org/10.51285/978-5-9690-1058-1>.
18. Ilyin, V. A., Shabunova, A. A., & Kalachikova, O. N. (2021). The potential for increasing the birth rate and family and demographic policy in Russia. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk*, 91(9), 831–844. <https://doi.org/10.31857/S0869587321090048>.
19. Shabunova, A. A., & Rostovskaya, T. K. (2022). Demographic policy in modern Russia: The population's view and expert assessment. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk*, 92(12), 1145–1156. <https://doi.org/10.31857/S0869587322090080>.
20. Rostovskaya, T. K., Arkhangelsky, V. N., & Ivanova, A. E. (2021). *Family and demographic processes in modern Russia*. Publishing house “Ekon-Inform”. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-907427-21-1.2021>.
21. Rostovskaya, T. K., Zolotareva, O. A., & Vasilyeva, E. N. (2022). Methodology for monitoring the effectiveness of family and demographic policy: Regional aspect. *Social'nye i Gumanitarnye Znania*, 8(2), 214–229. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2022-2-214-229>.
22. Abdulzyanov, A. R., Biktimirov, N. M., & Gnevasheva, V. A. (2022). *Demographic report 2021. Retrospectives and prospects for the reproduction of the population of the Republic of Tatarstan (2000–2020)*. Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. <https://doi.org/10.51285/978-5-9690-0961-5>.
23. Abdulzyanov, A. R., Gnevasheva, V. A., & Davletshina, L. A. (2020). *Demographic report 2019. Implementation of the National Project “Demography” in the Republic of Tatarstan: Resources, challenges, prospects*. Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. <https://elibrary.ru/cwfindy>.
24. Abdulzyanov, A. R., Biktimirov, N. M., & Gnevasheva, V. A. (2020). *Demographic report 2020. Demographic well-being of the Republic of Tatarstan: Statistical monitoring and reflections of the population*. Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. <https://doi.org/10.51285/dem2020>.
25. Ildarkhanova, CH. I. (2021). *Generative behavior of Russian men in conditions of demographic crisis*. Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. <https://doi.org/10.51285/978-5-9690-0907-3>.
26. Ildarkhanova, CH. I., & Gnevasheva, V. A. (2020). *Strategies of women's labor behavior as a factor of demographic self-determination (regional aspect)*. Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. <https://elibrary.ru/bktnlw>.
27. Rostovskaya, T. K., Apolikhin, O. I., & Shabunova, A. A. (2023). *Action strategy to save men and support responsible fatherhood*. Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. <https://elibrary.ru/dqgluu>.

ДОВОДЫ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА ПО ПОВОДУ ОТКАЗА ОТ ТАБАКОКУРЕНИЯ (НА ОСНОВЕ МЕТОДОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ)

И. Е. Калабихина^а, З. Г. Казбекова^а, Е. А. Зубова^б

^аМосковский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

^бКорнеллский университет
(Итака, Нью-Йорк, США)

АННОТАЦИЯ:

Введение. Задачами настоящего исследования являются: 1) разработка алгоритма автоматизации доводов пользователей социальных медиа по вопросам в области самосохранительного поведения (мотивация курения либо отказа от курения); 2) структуризация причин (не)отказа от табакокурения русскоязычных пользователей на основе апробации разработанного алгоритма автоматизации доводов (не) бросать курить для аргументации мер демографической политики в перспективе.

Материалы и методы. Алгоритм классификации доводов пользователей социальных медиа в пользу прекращения курения либо отказа от прекращения курения разработан с использованием методов обработки естественного языка на основе нейромодели Conversational RuBERT. Для обучения модели авторами собрано более 40 тысяч комментариев на русском языке, размещенных на платформе YouTube.

Результаты. Сформирована система мнений русскоязычных пользователей YouTube по вопросам самосохранительного поведения на основе тематического анализа демографического контента поисковых систем (в отношении оставления привычки курить). По нашим данным, в аргументированных комментариях против курения преобладает мотив отказа по соображениям здоровьесбережения, по сравнению с аргументом о сбережении денежных средств. Также выявлено, что борьба с лишним весом служит причиной, по которой пользователи не желают бросать курить, но данный фактор не является ключевым. Точность предсказания классов в среднем превышает 85 %, что свидетельствует о достаточной надежности полученных результатов.

Выводы. Разработанный авторами алгоритм автоматизации доводов (не) бросать курить позволит в режиме реального времени получать информацию о том, какой из факторов мешает россиянам бросить курить в большей степени (вред или дороговизна сигарет), насколько в российском обществе распространены те или иные мифы о вреде прекращения курения. Полученные данные могут использоваться для аргументации мер демографической политики в перспективе: в зависимости от полученных результатов меры политики по борьбе с курением могут быть настроены более оптимально, а значит, быстрее и эффективнее приведут к конечной цели – снижению распространенности курения в России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: самосохранительное поведение, табакокурение, нейросетевые методы, цифровая демография, машинное обучение, социальные сети, Россия

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено в рамках НИР «Воспроизводство населения в социально-экономическом развитии» 122041800047-9.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Калабихина И. Е., Казбекова З. Г., Зубова Е. А. Доводы пользователей социальных медиа по поводу отказа от табакокурения (на основе методов машинного обучения) // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 5. С 48-67. EDN: NCZQMY. DOI: 10.22394/2304-3369-2024-5-48-67.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Калабихина Ирина Евгеньевна — доктор экономических наук, профессор; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1) — *заведующая кафедрой народонаселения экономического факультета*; ikalabikhina@yandex. SPIN-код: 4797-0588. ORCID: 0000-0002-3958-6630. Scopus: 57190138890. Researcher: N-3625-2013.

Казбекова Зарина Германовна — кандидат экономических наук; экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, с. 46) — *научный сотрудник*; kazbekova.zarina@bk.ru. SPIN-код: 2447-0234. ORCID: 0000-0002-7567-3184. Scopus: 57934120000.

Зубова Екатерина Андреевна — Корнеллский университет (14850, США, Нью-Йорк, Итака, Урис Холл, 404) — *аспирант*; ez268@cornell.edu. SPIN-код: 4096-9785, ORCID: 0000-0003-3589-4772.

Статья поступила 11.03.2024; рецензия получена 14.07.2024; принята к публикации 20.07.2024.

ARGUMENTS OF SOCIAL MEDIA USERS REGARDING SMOKING CESSATION (MACHINE LEARNING-BASED DATA)

Irina E. Kalabikhina^a, Zarina G. Kazbekova^a, Ekaterina A. Zubova^b

^aLomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)

^bCornell University
(Ithaca, New York, USA)

ABSTRACT:

Introduction. The objectives of this research are: 1) to develop an algorithm for automating the social media users' arguments regarding self-preserving behavior (motivation to continue or quit smoking); and 2) to structure the reasons to continue or quit smoking among the Russian-speaking users, based on testing the developed automation algorithm to rest the future arguments of demographic policy measures.

Materials and Methods. The algorithm to classify social media users' arguments in favor of or against smoking cessation was developed using natural language processing methods based on the Conversational RuBERT neural model. The authors compiled a dataset of over 40,000 Russian-language comments posted on YouTube for model training.

Results. A system of opinions among Russian-speaking YouTube users regarding self-preservation behavior was developed using thematic analysis of demographic content of search engines (concerning smoking cessation). According to our findings, health preservation is the predominant reason in arguments supporting smoking quitting, outweighing financial considerations. Additionally, the desire to avoid weight gain was identified as a reason some users choose not to quit smoking, although this factor is not a primary concern. On average, class prediction accuracy exceeds 85 %, indicating a high level of results reliability.

Conclusions. The algorithm developed by the authors for automating the arguments related to smoking cessation provides real-time insights into the factors most strongly deterring Russians from smoking cessation (whether health concerns or cost of cigarettes) and the prevalence of certain myths about smoking

cessation in the Russian society. The obtained data can be used to better tailor demographic policy measures aimed at reducing smoking prevalence in Russia, potentially leading to quicker and more effective outcomes.

KEYWORDS: self-preserving behaviour, tobacco smoking, neural network methods, digital demography, machine learning, social networks, Russia

GRATITUDE: The study is part of the research project «Population reproduction in socio-economic development» 122041800047-9.

FOR CITATION: Kalabikhina, I. E., Kazbekova, Z. G. & Zubova, E. A. (2024). Arguments of social media users regarding smoking cessation (machine learning-based data). *Management Issues*, 18(5), 48–67. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-5-58-67>.

AUTHORS' INFORMATION:

Kalabikhina Irina Evgenievna — Doctor of Economics, Professor; Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia) — head of the Population Department; ikalabikhina@yandex.ru. SPIN: 4797-0588. ORCID: 0000-0002-3958-6630. Scopus: 57190138890. Researcher: N-3625-2013.

Kazbekova Zarina Germanovna — PhD in Economics; Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia) — researcher; kazbekova.zarina@bk.ru. SPIN: 2447-0234. ORCID: 0000-0002-7567-3184. Scopus: 57934120000.

Zubova Ekaterina Andreevna — Cornell University (404, Uris Hall, New York, Ithaca, 14850, USA) — graduate student; ez268@cornell.edu. SPIN: 4096-9785, ORCID: 0000-0003-3589-4772.

The article was submitted 11/03/2024; reviewed 14/07/2024; accepted for publication 20/07/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

Исследования в области цифровой демографии – новый перспективный тренд в общественных и гуманитарных науках. Исследователи в разных странах только начинают разрабатывать алгоритмы извлечения, структурирования, обработки и интерпретации социально-демографических данных о населении по цифровым следам. Использование автоматического извлечения мнений в русскоязычном пространстве Интернета по вопросам изучения демографического поведения актуально в период проведения семейной и демографической политики (2007–2025 гг.), антитабачной политики (особенно активна с 2013 г.) на фоне замедлившегося снижения табакокурения в России (особенно у женщин).

В настоящем исследовании мы используем возможности больших данных и метод машинного обучения для анализа самосохранительного поведения россиян, а именно причин отказа от табакокурения. Основная цель исследования – оценить структуру причин отказа от табакокурения на основе данных социальных сетей с использованием нейросе-

тей. Задачи исследования: 1) разработка алгоритма автоматизации доводов пользователей по вопросам в области самосохранительного поведения (мотивация курения либо отказа от курения) для проведения мониторинга отношения населения к табакокурению; 2) структуризация причин (не) отказа от табакокурения русскоязычных пользователей на основе апробации разработанного алгоритма автоматизации доводов (не) бросать курить для аргументации мер демографической политики в перспективе.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Для анализа мнений в области самосохранительного поведения и сбережения здоровья (и, в частности, аспект «отказ от табакокурения») используются тексты поисковых систем и социальных сетей. Ярким примером является серия работ по изучению мнений населения в период эпидемий и пандемии COVID-19 (отношение к вакцинации и социальной изоляции, ношению масок и пр.) [1-3], в период эпидемии гриппа [4, 5]. Отечественные исследования самосохранительного пове-

дения в период пандемии охватывали аспекты, связанные с измерением отношения людей к вакцинации детей [6], к карантину, вакцинации и ношению масок в период пандемии COVID-19 [7].

Список тем в области самосохранительного поведения, которые изучались с помощью методов обработки естественного языка, не исчерпывается эпидемиологическими работами. Можно выделить некоторые примеры наиболее цитируемых исследований: работы, развивающие аппарат тематического моделирования в области самооценок здоровья [8-10]. В связи с новой стадией эпидемиологического перехода (сдвиг структуры причин смерти в сторону смертности от злокачественных новообразований) появились работы, посвященные развитию возможностей предвосхищать различные заболевания при помощи тематического моделирования на основе данных из пользовательских твитов: рака груди [11, 12], рака предстательной железы [13], рака легких [14].

Отдельно следует выделить большой пласт работ, посвященных изучению отношения людей к алкоголю и табаку. Среди них исследования о потреблении табачной продукции, в которых в качестве данных используются тексты постов и комментариев пользователей Твиттера [15–20]; работы, в которых изучается отношение людей к потреблению алкогольной продукции на основе данных пользовательских твитов [21, 22], в том числе исследующие возможности прогнозирования избыточного потребления алкогольной продукции в зависимости от социально-демографических характеристик пользователей Твиттера [23] и эффективности продвижения алкогольной продукции разных брендов в социальных сетях [24].

Проблема выявления факторов отказа от курения и барьеров, препятствующих отказу от курения, является актуальной и анализируется как на микро-, так и на макроуровне [25-30].

Helgason и Lund [25] провели опрос среди случайно отобранных врачей общей практики (итоговое число опрошенных составило более 2 тыс. человек), работающих в Швеции, Норвегии, Финляндии и Исландии, с целью выявить, почему врачи не стремятся обсуждать с пациентами тему курения и отказа от него. Исследовав основные причины – среди

которых и то, что поддержка в отказе от курения занимает много времени и часто неэффективна, так как лишь немногие пациенты бросают курить, и нехватка специалистов в области отказа от курения, к которым могут быть направлены пациенты, – авторы делают вывод о том, что, во-первых, экспертные знания по отказу от курения должны стать более доступными (возможным решением, по мнению авторов, может стать создание телефонных линий помощи по отказу от курения, доступных для всех, – они могут стать дополнением к услугам врачей общей практики); во-вторых, необходимо наращивать экспертизу в области отказа от курения на базе медицинских учреждений.

В статье Rosenthal и соавторов [26] с использованием данных по 1205 жителям Нью-Хейвена (штат Коннектикут, США) выявлены барьеры и мотивы отказа от курения среди ежедневных курильщиков табака (31,6% выборки), а также их социально-демографические детерминанты. Авторами обнаружено, что двумя наиболее распространенными барьерами отказа от курения являются то, что это слишком сложно и нежелание бросать курить. Финансовые издержки, социальная поддержка и влияние общества – это те факторы, которые служили и барьерами, и мотивами отказа от курения. Выявлены следующие социально-демографические различия: женщины и афроамериканцы были более заинтересованы в бесплатной телефонной линии или веб-сайте по отказу от курения; женщины и латиноамериканцы чаще боялись набрать вес; женщины, лица с более низким уровнем образования и лица более старшего возраста были больше других обеспокоены стоимостью средств для прекращения курения.

Твуман с соавторами [27] в своей работе определяют препятствия на пути к отказу от курения среди шести уязвимых групп населения в Австралии: лица с низким социально-экономическим статусом, коренные народы, лица с психическими заболеваниями, бездомные, заключенные, молодежь в группе риска. Выявлены следующие барьеры, общие для всех уязвимых групп: использование курения для снятия стресса, отсутствие поддержки со стороны медицинских и других поставщиков услуг, высокая распространенность и приемлемость курения в данных сообществах. Так-

же выявлены уникальные барьеры: для людей с психическими заболеваниями это, например, поддержание психического здоровья; для групп коренного населения – культурные и исторические нормы; для заключенных – условия жизни; для бездомных – конкурирующие приоритеты; для молодежи в группе риска – высокая доступность табака. Авторы полагают, что выявленные особенности каждой из уязвимых групп населения должны стать приоритетными областями будущих мер по борьбе с курением среди уязвимых групп населения.

В работе Carlson и соавторов [29] изучаются различия в барьерах на пути к отказу от курения молодых курильщиков в зависимости от их социально-экономического статуса на основе двух волн опроса 419 курящих в возрасте от 17 до 24 лет из Миннесоты (США). По сравнению с группой с высоким социально-экономическим статусом, группа с низким социально-экономическим статусом с большей вероятностью сообщала о риске набора лишнего веса как факторе, препятствующем отказу от курения. Других значимых различий в рамках данного исследования выявлено не было (среди барьеров, помимо набора лишнего веса, рассматривались также: стоимость средств для прекращения курения; стоимость соответствующих занятий и программ; потеря способа борьбы со стрессом; курящие друзья; тяга/зависимость от никотина). Другим интересным результатом стало то, что количество потребленных сигарет в день коррелировало с вероятностью отказа от курения через год (независимо от социально-экономического статуса индивида) – участники опроса, курившие меньше, с большей вероятностью бросали курить.

В статье Gupta и соавторов [30] изучаются барьеры для снижения распространенности курения на макроуровне в Индии: это институциональные, административные, правовые и другие параметры, на основе анализа которых авторы формулируют практические рекомендации для политики.

Pagano, Tajima и Guydish [28] исследуют проблему отказа от табакокурения среди наркозависимых в США. Авторы обосновывают актуальность тем, что 1) среди людей, проходящих лечение от наркологической зависимости, распространенность курения в 3-4 раза выше, чем среди населения в целом; 2) недавние ис-

следования показывают, что прекращение употребления табака во время лечения может улучшить результаты выздоровления. Авторы провели качественное исследование, опросив по телефону директоров программ (случайная выборка), участвующих в сети клинических испытаний Национального института по борьбе со злоупотреблением наркотиками США (NIDA). Хотя все опрошенные директора выразили заинтересованность в том, чтобы помочь клиентам бросить курить, они указали на многочисленные препятствия на пути к реализации антитабачной политики. Среди них: культура курения, сопротивление самих пациентов, нехватка ресурсов, курение персонала и экологические барьеры.

В работе [4] на основе постов пользователей Твиттера, помимо мнений пользователей социальной сети, изучались их комментарии перед моментом принятия решения об отказе от вредной привычки. Полученные лингвистические паттерны, наблюдаемые у людей, бросивших курить в ближайшем будущем, могут указывать на те или иные события, которые побудили этих людей осуществить этот шаг. Такими событиями оказались: вступление в новые отношения, окончание вуза, переезд и выход на новую работу.

Как видно из обзора литературы, исследователи стремятся не только определять наиболее распространенные барьеры на пути к отказу от курения среди всего населения в целом, но и выявлять их отличия в разрезе пола, возраста и других социально-демографических и экономических характеристик индивидов. Используемые нами в настоящем исследовании данные (комментарии YouTube) не содержат информацию о поле и возрасте пользователя, оставившего комментарий, поэтому на данном этапе подобный анализ мы не делаем. Однако в будущем планируем решить данную проблему с помощью лингвистических методов и методов машинного обучения. Задача является реалистичной и уже апробирована в ряде работ [31–36], в том числе для текстов на русском языке [37–39]. Дифференциация полученных нами результатов в разрезе пола и возраста позволит еще лучше понимать набор факторов отказа от курения и барьеров на пути к отказу от курения среди различных демографических групп в России, проводить мониторинг изменений такой структуры, что

в результате обогатит набор свидетельств в пользу той или иной меры политики по борьбе с табакокурением в России. Так, например, согласно результатам эксперимента, проведенного Scholten, Luijten и Granic [40], для молодежи из исследуемой выборки мобильное приложение (разработанное исследователями) оказалось более результативным инструментом снижения частоты курения (числа потребленных за неделю сигарет), чем чтение соответствующих информационных брошюр. Соответственно, меры политики должны быть направлены точно на различные группы населения – это повысит эффективность программ по борьбе с курением в России.

Также из обзора литературы видно, что основным методом выявления факторов отказа от курения и барьеров на пути к отказу от курения традиционно были опросы населения. В настоящее время мы можем использовать большие данные и методы машинного обучения в совокупности с лингвистическими методами для достижения данных целей. При этом плюсами последних является то, что они менее дорогие и позволяют проводить мониторинг в режиме реального времени, используя неограниченные наборы данных, в частности тексты комментариев, оставленных пользователями социальных сетей.

В нашей работе мы используем мнения русскоязычных пользователей социальных медиа по отношению к табакокурению, выделяя пользователей, которые отрицательно или положительно относятся к идее бросить курить; а также вычленим основные причины отказа от курения и причины не бросать курить.

Мы исследуем структуру доводов (и анти-доводов) отказа от табакокурения с использованием машинного обучения нейронной сети на основе данных платформы YouTube, а именно текстов релевантных комментариев на русском языке.

В рамках исследования мы выполняем задачу по разработке и апробации методологии мониторинга двух типов доводов россиян

в области самосохранительного поведения. Первый тип – доводы бросить курить. В этой части мы определяем, почему, по мнению россиян, следует бросить курить. Вторым типом доводов – доводы не бросать курить. В данном случае мы определяем, почему, по мнению россиян, не следует бросать курить. Применение методов тематического анализа текстов с использованием машинного обучения нейросети позволит выявить, какой фактор отказа от курения имеет больший вес среди пользователей YouTube – забота о собственном здоровье или финансовые издержки курения (дороговизна сигарет); насколько распространены мифы о курении, в частности страх набрать лишний вес из-за отказа от курения.

Имея опыт подобного анализа на основе данных социальной сети «ВКонтакте» [41, 42], а также понимая все плюсы данных именно этой социальной сети для решения поставленной задачи (а именно наличие информации о демографических характеристиках пишущего комментарий ВКонтакте¹), мы начали поиск данных именно в этой социальной сети. Поиск осуществлялся разными способами: отбор релевантных групп (сообществ) и сбор комментариев в них, поиск релевантных комментариев (без привязки к группам). Однако ни один из способов не дал результатов: необходимого объема комментариев в социальной сети «ВКонтакте» получить не удалось. Предварительный ручной поиск комментариев по теме в мессенджере Telegram² также не дал результатов – доступных релевантных комментариев было недостаточно для решения поставленной задачи.

Другими источниками искоемых текстов являются форумы по теме курения на различных сайтах (Pikabu³, Woman.ru⁴ и др., среди них специализированные форумы: Nosmoking.ru⁵, Некурим.ру⁶), а также комментарии пользователей на видеохостинге YouTube⁷. Мы остановили свой выбор на последнем источнике, поскольку смогли в нем набрать достаточное количество комментариев. Помимо этого, YouTube имеет

¹ URL: <https://vk.com/>.

² URL: <https://web.telegram.org/>.

³ URL: <https://pikabu.ru>.

⁴ URL: <https://www.woman.ru/>.

⁵ URL: <https://nosmoking.ru/>.

⁶ URL: <https://ne-kurim.ru/>.

⁷ URL: <https://www.YouTube.com/>.

высокую популярность среди россиян: по данным Mediascope, в 2021–2022 гг. он находился в топ-5 медиа площадок среди россиян старше 12 лет⁸. По данным Mediascope⁹, среднесуточный охват YouTube населением России старше 12 лет составил в августе 2022 г. 48 млн человек (среди интернет-площадок охват выше только у ВКонтакте – 50,6 млн человек; Google – 57,1 млн человек; Яндекс – 63,8 млн человек; WhatsApp – 72,6 млн человек). В Mediascope выявлено, что россияне чаще стали смотреть YouTube, что может быть в том числе связано с блокировкой альтернативных площадок¹⁰. Так, в августе 2022 г. охват в сутки составил 39 % населения России в возрасте старше 12 лет (в августе 2021 г. – 34 %). Время, которое россияне проводят на YouTube, также возросло: в августе 2021 г. – 84 минуты; в августе 2022 г. – 88 минут.

Поиск комментариев осуществлялся следующим образом: авторами были отобраны 18 релевантных видео с большим числом просмотров (которое коррелировало с числом комментариев) по темам исследования (список представлен в Приложении 1). Суммарно мы собрали более 43 тысяч комментариев. Из них 8000 комментариев для последующего обучения нейросети разметили независимо друг от друга 6 аннотаторов-экспертов¹¹ по следующей методике. На первом этапе все комментарии были разделены на две группы: 1) содержащие довод¹² бросить курить или довод не бросать курить; 2) иные. Таким образом, мы выбрали комментарии, содержащие объяснение причин (не) отказа от табакокурения.

Разработанная нами типовая структура доводов выглядит следующим образом:

1. Доводы бросить курить

1.1. Здоровье (пример: «курить – вредно для здоровья»)

1.2. Деньги (пример: «курить – дорого»)

1.3. Иное

2. Доводы не бросать курить (или антидодовы бросить курить)

2.1. Лишний вес (пример: «если бросить курить, то появится лишний вес»)

2.2. Иное

Гипотеза о страхе набрать лишний вес как доводе не бросать курить основана на результатах эконометрического исследования кафедры народонаселения ЭФ МГУ о факторах приверженности табакокурению – влияние табака на вес человека (Кузнецова, 2019).

Среди доводов бросить курить в рамках данного проекта мы выделяем две наиболее распространенные, по нашему мнению, категории: связанные с вредом для здоровья и «вредом» для кошелька курильщика. При этом все остальные доводы мы также учитываем – собирая их в отдельную категорию «иное», что позволяет нам оценивать не только взаимное соотношение выбранных двух категорий, но и их вес в общем массиве доводов. Соответственно, на втором шаге были размечены комментарии, содержащие довод бросить курить в зависимости от типа довода: 1) здоровье (пример: «курить – вредно для здоровья»); 2) деньги (пример: «курить – дорого»); 3) иное.

На третьем шаге были размечены комментарии, содержащие довод не бросать курить в зависимости от типа довода: 1) лишний вес (пример: «если бросить курить, можно набрать лишний вес»); 2) иное. В случаях, когда в одной комментарии содержалось несколько доводов, аннотаторы отмечали все из них (пример: «курить – не только вредно, но и дорого!»¹³).

Итоговый датасет с результатами разметки 8000 комментариев представлен в формате Excel, включает 8 столбцов (табл. 1).

⁸ URL: https://mediascope.net/upload/iblock/883/f11rt3k24o0ju2jak4v0s0wr836wobp/MEDIAPOTREBLNIE_DIGITAL_14092022.pdf.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Каждый комментарий был размечен тремя аннотаторами независимо друг от друга.

¹² В инструкции для аннотатора довод определялся как аргументационное высказывание, которое может быть использовано для убеждения оппонента относительно определенной точки зрения. Доводы могут быть в поддержку или в опровержение точки зрения. Высказывание оценивалось как довод, если оно содержало утверждение, которое может использоваться как довод в споре, в убеждении оппонента.

¹³ Примеры из датасета в оригинальном виде: «Посмотрел ролик, и что-то не убедительно. Понимаю, что вредно и дорого, но это как у наркоманов... видимо, не готов бросить пока»; «Не курю четвертый месяц, сэкономил денег почти 11т плюс здоровье».

Таблица 1 – Образец датасета
Table 1 – Sample dataset

Дата	Текст	Нет довода	Есть довод (здоровье)	Есть довод (деньги)	Есть довод (иное)	Есть антидовод (лишний вес)	Есть антидовод (иное)
2023-10-15T13:07:23Z	Курить нужно бросать резко.	1	0	0	0	0	0
...

Примечание: текст комментария дан в оригинальном виде.

В таблице 2 представлены примеры комментариев к каждой категории.

Таблица 2 – Примеры комментариев из датасета
Table 2 – Examples of comments from the dataset

Категория	Пример
Нет довода	«Курить нужно бросать резко.» «То чувство когда смотришь видео и куришь☹️» «Лучше не начинать.»
Есть довод (собственное здоровье)	«Месяц уже не курю и это так круто на самом деле, намного лучше себя чувствую» «Третий год не курю и не тянет только рад этому лучше самочувствие» «Начил курить месяц назад вчера бросил оказывается изза сигарета болел голова» «Курю 3 года недавно начались проблемы с желудком (возможно начальные этапы язвы) Особенно болит живот после скуренной сигареты, решил полностью бросить ради своего же здоровья пожелайте мне удачи чтобы я смог»
Есть довод (деньги)	«По факту бросать курить стоит как минимум из-за цен на сигареты. В среднем 120р пачка сигарет в день. Это 3720р в месяц. В год вы просто выкуриваете 44640р минимум» «Не курю полтора года потому что нет денег на сигареты» «Я бросил курить. Я хочу купить машину, поэтому жестко экономлю на многом. Я посчитал что в год на сигареты уходит 27 - 30 т.р. Может для кого то это не деньги? Но это только затраты на сигареты, а представьте еще сколько на разные вкусняшки, газировки, пиво денег уходит. За год можно на подержанную машину сэкономить.» «Тоже думаю бросить курить. Слишком дорого сигареты стоят.»
Есть довод (иное)	«Правильно бросить курить уже на этапе планирования, ведь хочется чтобы ребенок был здоров» «Бросил курить чтобы не подавать плохой пример ребёнку! Держусь 10 дней! Примерно 5 лет назад перешёл на электронку в попытках бросить, так вот электронку бросить ещё сложнее чем сигареты, так как в среднем перещете на сигараты я курил три пачки в день! Так что первые три дня чуть помер), сейчас легче но ещё тяжело, но ничего прорвёмся) Всем кто пытается бросить курить, не ищите альтернативу, бросайте сразу что бы не вышло как у меня с пачки на три! Всем удачи)» «в середине января узнал что стану отцом, 28го января последний раз затянулся))))) курил со школы, более 25 лет, иногда ломает, но терпимо, я на свое чадо этим дерьмом дышать не буду...»
Есть антидовод (лишний вес)	«Курил 35 лет полторы пачки в день бросил моментально из всего описанного ничего не происходило только поправился сильно!» «За полгода после прекращения набрал ПУД !!! веса. Сегодня, спустя 20 лет, когда хочу сделать себе приятное, вспоминаю, что больше не курю. Стаж 35 лет.» «Забыл сказать про набор лишнего веса. Это реально. Крение подавляет аппетит. Когда бросаешь начинается жор. Очень трудно с ним бороться.» «расскажите как не начать набирать вес бросив курить, потому что я знаю людей, которые поправились на 25 кг. бросив курить, а это тоже опасно для здоровья» «всё что я заметил,это жиреешь как корова весь гардероб обновлять приходится, ну и дымом в хате не воняет»

Продолжение Таблицы 2

Есть антидодов (иное)	<p>«куришь умрёшь, не куришь умрёшь ☹»</p> <p>«Мой бывший знакомый не когда не курил и не пил крепче кофе. И уже на том свете ☹ А ему было только 51 год ☹ А кто-то курит и бухает с 14 лет и живут до 90 лет И живеи всех живых. Так что это всё бла-бла»</p> <p>«Я бросал курить и некурил 10 месяцев некакий изменений в состоянии здоровья и внешних улучшениях я не заметил»</p> <p>«Что происходит, когда бросаешь курить? Лично у меня - проблемы с желудком начались (Ибо питаться стал больше). Снова начал курить - проблема ушла.»</p> <p>«Бросил курить ,заработал алергию»</p> <p>«курил 45 лет, бросил легко, через год получил инфаркт.»</p> <p>«Бросив курить, несколько моих знакомых в возрасте 40+ получили бонусом диабет, все агитаторы за бросание о таких побочках умалчивают(»</p> <p>«а Черчилль прожил 90 лет всю жизнь курил по 30 сПримеры из датасета в оригинальном виде: «Посмотрел ролик, и что-то не убедительно. Понимаю, что вредно и дорого, но это как у наркоманов... видимо, не готов бросить пока»; «Не курю четвертый месяц, сэкономил денег почти 1т плюс здоровье».игар в день»</p> <p>«Когда бросаешь курить - начинаешь пить.»</p> <p>«Что мне делать??? Я боюсь стать занудным и скучным из-за того, что брошу курить, и что не будет креативности и расслабления больше.»</p> <p>«Кто не курит и не пьёт тот здоровеньким помрёт☹☹☹☹☹»</p>
-----------------------	---

Примечание: комментарии даны в оригинальном виде, сохранена орфография и пунктуация авторов.

Наша цель заключалась в том, чтобы обучить нейронную сеть распределять комментарии по перечисленным выше классам. Для этого было принято решение проводить классификацию по следующим принципам:

1. Наличие аргумента (любого).
2. Есть ли аргумент в пользу того, чтобы бросить курить ради сохранения здоровья?
3. Есть ли аргумент в пользу того, чтобы бросить курить ради экономии денег?
4. Есть ли аргумент в пользу того, чтобы бросить курить по другой причине?
5. Есть ли аргумент в пользу того, чтобы не бросать курить, чтобы не набрать вес?
6. Есть ли аргумент в пользу того, чтобы не бросать курить по другой причине?

Для решения поставленной задачи было проведено шесть отдельных экспериментов. Для каждого были построены соответствующие модели бинарной классификации в среде Python с использованием PyTorch и библиотек Transformers и Scikit Learn. Обучение проводилось с использованием модели Conversational RuBERT¹⁴, которая является одной из версий русскоязычной языковой модели RuBERT. Особенность Conversational RuBERT заключается в том, что она дополнительно обучена на текстах из социальных сетей и пользовательских диалогах.

Распределение всех данных (8000 комментариев) на тренировочную, тестовую и валидационную выборку произведено в пропорции:

14:1:1. В моделях использовались следующие параметры: learning rate (показывает скорость обучения модели) = 0,0005, batch size (количество объектов тренировочной выборки, представленных в одном обучающем сете для каждой итерации) = 64. В каждом эксперименте обучение проводилось на четырех-шести эпохах, в каждом случае выбор основывался на лучшем показателе F-score на валидационной выборке. Качество модели оценивалось по двум основным параметрам: Accurasy и F-score. По мере обучения потери обучаемой модели во всех экспериментах постепенно снижались и далее колебались вокруг одного уровня. В данном случае мы может интерпретировать это как то, что модель постепенно обучалась, ее предсказательная точность улучшалась, и в процессе обучения не возникло непредвиденных проблем, мешающих сходимости.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

На Рисунке 1 представлено общее распределение 8000 аннотированных комментариев по всем классам:

1. «Нет аргумента».
2. «Есть аргумент» (любой).
3. «За – Здоровье» – аргумент в пользу того, чтобы бросить курить по соображениям, связанным с собственным здоровьем.
4. «За – Деньги» – аргумент в пользу того, чтобы бросить курить по соображениям, связанным с деньгами.

¹⁴ URL: <https://huggingface.co/DeepPavlov/rubert-base-cased-conversational>.

- 5. «За – Другое» – аргумент в пользу того, чтобы бросить курить по иным соображениям.
- 6. «Против – Вес» – аргумент в пользу того, чтобы не бросать курить по со-

ображениям, связанным с набором веса.

- 7. «Против – Другое» – аргумент в пользу того, чтобы не бросать курить по иным соображениям.

Рис. 1. Распределение выборки комментариев по классам

Fig. 1. Distribution of the sample of comments by class

Из выбранного для машинного обучения массива комментариев по теме табакокурения нам удалось вычлениить 20% комментариев с доводами/аргументами – почему человек хочет бросить курить или почему он(а) не хочет этого делать.

Как мы и предполагали, основные аргументы «за» отказа от курения – страх/забота о собственном здоровье и желание экономить бюджет семьи или личные деньги. В категории «Иное» в списке доводов бросить курить выделяются следующие типы: 1) ответственность перед детьми, в том числе за их здоровье; 2) больше свободного времени у тех, кто не курит; 3) вред, который курильщик наносит другим людям/окружающей среде; 4) низкое качество современных сигарет; 5) религиозные настроения, которые не совместимы с табакокурением. Как видим, в категории «Иное» часть аргументов также связана со здоровьем, в первую очередь детей, но также и остального окружения.

Аргументы «против» отказа от курения содержат заметную часть, основанную на страхе о наборе веса. Гипотеза подтвердилась,

такая причина встречается достаточно – около 22% антидоводов. Среди иных антидоводов бросить курить комментаторы выделяли следующие: 1) отсутствие вреда для здоровья (приводятся примеры известных людей, которые много курили публично и жили долго); 2) польза курения для здоровья, в том числе миф о более низкой вероятности для курильщиков заболеть COVID-19; 3) вред здоровью от прекращения курения («это большой стресс, который разрушит организм», «начинается сильная ломка»); 4) низкий самосохранительный статус индивида («Я не брошу курить, потому что рано или поздно я умру, мне не важно, когда это произойдет»); 5) давление окружения (вокруг все курят – друзья, коллеги, родственники).

В разделе результатов приведем также количественные оценки каждого из 6 экспериментов с классификацией высказываний русскоязычных пользователей социальной сети по вопросу отказа от табакокурения.

- 1. «Есть аргумент или нет аргумента».

В данном случае классификация производилась по двум классам: «0» – нет аргумента

вообще, «1» – есть аргумент (любой). Результаты эксперимента приведены в Таблице 3. Как видно из представленной таблицы, точность классификации составляет примерно

80%. При этом точность и F-score для класса «0» выше, что логично, так как комментариев, где аргументы отсутствовали, было в разы больше (6421 против 1601).

Таблица 3 – Результаты классификации по наличию аргумента
Table 3 – Classification results based on the presence of an argument

(«1» – есть аргументация, «0» – нет)
(«1» is an argument, «0» is not)

	Точность (precision), %	Полнота (recall), %	F1-мера (F1-score), %	Число наблюдений в валидационной выборке (support), шт.
Класс «0»	88	95	92	397
Класс «1»	74	51	61	105
Доля правильных ответов (accuracy), %			86	502
Макросреднее (macro average), %	81	73	76	502
Взвешенное среднее (weighted average), %	85	86	85	502

Источник: составлено авторами

2. «Есть ли аргумент в пользу того, чтобы бросить курить ради сохранения здоровья?»

В данном случае классификация производилась по двум классам: «1» – есть аргумент за то, чтобы бросить курить по соображениям здоровья, «0» – такого аргумента нет. Результаты эксперимента приведены в Таблице 4. В данном случае показатель точности состав-

ляет 77 % в среднем и 91 % по взвешенному среднему. Как и в прошлом эксперименте, класс «0» определяется точнее, что, опять же, ожидаемо с учетом того, что в данном случае подходящих аргументов еще меньше (629 против 7371). Несмотря на это, классы все равно определяются с высокой точностью.

Таблица 4 – Результаты классификации по наличию аргумента
Table 4 – Classification results by the presence of an argument

	Точность (precision), %	Полнота (recall), %	F1-мера (F1-score), %	Число наблюдений в валидационной выборке (support), шт.
Класс «0»	94	98	96	461
Класс «1»	61	27	37	41
Доля правильных ответов (accuracy), %			93	502
Макросреднее (macro average), %	77	63	67	502
Взвешенное среднее (weighted average), %	91	93	91	502

Источник: составлено авторами

3. «Есть ли аргумент в пользу того, чтобы бросить курить ради экономии денег?»

В третьем эксперименте классификация производилась по классам: «1» – есть аргумент за то, чтобы бросить курить по денежным соображениям, «0» – такого аргумента нет. Результаты эксперимента приведены в Та-

блице 5. В данном случае, так как подходящих аргументов было еще меньше, чем в предыдущих двух случаях (208 против 7792), точность определения класса «1» ниже, хотя общая точность классификационной модели довольно высока: 72 % в среднем и 98 % по взвешенному среднему. Стоит отметить, что, даже

несмотря на то, что в этом случае точность определения нужного аргумента несколько ниже, чем в предыдущем эксперименте, это все равно очень важный результат: эксперименты 2 и 3 показывают, что даже при нали-

чии пересечений между классами по общей теме (в данном случае – «за то, чтобы бросить курить») модель все равно находит нужные аргументы, отражающие причину такой мотивации.

Таблица 5 – Результаты классификации по наличию аргумента

Table 5 – Classification results by the presence of an argument

	Точность (precision), %	Полнота (recall), %	F1-мера (F1-score), %	Число наблюдений в валидационной выборке (support), шт.
Класс «0»	99	99	99	491
Класс «1»	45	45	45	11
Доля правильных ответов (accuracy), %			98	502
Макросреднее (macro average), %	72	72	72	502
Взвешенное среднее (weighted average), %	98	98	98	502

Источник: составлено авторами

4. «Есть ли аргумент в пользу того, чтобы бросить курить по иной причине, кроме денег и здоровья?»

В четвертом эксперименте рассматривалось два класса: «1» – есть ли аргумент за то, чтобы бросить курить по любой причине, кроме здоровья и денег, «0» – нет такого аргумента. Результаты эксперимента приведены в Таблице 6.

Особенно интересно в данном случае то, что, хотя подходящих аргументов было примерно столько же, сколько и в предыдущем эксперименте (даже немного больше), такие аргументы не удалось определить (по крайней мере, на таком объеме размеченных данных). При этом общая точность модели по взвешенному среднему довольно высока за счет очень точного определения класса «0». Такой ре-

зультат абсолютно закономерен в связи с тем, что в данном случае рассматривались именно другие, то есть не объединенные общей темой, аргументы в пользу того, чтобы бросить курить. Результат показывает, что в отсутствие общего паттерна (темы) определять нужные аргументы значительно сложнее. Тем более, что в классе «0» тоже есть аргументы за то, чтобы бросить курить. Таким образом, это логичный, но очень интересный результат. Как минимум, он показывает, что в дальнейших исследованиях при относительно небольшом объеме размеченных данных для точной классификации важно: 1) иметь наличие объединяющего паттерна внутри каждого класса, 2) минимизировать пересечения между классами по этому (или более глобальному объединяющему) паттерну.

Таблица 6 – Результаты классификации по наличию аргумента

Table 6 – Classification results based on the presence of an argument

	Точность (precision), %	Полнота (recall), %	F1-мера (F1-score), %	Число наблюдений в валидационной выборке (support), шт.
Класс «0»	94	100	97	470
Класс «1»	0	0	0	32
Доля правильных ответов (accuracy), %			94	502
Макросреднее (macro average), %	47	50	48	502
Взвешенное среднее (weighted average), %	88	94	91	502

Источник: составлено авторами

5. «Есть ли аргумент в пользу того, чтобы не бросать курить из-за опасности набрать вес?»

В пятом эксперименте классификация производилась по классам: «1» – есть аргумент, чтобы не бросать курить из-за опасности набрать вес, «0» – такого аргумента нет. Результаты эксперимента приведены в Таблице 7. Первое, на что стоит обратить внимание, – это 100%-ная точность определения класса «1». Объяснение этого результата заключается в том, что таких комментариев было мало (114 из 8000), из них в тестовую и валидационную выборку попало менее чем по десять.

Таблица 7 – Результаты классификации по наличию аргумента
Table 7 – Classification results by the presence of an argument

	Точность (precision), %	Полнота (recall), %	F1-мера (F1-score), %	Число наблюдений в валидационной выборке (support), шт.
Класс «0»	99	100	100	496
Класс «1»	100	50	67	6
Доля правильных ответов (accuracy), %			99	502
Макросреднее (macro average), %	100	75	83	502
Взвешенное среднее (weighted average), %	99	99	99	502

Источник: составлено авторами

6. «Есть ли аргумент в пользу того, чтобы не бросать курить, но не из-за опасности набрать вес?»

В шестом эксперименте комментарии классифицировались по классам: «1» – аргумент в пользу того, чтобы не бросать курить, но не про вес, «0» – нет такого аргумента. Результаты эксперимента приведены в Таблице 8. Мы видим, что класс «0» опять определяется очень точно, но по классу «1» точность не очень высокая. Общая точность модели по среднему взвешенному тоже очень высока, тогда как в среднем она существенно ниже. Такой результат объясняется тем, что аргументы против вновь не объединены общей более конкретной темой (как, например, вес), поэтому для модели сложно найти

Неудивительно, что эти комментарии были определены точно при общей высокой точности классификационной модели (что мы видели в предыдущих экспериментах). Конечно, такой результат совершенно не гарантирует, что при большем наборе данных такая очень высокая точность сохранится. Однако мы видим, что даже те немногие аргументы, которые были, оказались найдены все. Как минимум, это показывает, что контраргументы, апеллирующие к набору веса, действительно отличаются от остальных комментариев, они справедливо выделены в отдельный класс.

в них общий паттерн. Не стоит забывать, что в классе «0» тоже есть контраргументы, но объединенные темой веса (хотя, как мы уже говорили, их не очень много). Эксперимент 6 интересно сравнить с Экспериментом 4, так как там тоже рассматривались разные аргументы «за», исключая здоровье и деньги. В Эксперименте 6 точность выше, во-первых, потому что пересечений по контраргументам между классами было меньше (комментариев про вес мало), во-вторых, потому что «другие причины» (без единого паттерна) представляют подавляющую часть контраргументов. Тем не менее, именно отсутствие единой более узкой темы (паттерна) мешает точности классификации (как мы уже убедились на аргументах «за»).

Таблица 8 – Результаты классификации по наличию аргумента
Table 8 – Classification results by the presence of an argument

	Точность (precision), %	Полнота (recall), %	F1-мера (F1-score), %	Число наблюдений в валидационной выборке (support), шт.
Класс «0»	97	98	97	481
Класс «1»	33	29	31	21

Продолжение Таблицы 8

Доля правильных ответов (accusasy), %			95	502
Макросреднее (macro average), %	65	63	64	502
Взвешенное среднее (weighted average), %	94	95	94	502

Источник: составлено авторами

Подводя итог, в данном разделе работы мы представили созданную нами типологию доводов в пользу курения либо отказа от него. По нашим данным, в аргументированных комментариях против курения преобладает мотив отказа по соображениям здоровьесбережения, по сравнению с аргументом о сбережении денежных средств. Для людей, поддерживающих курение, борьба с лишним весом не является ведущим мотивом. Однако этот мотив существует и выделен четко. Точность предсказания классов в среднем превышает 85 %, что свидетельствует о достаточной надежности полученных результатов.

Разработанный нами автоматический алгоритм определения наличия довода по поводу отказа от курения и автоматической классификации доводов по указанным классам можно применять с целью мониторинга мнений пользователей русскоязычных социальных се-

тей по вопросам отказа от курения. В области рекомендаций для антитабачной политики на основе полученных результатов можно предложить следующие направления, которые могут повлиять на снижение потребления табака: 1) усилить просветительскую работу о вреде табака для здоровья людей, здоровья их детей и других окружающих людей, поскольку этот довод узнаваем и является наиболее популярным; 2) развить в рамках поощрительных мер тезис о сбережении семейного бюджета и времени и альтернативных способах использования сэкономленных средств и минут; 3) бороться с мифами об отсутствии вреда от табака и тем более наличия пользы; 4) пояснять населению, что набор веса может наблюдаться при отказе от табака в случае длительного стажа потребления, и предлагать реабилитационные программы для снижения таких последствий.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Наш подход к классификации доводов отказа от традиционного курения табака был основан на изучении комментариев в социальных сетях по аргументам отказа от курения на основе использования методов машинного обучения для автоматического распознавания классифицированных доводов и их наличия. Ограничения исследования связаны со спецификой используемых данных. Эмпирически мы выявили, что YouTube содержит большее количество релевантных нашей задаче комментариев, в связи с чем в качестве источника данных мы выбрали именно его. Однако среди минусов YouTube как источника данных для решения целей настоящего исследования мы

выделяем, во-первых, отсутствие данных о социально-демографических характеристиках индивида, что мешает нам на первой стадии исследования без дополнительных существенных усилий определить пол и возраст комментаторов, что важно для социально-демографической политики. Во-вторых, при наборе даже больших массивов комментариев мы сталкиваемся с невозможностью получить репрезентативный срез всего общества таким методом. И структура пользователей социальной сети, и структура авторов набора комментариев по ключевым словам может не совпадать со структурой населения России. Молодые пользователи представлены в данной социальной сети в большей степени¹⁵.

¹⁵ По данным Statista, по состоянию на октябрь 2023 г. среди пользователей YouTube было 54 % мужчин и 46 % женщин (URL: <https://www.statista.com/statistics/1287032/distribution-YouTube-users-gender/>). Возрастное распределение пользователей YouTube по состоянию на апрель 2023 г. было устроено таким образом. Среди женщин: 6,2 % – лица в возрасте 18–24 лет, 8,8 % – лица в возрасте 25–34 лет, 7,6 % – лица в возрасте 35–44 лет, 5,6 % – лица в возрасте 45–54 лет, 4,4 % – лица в возрасте 55–64 лет, 4,8 % – лица в возрасте 65 лет и старше. Среди мужчин: 8,8 % – лица в возрасте 18–24 лет, 11,9 % – лица в возрасте 25–34 лет, 9,1 % – лица в возрасте 35–44 лет, 6,3 % – лица в возрасте 45–54 лет, 4,4 % – лица в возрасте 55–64 лет, 4,2 % – лица в возрасте 65 лет и старше (URL: <https://datareportal.com/essential-YouTube-stats>). Отдельно по России такие данные в открытом доступе отсутствуют.

Тем не менее, такой источник данных служит богатым дополнением к имеющимся редким данным социологических опросов. Их можно получать постоянно, и цена вопроса не такая высокая. Выход в контексте улучшения интерпретации результатов подобных исследований состоит в комбинировании разных источников данных, во взаимной «помощи» разных источников данных (на стадии формулировки гипотез, верификации результатов и пр.).

Перспективы развития исследования о факторах отказа от табакокурения состоят из нескольких направлений. Во-первых, следующий шаг будет нацелен на исследование демографических характеристик людей с разными аргументами по этому вопросу с использованием лингвистических алгоритмов и больших языковых моделей. Научно обоснованная политика на основе доказательного подхода должна опираться на детализированные по демографическим критериям данные. В частности, страх набрать вес как причина отказа бросить курить, согласно нашим предшествующим эконометрическим исследованиям, характерен только для женщин [43].

Во-вторых, датасет, помимо самого комментария, содержит столбец с информацией

о дате публикации комментария. На данном этапе эту информацию мы не использовали. Однако в дальнейшем она может послужить для оценки динамики структуры доводов: как во времени менялась доля основных доводов и антидоводов, как это связано с этапами антитабачной политики, которая проводится в России.

В-третьих, мы планируем изучить способы отказа от традиционного курения (в том числе переход на электронные сигареты и пр.) среди разных демографических групп. Такая работа позволит уточнить целевые группы для антитабачной политики и разработать дополнительные рекомендации.

В-четвертых, мы планируем совершенствовать методологию – использовать и в этой теме гибридные нейросети в классификации высказываний пользователей социальных сетей, что должно повысить точность классификации высказываний до 90 и более %.

■ БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы выражают благодарность коллегам, участвовавшим в аннотации массивов комментариев пользователей социальных медиа: Воробьевой Е. К., Клименко Г. А., Колотуше А. В., Мошкину В. С. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Liu, S., & Liu, J. (2021). Public attitudes toward COVID-19 vaccines on English-language Twitter: A sentiment analysis. *Vaccine*, 39(39), 5499-5505. <https://doi.org/10.1016/j.vaccine.2021.08.058>.
2. Huerta, D. T., Hawkins, J. B., Brownstein, J. S., & Hswen, Y. (2021). Exploring discussions of health and risk and public sentiment in Massachusetts during COVID-19 pandemic mandate implementation: A Twitter analysis. *SSM – Popul. Heal*, 15. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ssmph.2021.100851>.
3. Abosedra, S., Laopodis, N. T., & Fakhri, A. (2021). Dynamics and asymmetries between consumer sentiment and consumption in pre-and during-COVID-19 time: Evidence from the US. *The Journal of Economic Asymmetries*, 24, e00227. <https://doi.org/10.1016/j.jeca.2021.e00227>.
4. Culotta, A. (2010). Towards detecting influenza epidemics by analyzing Twitter messages. In *Proceedings of the first workshop on social media analytics*, 115-122. <https://doi.org/10.1145/1964858.1964874>.
5. Broniatowski, D. A., Paul, M. J., & Dredze, M. (2013). National and local influenza surveillance through Twitter: an analysis of the 2012-2013 influenza epidemic. *PloS One*, 8(12), e83672. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0083672>.
6. Vychezhzhanin, S. V., & Kotelnikov, E. V. (2019). Stance detection based on ensembles of classifiers. *Programming and Computer Software*, 45, 228-240. <https://doi.org/10.1134/S0361768819050074>.
7. Kotelnikov, E., Loukachevitch, N., Nikishina, I., & Panchenko, A. (2022). RuArg-2022: Argument Mining Evaluation. In *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2022”*, 333-347. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2206.09249>.
8. Prier, K. W., Smith, M. S., Giraud-Carrier, C., & Hanson, C. L. (2011). Identifying

Health-Related Topics on Twitter. In *Social Computing, Behavioral-Cultural Modeling and Prediction, SBP 2011, Lecture Notes in Computer Science*, vol. 6589. https://doi.org/10.1007/978-3-642-19656-0_4.

9. Paul, M., & Dredze, M. (2011). You are what you tweet: Analyzing twitter for public health. In *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*, (1) 265-272. <https://doi.org/10.1609/icwsm.v5i1.14137>.

10. Paul, M. J., & Dredze, M. (2014). Discovering health topics in social media using topic models. *PloS One*, 9(8), e103408. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0103408>.

11. Thackeray, R., Burton, S. H., Giraud-CARRIER, C., Rollins, S., & Draper, C. R. (2013). Using Twitter for breast cancer prevention: an analysis of breast cancer awareness month. *BMC cancer*, 13, 1-9. <https://doi.org/10.1186/1471-2407-13-508>.

12. Kim, E., Hou, J., Han, J. Y., & Himelboim, I. (2016). Predicting retweeting behavior on breast cancer social networks: Network and content characteristics. *Journal of health communication*, 21(4), 479-486. <https://doi.org/10.1080/10810730.2015.1103326>.

13. Himelboim, I., & Han, J. Y. (2014). Cancer talk on twitter: community structure and information sources in breast and prostate cancer social networks. *Journal of health communication*, 19(2), 210-225. <https://doi.org/10.1080/10810730.2013.811321>.

14. Sutton, J., Vos, S. C., Olson, M. K., Woods, C., Cohen, E., Gibson, C. B., & Butts, C. T. (2018). Lung cancer messages on Twitter: content analysis and evaluation. *Journal of the American College of Radiology*, 15(1), 210-217. <https://doi.org/10.1016/j.jacr.2017.09.043>.

15. Myslín, M., Zhu, S. H., Chapman, W., & Conway, M. (2013). Using twitter to examine smoking behavior and perceptions of emerging tobacco products. *Journal of medical Internet research*, 15(8), e2534. <https://doi.org/10.2196/jmir.2534>.

16. Cole-Lewis, H., Pugatch, J., Sanders, A., Varghese, A., Posada, S., Yun, C., Augustson, E. (2015a). Social listening: a content analysis of e-cigarette discussions on Twitter. *Journal of medical Internet research*, 17(10), e243. <https://doi.org/10.2196/jmir.4969>.

17. Cole-Lewis, H., Varghese, A., Sanders, A., Schwarz, M., Pugatch, J., & Augustson, E. (2015). Assessing electronic cigarette-related tweets for sentiment and content using supervised machine

learning. *Journal of medical Internet research*, 17(8), e208. <https://doi.org/10.2196/jmir.4392>.

18. Kim, A. E., Hopper, T., Simpson, S., Nonnemaker, J., Lieberman, A. J., Hansen, H., & Porter, L. (2015). Using Twitter data to gain insights into e-cigarette marketing and locations of use: an infoveillance study. *Journal of medical Internet research*, 17(11), e251. <https://doi.org/10.2196/jmir.4466>.

19. Lazard, A. J., Saffer, A. J., Wilcox, G. B., Chung, A. D., Mackert, M. S., & Bernhardt, J. M. (2016). E-cigarette social media messages: a text mining analysis of marketing and consumer conversations on Twitter. *JMIR public health and surveillance*, 2(2), 171. <https://doi.org/10.2196/publichealth.6551>.

20. Clark, E. M., Jones, C. A., Williams, J. R., Kurti, A. N., Norotsky, M. C., Danforth, C. M., & Dodds, P. S. (2016). Vaporous marketing: uncovering pervasive electronic cigarette advertisements on Twitter. *PLoS One*, 11(7), e0157304. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0157304>.

21. Cabrera-Nguyen, E. P., Cavazos-Rehg, P., Krauss, M., Bierut, L. J., & Moreno, M. A. (2016). Young adults' exposure to alcohol-and marijuana-related content on Twitter. *Journal of studies on alcohol and drugs*, 77(2), 349-353. <https://doi.org/10.15288/jsad.2016.77.349>.

22. Giorgi, S., Yaden, D. B., Eichstaedt, J. C., Ashford, R. D., Buffone, A. E., Schwartz, H. A., Ungar, L.H., Curtis, B. (2020). Cultural differences in Tweeting about drinking across the US. *International journal of environmental research and public health*, 17(4), 1125. <https://doi.org/10.3390/ijerph17041125>.

23. Curtis, B., Giorgi, S., Buffone, A. E., Ungar, L. H., Ashford, R. D., Hemmons, J., Summers, D., Hamilton, C., & Schwartz, H. A. (2018). Can Twitter be used to predict county excessive alcohol consumption rates? *PloS One*, 13(4), e0194290. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0194290>.

24. Barry, A. E., Valdez, D., Padon, A. A., & Russell, A. M. (2018). Alcohol advertising on twitter—a topic model. *American Journal of Health Education*, 49(4), 256-263. <https://doi.org/10.1080/19325037.2018.1473180>.

25. Helgason, A. R., & Lund, K. E. (2002). General practitioners' perceived barriers to smoking cessation-results from four Nordic countries. *Scandinavian journal of public health*, 30(2), 141-147. <https://doi.org/10.1177/14034948020300020801>.

26. Rosenthal, L., Carroll-Scott, A., Earnshaw, V. A., Sackey, N., O'Malley, S. S., Santilli, A.,

- & Ickovics, J. R. (2013). Targeting cessation: understanding barriers and motivations to quitting among urban adult daily tobacco smokers. *Addictive Behaviors*, 38(3), 1639-1642. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2012.09.016>.
27. Twyman, L., Bonevski, B., Paul, C., & Bryant, J. (2014). Perceived barriers to smoking cessation in selected vulnerable groups: a systematic review of the qualitative and quantitative literature. *BMJ open*, 4(12), e006414. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2014-006414>.
28. Pagano, A., Tajima, B., & Guydish, J. (2016). Barriers and facilitators to tobacco cessation in a nationwide sample of addiction treatment programs. *Journal of substance abuse treatment*, 67, 22-29. <https://doi.org/10.1016/j.jsat.2016.04.004>.
29. Carlson, S., Widome, R., Fabian, L., Luo, X., & Forster, J. (2018). Barriers to quitting smoking among young adults: the role of socioeconomic status. *American Journal of Health Promotion*, 32(2), 294-300. <https://doi.org/10.1177/0890117117696350>.
30. Gupta, R., Pednekar, M. S., Kumar, R., & Goel, S. (2021). Tobacco cessation in India—Current status, challenges, barriers and solutions. *Indian Journal of Tuberculosis*, 68, S80-S85. <https://doi.org/10.1016/j.ijtb.2021.08.027>.
31. Cheng, N., Chandramouli, R., & Subbalakshmi, K. P. (2011). Author gender identification from text. *Digital Investigation*, 8(1), 78-88. <https://doi.org/10.1016/j.diin.2011.04.002>.
32. Alsmearat, K., Al-Ayyoub, M., Al-Shalabi, R., & Kanaan, G. (2017). Author gender identification from Arabic text. *Journal of Information Security and Applications*, 35, 85-95. <https://doi.org/10.1016/j.jisa.2017.06.003>.
33. Vicente, M., Batista, F., & Carvalho, J. P. (2019). Gender detection of Twitter users based on multiple information sources. In Interactions between computational intelligence and mathematics part 2, *Studies in Computational Intelligence*, vol 794, 39-54. https://doi.org/10.1007/978-3-030-01632-6_3.
34. Safara, F., Mohammed, A. S., Potrus, M. Y., Ali, S., Tho, Q. T., Souri, A., Janenia F., Hossein-zadeh, M. (2020). An author gender detection method using whale optimization algorithm and artificial neural network. *IEEE Access*, 8, 48428-48437. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2020.2973509>.
35. Ouni, S., Fkih, F., Omri, M. N. (2022). Bots and Gender Detection on Twitter Using Stylistic Features. In *Advances in Computational Collective Intelligence. ICCCI 2022. Communications in Computer and Information Science*, vol 1653. https://doi.org/10.1007/978-3-031-16210-7_53.
36. Zainab, Z., Al-Obeidat, F., Moreira, F., Gul, H., & Amin, A. (2023). Comparative analysis of machine learning algorithms for author age and gender identification. In *Proceedings of International Conference on Information Technology and Applications. Lecture Notes in Networks and Systems*, vol 614. https://doi.org/10.1007/978-981-19-9331-2_11.
37. Sboev, A., Litvinova, T., Gudovskikh, D., Rybka, R., & Moloshnikov, I. (2016). Machine learning models of text categorization by author gender using topic-independent features. *Procedia Computer Science*, 101, 135-142. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2016.11.017>.
38. Sboev, A., Moloshnikov, I., Gudovskikh, D., Selivanov, A., Rybka, R., & Litvinova, T. (2018). Automatic gender identification of author of Russian text by machine learning and neural net algorithms in case of gender deception. *Procedia computer science*, 123, 417-423. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2018.01.064>.
39. Сбоев А. Г., Рыбка Р. Б., Молошников И. А., Наумов А. В., Селиванов А. А. Сравнение точностей методов на основе языковых и графовых нейросетевых моделей для определения признаков авторского профиля по текстам на русском языке // Вестник НИЯУ МИФИ. 2023. Т. 10. № 6. С. 529-539. DOI: 10.56304/S2304487X21060109. EDN: WHAVGC.
40. Scholten, H., Luijten, M., & Granic, I. (2019). A randomized controlled trial to test the effectiveness of a peer-based social mobile game intervention to reduce smoking in youth. *Development and Psychopathology*, 31(5), 1923-1943. <https://doi.org/10.1017/S0954579419001378>.
41. Kalabikhina, I., Zubova, E., Loukachevitch, N., Kolotusha, A., Kazbekova, Z., Banin, E., & Klimenko, G. (2023). Identifying Reproductive Behavior Arguments in Social Media Content Users' Opinions through Natural Language Processing Techniques. *Population and Economics*, 7(2), 40-59. <https://doi.org/10.3897/ropecon.7.e97064>.
42. Калабихина И. Е., Казбекова З. Г., Банин Е. П., Клименко Г. А. Демографические ценности и социально-демографический портрет пользователей ВКонтакте: есть ли связь? // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2023. №. 3. С. 157-180. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-58-3-8. EDN: EXRUCA.

43. Кузнецова П. О. Почему не снижается курение у женщин: результаты микроанализа

за // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 91–101. DOI: [10.21064/WinRS.2019.3.7](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.3.7).

REFERENCES

- Liu, S., & Liu, J. (2021). Public attitudes toward COVID-19 vaccines on English-language Twitter: A sentiment analysis. *Vaccine*, 39(39), 5499-5505. <https://doi.org/10.1016/j.vaccine.2021.08.058>.
- Huerta, D. T., Hawkins, J. B., Brownstein, J. S., & Hswen, Y. (2021). Exploring discussions of health and risk and public sentiment in Massachusetts during COVID-19 pandemic mandate implementation: A Twitter analysis. *SSM – Popul. Heal.*, 15. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ssmph.2021.100851>.
- Abosedra, S., Laopodis, N. T., & Fakhri, A. (2021). Dynamics and asymmetries between consumer sentiment and consumption in pre-and during-COVID-19 time: Evidence from the US. *The Journal of Economic Asymmetries*, 24, e00227. <https://doi.org/10.1016/j.jeca.2021.e00227>.
- Culotta, A. (2010). Towards detecting influenza epidemics by analyzing Twitter messages. In *Proceedings of the first workshop on social media analytics*, 115-122. <https://doi.org/10.1145/1964858.1964874>.
- Broniatowski, D. A., Paul, M. J., & Dredze, M. (2013). National and local influenza surveillance through Twitter: an analysis of the 2012-2013 influenza epidemic. *PloS One*, 8(12), e83672. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0083672>.
- Vychegzhanin, S. V., & Kotelnikov, E. V. (2019). Stance detection based on ensembles of classifiers. *Programming and Computer Software*, 45, 228-240. <https://doi.org/10.1134/S0361768819050074>.
- Kotelnikov, E., Loukachevitch, N., Nikishina, I., & Panchenko, A. (2022). RuArg-2022: Argument Mining Evaluation. In *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue 2022"*, 333-347. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2206.09249>.
- Prier, K. W., Smith, M. S., Giraud-Carrier, C., & Hanson, C. L. (2011). Identifying Health-Related Topics on Twitter. In *Social Computing, Behavioral-Cultural Modeling and Prediction, SBP 2011, Lecture Notes in Computer Science*, vol. 6589. https://doi.org/10.1007/978-3-642-19656-0_4.
- Paul, M., & Dredze, M. (2011). You are what you tweet: Analyzing twitter for public health. In *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*, (1) 265-272. <https://doi.org/10.1609/icwsm.v5i1.14137>.
- Paul, M. J., & Dredze, M. (2014). Discovering health topics in social media using topic models. *PloS One*, 9(8), e103408. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0103408>.
- Thackeray, R., Burton, S. H., Giraud-Carrier, C., Rollins, S., & Draper, C. R. (2013). Using Twitter for breast cancer prevention: an analysis of breast cancer awareness month. *BMC cancer*, 13, 1-9. <https://doi.org/10.1186/1471-2407-13-508>.
- Kim, E., Hou, J., Han, J. Y., & Himelboim, I. (2016). Predicting retweeting behavior on breast cancer social networks: Network and content characteristics. *Journal of health communication*, 21(4), 479-486. <https://doi.org/10.1080/10810730.2015.1103326>.
- Himelboim, I., & Han, J. Y. (2014). Cancer talk on twitter: community structure and information sources in breast and prostate cancer social networks. *Journal of health communication*, 19(2), 210-225. <https://doi.org/10.1080/10810730.2013.811321>.
- Sutton, J., Vos, S. C., Olson, M. K., Woods, C., Cohen, E., Gibson, C. B., & Butts, C. T. (2018). Lung cancer messages on Twitter: content analysis and evaluation. *Journal of the American College of Radiology*, 15(1), 210-217. <https://doi.org/10.1016/j.jacr.2017.09.043>.
- Myslin, M., Zhu, S. H., Chapman, W., & Conway, M. (2013). Using twitter to examine smoking behavior and perceptions of emerging tobacco products. *Journal of medical Internet research*, 15(8), e2534. <https://doi.org/10.2196/jmir.2534>.
- Cole-Lewis, H., Pugatch, J., Sanders, A., Varghese, A., Posada, S., Yun, C., Augustson, E. (2015a). Social listening: a content analysis of e-cigarette discussions on Twitter. *Journal of medical Internet research*, 17(10), e243. <https://doi.org/10.2196/jmir.4969>.
- Cole-Lewis, H., Varghese, A., Sanders, A., Schwarz, M., Pugatch, J., & Augustson, E. (2015). Assessing electronic cigarette-related tweets for

sentiment and content using supervised machine learning. *Journal of medical Internet research*, 17(8), e208. <https://doi.org/10.2196/jmir.4392>.

18. Kim, A. E., Hopper, T., Simpson, S., Nonnemaker, J., Lieberman, A. J., Hansen, H., & Porter, L. (2015). Using Twitter data to gain insights into e-cigarette marketing and locations of use: an infoveillance study. *Journal of medical Internet research*, 17(11), e251. <https://doi.org/10.2196/jmir.4466>.

19. Lazard, A. J., Saffer, A. J., Wilcox, G. B., Chung, A. D., Mackert, M. S., & Bernhardt, J. M. (2016). E-cigarette social media messages: a text mining analysis of marketing and consumer conversations on Twitter. *JMIR public health and surveillance*, 2(2), 171. <https://doi.org/10.2196/publichealth.6551>.

20. Clark, E. M., Jones, C. A., Williams, J. R., Kurti, A. N., Norotsky, M. C., Danforth, C. M., & Dodds, P. S. (2016). Vaporous marketing: uncovering pervasive electronic cigarette advertisements on Twitter. *PLoS One*, 11(7), e0157304. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0157304>.

21. Cabrera-Nguyen, E. P., Cavazos-Rehg, P., Krauss, M., Bierut, L. J., & Moreno, M. A. (2016). Young adults' exposure to alcohol-and marijuana-related content on Twitter. *Journal of studies on alcohol and drugs*, 77(2), 349-353. <https://doi.org/10.15288/jsad.2016.77.349>.

22. Giorgi, S., Yaden, D. B., Eichstaedt, J. C., Ashford, R. D., Buffone, A. E., Schwartz, H. A., Ungar, L.H., Curtis, B. (2020). Cultural differences in Tweeting about drinking across the US. *International journal of environmental research and public health*, 17(4), 1125. <https://doi.org/10.3390/ijerph17041125>.

23. Curtis, B., Giorgi, S., Buffone, A. E., Ungar, L. H., Ashford, R. D., Hemmons, J., Summers, D., Hamilton, C., & Schwartz, H. A. (2018). Can Twitter be used to predict county excessive alcohol consumption rates? *PloS One*, 13(4), e0194290. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0194290>.

24. Barry, A. E., Valdez, D., Padon, A. A., & Russell, A. M. (2018). Alcohol advertising on twitter—a topic model. *American Journal of Health Education*, 49(4), 256-263. <https://doi.org/10.1080/19325037.2018.1473180>.

25. Helgason, A. R., & Lund, K. E. (2002). General practitioners' perceived barriers to smoking cessation—results from four Nordic countries. *Scandinavian journal of public health*, 30(2), 141-147. <https://doi.org/10.1177/14034948020300020801>.

26. Rosenthal, L., Carroll-Scott, A., Earnshaw, V. A., Sackey, N., O'Malley, S. S., Santilli, A., & Ickovics, J. R. (2013). Targeting cessation: understanding barriers and motivations to quitting among urban adult daily tobacco smokers. *Addictive Behaviors*, 38(3), 1639-1642. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2012.09.016>.

27. Twyman, L., Bonevski, B., Paul, C., & Bryant, J. (2014). Perceived barriers to smoking cessation in selected vulnerable groups: a systematic review of the qualitative and quantitative literature. *BMJ open*, 4(12), e006414. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2014-006414>.

28. Pagano, A., Tajima, B., & Guydish, J. (2016). Barriers and facilitators to tobacco cessation in a nationwide sample of addiction treatment programs. *Journal of substance abuse treatment*, 67, 22-29. <https://doi.org/10.1016/j.jsat.2016.04.004>.

29. Carlson, S., Widome, R., Fabian, L., Luo, X., & Forster, J. (2018). Barriers to quitting smoking among young adults: the role of socioeconomic status. *American Journal of Health Promotion*, 32(2), 294-300. <https://doi.org/10.1177/0890117117696350>.

30. Gupta, R., Pednekar, M. S., Kumar, R., & Goel, S. (2021). Tobacco cessation in India—Current status, challenges, barriers and solutions. *Indian Journal of Tuberculosis*, 68, S80-S85. <https://doi.org/10.1016/j.ijtb.2021.08.027>.

31. Cheng, N., Chandramouli, R., & Subbalakshmi, K. P. (2011). Author gender identification from text. *Digital Investigation*, 8(1), 78-88. <https://doi.org/10.1016/j.diin.2011.04.002>.

32. Alsmearat, K., Al-Ayyoub, M., Al-Shalabi, R., & Kanaan, G. (2017). Author gender identification from Arabic text. *Journal of Information Security and Applications*, 35, 85-95. <https://doi.org/10.1016/j.jisa.2017.06.003>.

33. Vicente, M., Batista, F., & Carvalho, J. P. (2019). Gender detection of Twitter users based on multiple information sources. In Interactions between computational intelligence and mathematics part 2, *Studies in Computational Intelligence*, vol 794, 39-54. https://doi.org/10.1007/978-3-030-01632-6_3.

34. Safara, F., Mohammed, A. S., Potrus, M. Y., Ali, S., Tho, Q. T., Souri, A., Janenia F., Hossein-zadeh, M. (2020). An author gender detection method using whale optimization algorithm and artificial neural network. *IEEE Access*, 8, 48428-48437. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2020.2973509>.

35. Ouni, S., Fkih, F., Omri, M. N. (2022). Bots and Gender Detection on Twitter Using Stylistic

Features. In *Advances in Computational Collective Intelligence. ICCCI 2022. Communications in Computer and Information Science*, vol 1653. https://doi.org/10.1007/978-3-031-16210-7_53.

36. Zainab, Z., Al-Obeidat, F., Moreira, F., Gul, H., & Amin, A. (2023). Comparative analysis of machine learning algorithms for author age and gender identification. In *Proceedings of International Conference on Information Technology and Applications. Lecture Notes in Networks and Systems*, vol 614. https://doi.org/10.1007/978-981-19-9331-2_11.

37. Sboev, A., Litvinova, T., Gudovskikh, D., Rybka, R., & Moloshnikov, I. (2016). Machine learning models of text categorization by author gender using topic-independent features. *Procedia Computer Science*, 101, 135-142. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2016.11.017>.

38. Sboev, A., Moloshnikov, I., Gudovskikh, D., Selivanov, A., Rybka, R., & Litvinova, T. (2018). Automatic gender identification of author of Russian text by machine learning and neural net algorithms in case of gender deception. *Procedia computer science*, 123, 417-423. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2018.01.064>.

39. Sboev, A. G., Rybka, R. B., Moloshnikov, I. A., Naumov A. V., & Selivanov A. A. (2021). Comparison of the accuracies of methods based on language and graph neural network models for determining author profile features from

russian texts. *Vestnik natsional'nogo issledovatel'skogo yadernogo universiteta "MIFI"*, 10(6), 529-539. <https://doi.org/10.56304/S2304487X21060109>. <https://elibrary.ru/WHAVGC>.

40. Scholten, H., Luijten, M., & Granic, I. (2019). A randomized controlled trial to test the effectiveness of a peer-based social mobile game intervention to reduce smoking in youth. *Development and Psychopathology*, 31(5), 1923-1943. <https://doi.org/10.1017/S0954579419001378>.

41. Kalabikhina, I., Zubova, E., Loukachevitch, N., Kolotusha, A., Kazbekova, Z., Banin, E., & Klimenko, G. (2023). Identifying Reproductive Behavior Arguments in Social Media Content Users' Opinions through Natural Language Processing Techniques. *Population and Economics*, 7(2), 40-59. <https://doi.org/10.3897/popecon.7.e97064>.

42. Kalabikhina, I. E., Kazbekova, Z. G., Banin, E. P., & Klimenko, G. A. (2023). Demographic values and socio-demographic profile of Vkontakte users: is there a connection? *Moscow University Economics Bulletin*, 3, 157-180. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-3-8>. <https://elibrary.ru/EXRUCA>.

43. Kuznetsova, P. O. (2019). Why the number of smoking women does not decrease: a view from the microanalysis level. *Woman in russian society*, 3, 91-101. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.3.7>.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

PUBLIC MANAGEMENT
and PUBLIC ADMINISTRATION

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ДЕФИЦИТА КАДРОВ НА РЫНКЕ ТРУДА

А. Э. Евтушенко^а, Н. Г. Чевтаева^б, Д. С. Кононова^а, А. Е. Агумбаева^с

^аДепартамент по труду и занятости населения Свердловской области
(Екатеринбург, Россия)

^бУральский институт управления — филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
(Екатеринбург, Россия)

^сКазахстанский агротехнический исследовательский университет им. С. Сейфуллина
(Астана, Казахстан)

АННОТАЦИЯ:

Введение. В преддверии запуска в 2025 году нового национального проекта «Кадры» обостряется потребность в поисках инновационных механизмов повышения конкурентоспособности российского рынка труда. Общеизвестной формой борьбы с кадровым дефицитом в мировой экономике является привлечение труда мигрантов.

Материалы и методы. Анализ нормативно-правовых актов позволил рассмотреть специфику государственного регулирования трудоустройства иностранных граждан в Российской Федерации путем предоставления «патентов» и «разрешений на работу». В ситуации закрытости статистических данных со стороны Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации для адекватной оценки современных миграционных тенденций в статье используются данные, предоставленные региональными службами занятости.

Результаты. Зафиксирована потребность в привлечении кадров на российский рынок труда: численность трудоспособного населения в России в 2023 году к 2017 году снизилась более чем на 200 тыс. человек.

Для работодателей остается привлекательным трудоустройство иностранных работников, работающих по патенту ввиду отсутствия дополнительной бюрократической нагрузки. Представлен анализ распределения квоты на привлечение и использование иностранных работников в разрезе видов экономической деятельности и стран привлечения. В 2024 году зафиксирован рост применения труда иностранных работников из стран, которые ранее практически отсутствовали на российском рынке труда: Шри-Ланка, Пакистан, Непал, Мьянма, Лаос.

Выделены точки роста в вопросах регулирования внешней трудовой миграции, связанные с возрастанием роли государства как надежного посредника по привлечению работодателем трудовых мигрантов. Для организаций, находящихся в поиске новых источников привлечения иностранной рабочей силы, важно использование официально установленных дипломатических каналов; действие в соответствии с алгоритмом, разработанным органами власти. Для регионов с острым дефицитом кадров перспективным представляется развитие института организованного набора иностранных работников. Важно расширить информационную представленность потребностей российского рынка труда в сети Интернет для зарубежной аудитории.

© А. Э. Евтушенко, Н. Г. Чевтаева, Д. С. Кононова, А. Е. Агумбаева, 2024

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

Обсуждение. Для понимания изменения миграционных потоков нуждается в дальнейшем исследовании региональная специфика размещения предприятий, налаженных устойчивых внешнеэкономических связей, что определяет привлечение иностранных граждан на региональный рынок труда.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: иностранные работники, трудовые ресурсы, патент, разрешение на работу, конкурентоспособность рынка труда

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Евтушенко А. Э., Чевтаева Н. Г., Кононова Д. С., Агумбаева А. Е. Государственное регулирование внешней трудовой миграции в условиях дефицита кадров на рынке труда // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 5. С 69-87. EDN: SOGZHW. DOI: 10.22394/2304-3369-2024-5-69-87.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Евтушенко Александр Эдуардович — Департамент по труду и занятости населения Свердловской области (620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. Фурманова, д. 107) — *начальник отдела трудовых ресурсов и миграционной политики*; ea96@mail.ru. SPIN-код: 9915-6282.

Чевтаева Наталия Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор; Уральский институт управления — филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66); chevtaeva-ng@ranepa.ru. SPIN-код: 3817-4895, ORCID: 0000-0002-4223-3318, Researcher: ABD-5356-2020, Scopus: 57199859026.

Кононова Дарья Сергеевна — Департамент по труду и занятости населения Свердловской области (620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. Фурманова, д. 107) — *заместитель начальника отдела трудовых ресурсов и миграционной политики*; konon99@bk.ru. SPIN-код: 4859-9752.

Агумбаева Ассия Ерликовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика»; Казахстанский агротехнический исследовательский университет им. С. Сейфуллина (0110011, республика Казахстан, г. Астана, пр. Женис, д. 62); Leila_76_76@mail.ru. SPIN-код: 3675-2780, ORCID: 0000-0002-6493-4908.

Статья поступила 19.06.2024; рецензия получена 15.08.2024; принята к публикации 11.09.2024.

STATE REGULATION OF EXTERNAL LABOR MIGRATION IN CONDITIONS OF PERSONNEL SHORTAGE IN THE LABOR MARKET

A. E. Evtushenko^a, N. G. Chevtaeva^b, D. S. Kononova^a, A. E. Agumbaeva^c

^aDepartment of Labor and Employment of the Sverdlovsk region
(Yekaterinburg, Russia)

^bUral Institute of Management – branch of the federal state budgetary educational institution
of higher education «Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation»
(Yekaterinburg, Russia)

^cKazakhstan Agrotechnical Research University named after S. Seifullin
(Astana, Kazakhstan)

ABSTRACT:

Introduction. In anticipation of the launch of a new national project “Personnel” in 2025, the need for innovative mechanisms to increase the competitiveness of the Russian labor market is intensifying. The universally recognized form of combating the personnel deficit in the global economy is the attraction of migrant labor.

Materials and methods. The analysis of regulatory legal acts made it possible to consider the specifics of state regulation of the employment of foreign citizens in the Russian Federation by providing “patents” and “work permits.” In the situation of closed statistical data on the part of the Main Directorate for Migration of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, for an adequate assessment of modern migration trends, the article uses data provided by regional employment services.

Results. The need to attract personnel to the Russian labor market was recorded: the working-age population in Russia in 2023 decreased by more than 200 thousand people by 2017. For employers, the employment of foreign workers working under the patent remains attractive due to the lack of additional bureaucratic burden. An analysis of the distribution of quotas for the attraction and use of foreign workers by types of economic activity and countries of attraction is presented. In 2024, an increase in the use of labor by foreign workers from countries that were previously practically absent in the Russian labor market was recorded: Sri Lanka, Pakistan, Nepal, Myanmar, Laos.

Growth points in the regulation of external labor migration related to the growing role of the state as a reliable intermediary for attracting labor migrants by the employer were highlighted. For organizations in search of new sources of attracting foreign labor, it is important to use officially established diplomatic channels; action according to an algorithm developed by the authorities. For regions with an acute shortage of personnel, the development of the institution of organized recruitment of foreign workers seems promising. It is important to expand the information representation of the needs of the Russian labor market on the Internet for foreign audiences.

Discussion. To understand the change in migration flows, the regional specifics of the placement of enterprises, established stable foreign economic relations, which determines the attraction of foreign citizens to the regional labor market, need further research.

KEYWORDS: foreign workers, labor resources, patent, work permit, labor market competitiveness

FOR CITATION: Yevtushenko A. E., Chevtaeva N. G., Kononova D. S. & Agumbayeva A. Y. (2024). State regulation of external labor migration in conditions of personnel shortage in the labor market. *Management Issues*, 18(5), 69–87. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-5-69-87>.

AUTHORS' INFORMATION:

Alexander E. Yevtushenko — Department of Labor and Employment of the Sverdlovsk region (107, st. Furmanova Ekaterinburg, 620144, Russia) — *Head of the Department of Labor Resources and Migration Policy*; ea96@mail.ru. SPIN: 9915-6282.

Natalia G. Chevtaeva — Doctor of Sociology, Professor; Ural Institute of Management — branch of the federal state budgetary educational institution of higher education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation» (66, st. March 8, Ekaterinburg, 620144, Russia); chevtaeva-ng@ranepa.ru. SPIN: 3817-4895, ORCID: 0000-0002-4223-3318, Researcher: ABD-5356-2020, Scopus: 57199859026.

Daria S. Kononova — Department of Labor and Employment of the Sverdlovsk region (107, st. Furmanova Ekaterinburg, 620144, Russia) — *Deputy Head of the Department of Labor Resources and Migration Policy*; konon99@bk.ru. SPIN: 4859-9752.

Asia E. Agumbayeva — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics; Kazakhstan Agrotechnical Research University named after S. Seifullin (62, av. Zhenis, Astana, 0110011, Republic of Kazakhstan); Leila_76_76@mail.ru. SPIN: 3675-2780, ORCID: 0000-0002-6493-4908.

The article was submitted 19/06/2024; reviewed 15/08/2024; accepted for publication 11/09/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Российский рынок труда столкнулся сегодня с двумя доминирующими вызовами: дефицитом кадров и обо-

стрением конкуренции за трудовых мигрантов с другими странами.

О масштабе дефицита кадров в России говорят сегодня многие эксперты. Опрос, про-

веденный «Коммерсантом», фиксирует, что «почти 90 % российских компаний во всех сферах экономики испытывают нехватку кадров, причем в крупном бизнесе дефицит персонала ощутимее, чем в мелких (89 % против 85 %). По другим данным, количество компаний, испытывающих кадровый голод, даже превышает 90 %»¹. «Большинство (85 %) компаний, опрошенных в конце 2023 года, полностью согласны с утверждением, что в 2024 году дефицит кадров останется основной проблемой на рынке труда»².

Общепризнанной формой борьбы с кадровым дефицитом в мировой экономике является привлечение труда мигрантов. Однако использование этого ресурса на российском рынке труда оказывается в современных реалиях проблематичным. Эксперты Института демографических исследований РАН отмечают «обострение конкуренции между Россией и Арабским миром, Китаем, Европой за трудовых мигрантов из традиционных для российского рынка центрально азиатских стран (Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана)³. Российский бизнес вынужден осваивать новые рынки привлечения рабочей силы за счет стран Африки, Вьетнама, Индии, Пакистана»⁴, что в свою очередь требует проработки логистических схем и новых форматов регулирования миграционных потоков.

Еще одним аргументом, подтверждающим актуальность обращения авторов к заявленной теме, является ожидаемый в 2025 году запуск нового национального проекта «Кадры», подготовка к которому требует от всех заинтересованных участников поиска инновационных механизмов повышения конкурентоспособности российского рынка труда, в том числе и для внешних трудовых мигрантов.

Обзор литературы. В современных российских и зарубежных исследованиях фиксируется тенденция усиления роли трудовой миграции [1]. Авторы выделяют факторы роста международной миграции, связанные с военными конфликтами (Saman Essa & Julika

Karlan и др.) [2]; экономической нестабильностью (Amanpreet Kaur & Prabhjot Kaur)[3]; политическим насилием (Federico Maggio & Carlo Caporali) [4], а также влиянием «выталкивающих» и «притягивающих» демографических факторов (Guo, Rufeï & Zhang, Junsen и др.) [5], когда страны, испытывающие демографический кризис, восполняют свои трудовые ресурсы за счет мигрантов [6]. «Трудовая миграция, – справедливо замечают А. В. Моисеев, И. М. Гусаков, – превратилась в структурный элемент экономики многих государств, включая и Россию, став ее безальтернативным ресурсом» [7, с. 3].

Исследователи (Е. Е. Ноева, Б. И. Алехин) отмечают положительное влияние миграции на российский рынок труда, поскольку «группы иммигрантов и местных работников являются взаимодополняющими» [8, с. 237], а труд приезжих работников «позволяет увеличивать подушевой валовой продукт регионов» [9, с. 234]. В то же время иностранные граждане могут стать потенциальным источником конфликтов при отсутствии грамотной адаптационной политики. А. Малик, Л. Манруп; Р. Андрияевич обращаются к вопросам социализации вновь прибывших мигрантов [10]; к проблемам, с которыми сталкиваются мигранты при выходе на рынок труда [11]. В. Оманович и А. Лэнгли исследуют управленческие практики адаптации трудовых мигрантов, которые нередко ставят мигрантов в невыгодное положение, вызывая социальную напряженность в отношении с местным сообществом [12]. Учитывая растущее значение миграций во всем мире, А. И. Зуева указывает на необходимость обеспечения «гибкости и адаптивности миграционной политики, активного привлечения диаспор, разумной дискриминации в части ограничения притока неквалифицированных трудовых мигрантов» [13, с. 28].

Многочисленный блок исследований сосредотачивает внимание на анализе организации процесса трудовой миграции и структуры мигрантов. Н. Г. Чевтаева отмечает, что пробле-

¹ РАН: дефицит кадров в России в 2023 году составил 4,8 млн человек. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6425588> (дата обращения: 12.06.2024).

² Особенности подбора кадров в 2024 году. URL: <https://www.audit-it.ru/articles/personnel/a111/1095591.html> (дата обращения: 12.06.2024).

³ России придется бороться за трудовых мигрантов с Китаем, ОАЭ и Европой. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2024/02/10/22305961.shtml> (дата обращения: 12.06.2024).

⁴ Глава Института демографии РАН: мигранты вместо РФ стали уезжать в Китай и ОАЭ. URL: <https://www.dp.ru/a/2024/02/10/glava-institutu-demografi> (дата обращения: 12.06.2024).

ма дисбаланса рынка труда частично решается с помощью гибких форм занятости, а также внутренней трудовой миграции [14]. А. А. Соколова «представляет группировки регионов России по удельному весу работающего населения в маятниковых трудовых перемещениях, подчеркивая, что поток маятниковых трудовых мигрантов преимущественно состоит из представителей сельского населения, которые совершают трудовые поездки ежедневно» [15, с. 52]. В. В. Комаровский выявляет потребность в разработке «классификаций национальных контингентов мигрантов по объемам и целям въезда для прогнозирования масштабов и структуры привлечения иностранной рабочей силы в Россию» [16, с. 90]. Изучается «динамика и структура национальных потоков мигрантов из стран СНГ. И. А. Шичкин представляет «географию происхождения и российские регионы-реципиенты мигрантов, половозрастную структуру иностранных работников, а также экономические сферы приложения их труда» [17, с. 177]. А. С. Хитяева проводит оценку состояния и перспектив филиппинской трудовой миграции на российский Дальний Восток [18]. Анализируются этнические (Elda Luciana Pardede) [19]; гендерные (Marup Hossain) [20] особенности миграции; проблемы «дисбаланса между уровнем профессиональной подготовленности мигрантов и потребностями рынка труда Российской Федерации» [21, с. 41].

Рассматривая процесс привлечения трудовых мигрантов в РФ из стран Центральной Азии, Ю. В. Югай отмечает, что большинство «устраиваются на работу через социальные сети, родственные контакты, частных посредников и пр. При этом роль государственных структур и частных агентств занятости в трудоустройстве мигрантов остается крайне низкой» [22, с. 206].

Данные выводы актуализируют проблематику регулирования внешней трудовой миграции в Россию. В литературе активно обсуждаются итоги международного научно-практического форума «Миграционные мосты в Евразии», который объединил более ста участников из таких стран, как Россия, Армения, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Вьетнам, Монголия, Турция, Бразилия [23]; вопросы «трансформации международной миграции и миграционной политики» [24]; использования новых форм политического и правового управления

международной трудовой миграцией [25]; Н. А. Нуралиев разрабатывает модели государственного регулирования трудовой миграции по следующим основаниям: «предпочтение принимающих стран, особенности миграционной политики «открытых дверей», консервативное «сильное ограничение» и «запретительная» политика» [26, с. 28]. К. В. Корсаков, А. В. Серова выявляют приоритетные направления совершенствования деятельности государственной службы занятости населения, связанные с «повышением уровня информированности иностранных граждан об основах трудового законодательства, видах, порядке и способах получения соответствующих государственных услуг; адаптацией отдельных государственных услуг под потребности и возможности внешних трудовых мигрантов; совершенствованием межведомственного взаимодействия» [27, с. 106]. Рассматривают вопросы цифровизации предоставления государственных услуг в сфере миграции, включая активизацию единой цифровой платформы «Работа в России» во взаимодействии с мигрантами [28]. П. О. Дутов формулирует предложения по наделению дополнительными полномочиями органов публичной власти в вопросах регулирования рынка труда субъектов Российской Федерации [29].

Представленный анализ литературы позволяет сделать вывод о необходимости анализа управленческих механизмов реализации государственной политики регулирования внешней миграции в России с учетом современных экономических и геополитических реалий.

Цель данной статьи: выделить точки роста, перспективные направления взаимодействия бизнеса и власти в вопросах регулирования внешней трудовой миграции (на примере промышленного региона Свердловской области). Анализ эффективных алгоритмов коммуникации работодателей и служб занятости позволит задействовать ресурс внешней трудовой миграции для стабилизации кадрового обеспечения развития экономики региона.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Авторы, опираясь на анализ нормативно-правовых актов, рассматривают специфику государственного регулирования трудоустройства иностранных граждан на российском рынке труда, путем предоставления «патентов» и «разрешений на работу».

В процессе анализа статистических данных авторы столкнулись с объективной трудностью. Ранее Главным управлением по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации публиковалась ежеквартальная информационная справка об оформленных и действующих патентах и разрешениях на работу в разрезе стран гражданской принадлежности и субъектов Российской Федерации. С текущего года данные удалены, а статистический сборник Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации предоставляет информацию фактически на два года позже, что в текущей динамике геополитической и социально-экономической ситуации не позволяет адекватно оценить миграционные тенденции.

Тем не менее, в распоряжении авторов имеются данные, предоставленные Департаментом по труду и занятости населения Свердловской области, что позволило провести анализ актуальной миграционной ситуации.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Подтверждение необходимости привлечения квалифицированных кадров на российский рынок труда можно найти в объективных статистических данных Федеральной службы статистики. По данным указанного ведомства, численность населения России с 2017 по 2023 год имеет тенденцию к снижению. Показатель «Численность трудоспособного населения» при этом колеблется. К примеру, в 2021 году данный показатель по сравнению с 2020 годом вырос. Хотя, если сравнить численность трудоспособного населения в 2023 году к 2017 году, можно увидеть, что тенденция неутешительна – показатель снизился за рассматриваемый период более чем на 200 тыс. человек⁵.

Проанализируем изменение численности трудоспособного населения в 2023 году к 2017 году в разрезе федеральных округов. Можно отметить, что в 2023 году численность трудоспособного населения значительно выросла в Южном федеральном округе на 220,4 тыс. человек, Северо-Кавказском федеральном округе – на 202,4 тыс. человек и Центральном федеральном округе – на 170 тыс. человек.

Значительное снижение численности трудоспособного населения в рассматриваемый период наблюдается в Приволжском федеральном округе на 574,6 тыс. человек, Сибирском федеральном округе – на 344,9 тыс. человек, Дальневосточном федеральном округе на 160 тыс. человек. В Уральском федеральном округе численность трудоспособного населения снизилась на 81,6 тыс. человек, а в Северо-Западном – на 55,0 тыс. человек.

Вместе с тем, в наблюдаемый период времени уровень безработицы постоянно снижается. Несмотря на резкий скачок уровня безработицы в 2020 году, связанный с введенными ограничениями по защите населения от коронавирусной инфекции и приостановлением деятельности отдельных предприятий, в конце 2023 года официальная безработица в России находилась на историческом минимуме – 3,2 %.

Обращаясь к рассмотрению **уровня безработицы** по Российской Федерации, стоит отметить, что уровень безработицы ниже общероссийского фиксируется в 2023 году на территории следующих федеральных округов: Приволжский (2,4 %), Уральский (2,5 %), Центральный (2,5 %), Северо-Западный (2,7 %) и Южный (2,9 %). Самые низкие показатели безработицы в столичных регионах: г. Москва и г. Санкт-Петербург, а также развитых в социально-экономическом плане регионах. Уровень безработицы чуть выше среднего зафиксирован в 2023 году на территории Сибирского федерального округа (3,3 %) и Дальневосточного федерального округа (3,7 %). Максимальные значения безработицы (9,7 %) зафиксированы на территории Северо-Кавказского федерального округа.

Тенденция кратного превышения численности рабочих мест и зарегистрированных в качестве безработных граждан в службе занятости населения говорит о наличии проблемы дефицита кадров на российском рынке труда.

Существующая тенденция сокращения сформировалась ввиду наличия ряда причин. Во-первых, постоянное сокращение численности трудоспособного населения имеет прямое влияние на количество работников на рынке труда. Во-вторых, с 2022 года сформировалось

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Председатель редакционной коллегии Егоренко С.Е. Росстат. М., 2023. 1126. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения: 15.08.2024).

две тенденции, влияющие на дефицит кадров: убытие мужчин в зону специальной военной операции и релокация специалистов за рубеж.

Принимая во внимание сложившуюся ситуацию и стратегические цели привлечения иностранных кадров в Российскую Федерацию, необходимо провести анализ **динамики миграционных потоков**, прибывающих из стран с визовым режимом въезда в Россию для дальнейшего трудоустройства.

Законодатель предусматривает два основных типа разрешительных документов для иностранных граждан: патент и разрешение на работу. Важное примечание, что иностранные работники, приезжающие из стран Евразийского экономического союза, не оформляют разрешительных документов для дальнейшей работы, следовательно, находятся практически вне сферы регулирования, будучи приравненными к российским гражданам в контексте защиты национального рынка труда.

Обратим внимание на специфику двух категорий иностранных граждан: **работающие по патенту и работающие по разрешению на работу**. Первая категория – наиболее массовая. Как правило, это граждане из Узбекистана и Таджикистана. Патент оформляет иностранный работник самостоятельно, обращаясь в территориальный орган Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Принято считать, что иностранные работники из стран ближнего зарубежья являются низкоквалифицированной рабочей силой. Подтверждение данному утверждению можно найти в исследовании Е. С. Красинец, подчеркивающего, что большинство мигрантов не имеют достаточного уровня образования и опыта работы в высокотехнологичных отраслях народного хозяйства, что в свою очередь сказывается на общем процессе поступательного повышения производительности труда и модернизации российской экономики⁶. В. И. Мукомель, изучая трудовые траектории иностранных работников из безвизовых стран, отметил, что большинство находит себе работу хуже по условиям, чем в стране исхода [31]. Нередки случаи переориентации и ухода в другую сферу деятельности, где не приносятся более квалифицированные навыки, полученные в родной стране.

Тем не менее, для *работодателей остается привлекательным трудоустройство иностранных работников, работающих по патенту*, ввиду отсутствия дополнительной бюрократической нагрузки: из обязательных требований оформление трудового и гражданско-правового договора и подача соответствующего уведомления в органы внутренних дел. Такого работника можно устроить на работу достаточно быстро, что в условиях кадрового дефицита является ключевым фактором принятия решения. Также, учитывая спрос на рынке труда и сложность поиска российских граждан на низкоквалифицированные рабочие места даже среди официально зарегистрированных в органах службы занятости населения, мигранты, работающие по патенту, так и останутся наиболее желательными кандидатурами для трудоустройства.

Вторая категория – иностранные работники из визовых стран. Для данной категории законодателем предусмотрен иной механизм легализации – через получение соответствующей квоты. С учетом проблемы кадрового дефицита необходимость поиска новых рынков труда является одной из актуальных задач – в этом могут помочь страны Юго-Восточной Азии.

Для российских работодателей привлечение иностранных работников из визовых стран достаточно понятный механизм, существующий с 2015 года. Суть механизма заключается в следующем: работодатель изначально регистрируется в Автоматизированном информационном комплексе «Миграционные квоты», подает заявку о потребности в привлечении иностранного работника, содержащую количество, страну и профессионально-квалификационные требования к планируемым к привлечению иностранным работникам.

На уровне субъектов Российской Федерации созданы соответствующие коллегиальные органы (комиссии), которые рассматривают заявки с учетом ситуации на рынке труда, анализа миграционной ситуации и добросовестности работодателей по соблюдению норм законодательства Российской Федерации. Одобренные заявки данными комиссиями направляются на федеральный уровень – в Меж-

⁶ Красинец Е. С. Иностранная рабочая сила на российском рынке труда: проблемы и решения. // Экономика и бизнеса. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inostrannaya-rabochaya-sila-na-rossijskom-rynke-truda-problemy-i-resheniya> (дата обращения: 12.06.2024).

ведомственную комиссию по определению потребности в привлечении в Российскую Федерацию иностранных работников, в том числе по приоритетным профессионально-квалификационным группам, утверждению квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности, а также квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу. В случае, если заявка одобрена указанной Межведомственной комиссией, подготавливается приказ для всех субъектов Российской Федерации. И только после вступления в силу приказа работодатель может обращаться в территориальный орган Министерства внутренних дел Российской Федерации за необходимым пакетом документов.

Процесс **получения квоты** на привлечение и использование иностранных работников достаточно длителен. С учетом прохождения всех формальных процедур для работодателя весь процесс получения разрешительной документации на иностранных граждан может растянуться на срок более полугода. Если работодатель уже годами привлекает иностранных работников по данной схеме, для него уже понятны стадии получения квоты, и он делает все необходимые процедуры заранее ввиду того, что можно подать заявку сразу на предстоящий год. А если бизнес вновь организованный или у работодателя резко возникла потребность: выиграли тендер, получили одобрение на реализацию инвестиционного проекта, то придется пройти длительную процедуру. Несмотря на прозрачность участия в квотной кампании, хозяйствующие субъекты для ускорения процесса занятия вакантных рабочих мест привлекают граждан из стран ближнего зарубежья, что дальше усугубляет проблему наполнения экономики низкоквалифицированными кадрами. Также для покрытия данной проблемы работодатель может преступить черту «теневого» сектора, трудоустроивая необходимых иностранных работников без оформления необходимых документов.

Переходя к анализу **статистической информации**, одним ограничением данного исследования и в целом формирования понимания о миграционных потоках, прибывающих в Российскую Федерацию, является неоднозначность публикуемых открытых данных, позволяющих судить о численности иностранных работников в целом в Российской Федера-

ции. Основным источником информации служат данные Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации, чьи территориальные органы в субъектах Российской Федерации отвечают за оформление, выдачу и аннуляцию всех разрешительных документов. Все процессы по легализации иностранных работников происходят исключительно с данным ведомством.

Поскольку в настоящее время официальная информация главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации об оформленных и действующих патентах и разрешениях на работу перестала публиковаться в открытых источниках, а статистический сборник Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации предоставляет информацию фактически на два года позже, авторы используют для анализа **данные, предоставленные Департаментом по труду и занятости населения Свердловской области**.

Количество оформленных патентов в 2022 году по сравнению с 2021 годом снизилось на 7,0 % и составило 2 059 964 единицы. Лидерами по количеству оформленных патентов являются следующие субъекты Российской Федерации: Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, а также Свердловская область и Краснодарский край. Тенденция понятная – иностранные работники едут в регионы, имеющие привлекательные условия рынка труда, представленные разнообразными вакансиями. Также немаловажный фактор миграционной привлекательности – наличие удобного транспортного узла и возможности легкого и доступного переезда в регион.

Несмотря на сохранение интереса трудовых мигрантов к данным регионам, нельзя не отметить достаточное снижение количества оформляемых патентов в 2022 году: к примеру, в Москве на 17,0 %. Всего количество оформляемых патентов снизилось у 39 регионов, что также сигнализирует о постепенном оттоке безвизовых иностранных работников с российского рынка труда.

Наименьшее количество патентов (до 1000 единиц ежегодно) оформляется в следующих регионах: Республика Хакасия, Чеченская Республика, Еврейская автономная область, Республика Калмыкия, Республика Марий Эл, Республика Тыва, Ненецкий авто-

номный округ. Здесь также можно проследить интересную тенденцию: в регионы с выраженной национальной спецификой, а также имеющих определенные климатические особенности, не стремятся выходы из Средней Азии.

Переходя к изучению ситуации по привлечению иностранных работников из визовых стран, стоит отметить, что в данном исследовании использовался набор данных, состоящих из информации по одобренной квоте на привлечение и использование иностранных работников, а также количество оформленных разрешений на работу. Такой набор данных продиктован поиском объективности в рамках данного исследования. Так, получение квоты не обязывает работодателя привлечь иностранного работника. Это некая возможность в отличие от выданного разрешения на работу, что подтверждает конкретный факт прибытия иностранного гражданина в Россию.

Несмотря на то, что количество оформляемых разрешений на работу кратно ниже количества оформленных патентов, можно отследить, что в 2022 году по сравнению с 2021 годом рост данного показателя составил 2,4 %. Так, в 2022 году оформлено 95 328 разрешений на работу, а в 2021 году – 93 031. Можно сказать, что в период действия ограничительных мер «визовые» иностранные работники оказались в менее комплементарном положении по сравнению с безвизовыми, границы были закрыты, а авиасообщение со многими странами было приостановлено практически полностью. В середине 2021 года с безвизовыми странами было открыто авиасообщение, также существовала возможность сухопутного прохождения пограничных пунктов, что позволило ряду иностранных работников из ближнего зарубежья вернуться в Российскую Федерацию в целях дальнейшего трудоустройства.

Говоря о конкретных данных **по квоте на привлечение и использование иностранных работников**, стоит отметить, что с 2017 по 2024 годы данное значение находится в диапазоне от 101 000 до 179 000 рабочих мест. Наибольшие значения фиксировались в 2017–2018 годах, а наименьшие – в «пандемийных» 2020–2021 годах. Стоит отметить, что после снятия ограничений цифра по потребности работодателей в иностранной рабочей силе из стран с визовым режимом въезда стала ди-

намично изменяться в сторону увеличения. Рост данного показателя с 2021 по 2024 год составляет около 20 %. Такие цифры говорят о поэтапном восстановлении потребности российских работодателей в такой категории иностранных работников.

Определенную специфику по распределению квоты по субъектам Российской Федерации, в отличие от ситуации по оформляемым патентам, можно отследить в рамках проводимого анализа. Важное ограничение: размеры квот по субъектам Российской Федерации могут меняться: увеличиваться и уменьшаться, так как это динамичный процесс. В данном исследовании мы руководствуемся данными по определенной квоте на привлечение и использование иностранных работников согласно приказу Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 9 января 2024 года № 1 «Об утверждении перечня профессий (специальностей, должностей) для привлечения иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, на 2024 год» (в редакции от 19.04.2024 № 222).

Так, в лидерах по выделенной квоте регионы Дальневосточного федерального округа: а именно: Амурская область, Хабаровский и Приморский край, что обусловлено географической составляющей (близость к русско-китайской границе).

Интересно отметить, что для Московской области, что для Ленинградской области выделяется в несколько раз больше квоты, чем для самой Москвы и Санкт-Петербурга. Еще один лидер в предыдущем году по количеству одобренных рабочих мест для визовых иностранных работников – Тульская область. В качестве гипотезы: для работодателей из столичного региона выгоднее привлечь иностранных работников в Тульской области. Дело в обеспечении социального пакета по более низкой цене для организаций.

Еще одним регионом, который является одним из лидеров по объемам привлекаемой рабочей силы иностранных работников, является Свердловская область. Интересно отметить, что данный регион находится в топе и по безвизовым, и по визовым иностранным работникам. Развитый рынок труда и удобство инфраструктуры обуславливает востребованность среди обеих категорий иностранных работников. При этом каждый регион, находя-

щийся в лидерах по количеству привлекаемых иностранных работников, имеет свою специфику – наличие предприятий и проектов, которые обуславливают необходимость применения труда данной категории иностранных работников.

Кейс Свердловской области, заключающийся в привлечении значительного количества иностранных работников из Китая, неразрывно связан с присутствием в регионе одной из самых больших торгово-рыночных площадок в целом в Российской Федерации – Торговый Центр «Таганский ряд». Привлечение иностранных работников для осуществления работ в сфере оптовой и розничной торговли скорее исключение, а не общероссийский тренд.

Анализируя **сферы применения труда иностранных работников**, стоит отметить,

что на протяжении рассматриваемого периода значительное количество иностранных работников планируется по следующим видам экономической деятельности: строительство и обрабатывающие производства. Суммарно примерно 60,0 % приходится на данные виды экономической деятельности к общей численности одобренных рабочих мест по квоте на привлечение и использование иностранных работников. По данным сферам также видится положительная динамика после пандемии. Говоря про обрабатывающие производства, стоит отметить, что наибольшая потребность в иностранных работниках отмечается в следующих видах экономической деятельности: производство пищевых продуктов, производство одежды, а также производство кожи и изделий из кожи.

Таблица 1 – Распределение квоты на привлечение и использование иностранных работников в разрезе видов экономической деятельности
Table 1 – Distribution of quotas for attracting and using foreign workers by type of economic activity

№	Вид экономической деятельности	Размер квоты в 2018 году	Вид экономической деятельности	Размер квоты в 2021 году	Вид экономической деятельности	Размер квоты в 2024 году
1	РАЗДЕЛ F Строительство	66104	РАЗДЕЛ F Строительство	48723	РАЗДЕЛ F Строительство	63532
2	РАЗДЕЛ С Обрабатывающие производства	32526	РАЗДЕЛ С Обрабатывающие производства	22437	РАЗДЕЛ С Обрабатывающие производства	45039
3	РАЗДЕЛ А Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	10256	РАЗДЕЛ G Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	4977	РАЗДЕЛ G Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	6223
4	РАЗДЕЛ G Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мото	7959	РАЗДЕЛ А Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	3122	РАЗДЕЛ А Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	5375
5	РАЗДЕЛ I Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	3323	РАЗДЕЛ I Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	2684	РАЗДЕЛ I Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	2932

После пандемии снижается количество потребности российских работодателей в следующих сферах: гостиницы и общественное питание, торговля; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов, а также сельское хозяйство.

Переходя к анализу разреза стран гражданской принадлежности, стоит отметить, что с 2017 по 2024 годы иностранные работники из Китая остаются наиболее востребованными на российском рынке труда. В текущем году практически восстановилось значение количе-

ства планируемых к привлечению иностранных работников из Китая: 52 982 человека к 58 698 (значение 2017 года). В целом структура топ-5 стран по планируемым к привлечению иностранных работников достаточно динамична. Топ-5 стран в 2024 году представлен в Таблице № 2. По сравнению с 2021 годом

появился, например, Бангладеш, вышла в топ Индия. В топ-5 стран по привлечению иностранных работников больше не находится Сербия. С 2017 года более востребованными были специалисты из Социалистической Республики Вьетнам и менее востребованными из Турции.

Таблица 2 – Распределение квоты на привлечение и использование иностранных работников в разрезе стран привлечения

Table 2 – Distribution of quotas for attracting and using foreign workers by country of attraction

№	Страна привлечения	Размер квоты в 2018 году	Страна привлечения	Размер квоты в 2021 году	Страна привлечения	Размер квоты в 2024 году
1	Китайская Народная Республика	58698	Китайская Народная Республика	38157	Китайская Народная Республика	52982
2	Турецкая Республика	21742	Турецкая Республика	16264	Социалистическая Республика Вьетнам	26627
3	Социалистическая Республика Вьетнам	20068	Социалистическая Республика Вьетнам	16240	Республика Индия	20533
4	Корейская Народно-Демократическая Республика	10038	Корейская Народно-Демократическая Республика	6860	Турецкая Республика	11234
5	Республика Сербия	6867	Республика Сербия	4338	Народная Республика Бангладеш	4450

Здесь необходимо проанализировать, с чем связан именно такой разрез топ-5 стран гражданской принадлежности иностранных работников. В настоящее время Российская Федерация столкнулась с беспрецедентным санкционным давлением, разрывом отношений с рядом стран и изменением логистических цепочек. С 2022 года появилось такое понятие, как «недружественная страна». Структура топ-5 стран лидеров по численности иностранных работников в Российской Федерации наглядно показывает, какие страны остались стратегическими партнерами и какие только наращивают потенциал сотрудничества.

Китай остается основным поставщиком рабочей силы для России из числа стран с визовым режимом въезда в Россию. Обратимся к данным Министерства иностранных дел Российской Федерации. Так, основные принципы дипломатических отношений между Российской Федерацией и Китаем, заключающиеся во всеобъемлющем партнерстве и стратегиче-

ском взаимодействии, отражены в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 года⁷. Углубление отношений с Китаем носит для Российской Федерации приоритетное и долгосрочное значение, что прослеживается в постоянно проводимых встречах лидеров государства, практиками помощи в борьбе с коронавирусной инфекцией и другими кейсами двухсторонней помощи и договоренностями об углублении сотрудничества.

За последние три года в лидерах по количеству привлекаемых иностранных работников можно заметить Вьетнам. Данная страна является ключевым стратегическим партнером в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Если сравнить с Китаем, российско-вьетнамское всеобъемлющее партнерство носит более долгосрочный характер – дипломатические отношения были установлены в 1950 году.

Между странами развита международная торговая и инвестиционная кооперация,

⁷ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16.07.2001. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 12.06.2024).

а также сотрудничество в сфере культуры и образования. В июне 2024 года состоялся визит Президента Российской Федерации во Вьетнам, где обсуждалось также расширение международной кооперации и сотрудничества по выше обозначенным сферам.

В 2024 году значительно выросло количество иностранных работников из Индии. Отношения с Индией носят характер стратегического партнерства – лидеры стран на встрече в начале июля 2024 года подчеркнули важность налаженных тесных контактов, позволяющих двум странам, имеющим схожие внешнеполитические взгляды насчет многополярного мира. Кроме того, приводятся данные о значительном росте (в два раза) товарооборота между Российской Федерацией и Индией в 2023 году⁸.

Имеет тенденцию снижение иностранных работников из Турции, несмотря на то, что после 2022 года Турция осталась одной из экономических российских партнеров. При этом еще с 2016 года постепенно снижается количество турецкого бизнеса в Российской Федерации – к настоящему году проекты в сфере строительства подходят к завершению, а находятся турецким работникам в Российской Федерации невыгодно ввиду существующего курса рубля.

Важную роль также играет наличие удобства полетов между странами – все приведенные выше страны имеют прямо авиасообщение, восстановленное после пандемии. К примеру, Сербия поддерживает политическую линию России, но не имеет прямого авиасообщения, а существующие билеты достаточно дорогостоящие. Данный факт несет дополнительные издержки для работников из данной страны – дорога до места работы в России обойдется в квартальную заработную плату. При этом работники из Сербии были преимущественно заняты в сфере общественного питания – ранее отмечалась тенденция на балканскую кухню. В настоящее время тренд задают заведения общественного питания паназиатской направленности.

Продолжая тему растущей потребности работодателей на поиск новых рынков труда, стоит отметить, что, судя по актуальной квоте на привлечение и использование иностранных работников, российские работодатели уже

оперативно отреагировали на новые тенденции и успели заявиться на получение необходимых квот. В 2024 году рекордный рост зафиксирован по следующим странам: Шри-Ланка (3582 % к значению 2018 года), Пакистан (1840 % к значению 2018 года), Туркменистан (976% к значению 2018 года), Непал (878 % к значению 2018 года). Интересное наблюдение, что в квоте на привлечение и использование иностранных работников 2024 года появилось сразу 200 рабочих мест для работников из Мьянмы и 105 рабочих мест для работников из Лаоса. Ранее не планировалось применение труда представителей данных стран.

Стабильно сохраняется интерес работодателей к иностранным работникам из Таиланда, Индонезии и Филиппин – можно отметить постепенное восстановление потребности работодателей в специалистах после пандемии. Нельзя не отметить корреляцию политической обстановки и привлечение специалистов из западных стран, о чем говорилось выше.

Представители так называемых недружественных стран не покинули Российскую Федерацию в полном составе – так или иначе в 2024 году планируется их привлечение. При этом их присутствие в общероссийской квоте практически минимальное по сравнению со значениями прошлых годов. Зависимость потребности в привлечении иностранных работников от геополитической обстановки можно было увидеть на примере Северной Кореи. Так, 2018 год стал последним годом привлечения иностранных работников из данной страны, что можно связать с выходом резолюции Совета Безопасности ООН, косвенно подтверждающей невозможность осуществления трудовой деятельности жителей Северной Кореи за пределами своей страны. При этом в 2018 году соответствующая квота для данной категории иностранных работников была определена в размере 10 038 рабочих мест.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

В рамках данного исследования мы акцентировали внимание на **региональную составляющую – какие субъекты Российской Федерации имеют большую потребность в иностранных работниках, прибывающих в порядке, требующем получения визы?** Интересно отметить, что в рассматриваемом пе-

⁸ Россия и Индия подписали совместное заявление по результатам визита Моди (2024) Ведомости URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/07/09/1049004-rossiya-i-indiya-podpisali> (дата обращения: 12.06.2024).

риоде с 2018 по 2024 годы в лидеры по количеству потребности в привлечении иностранных работников стабильно входят следующие регионы: Амурская область; Ленинградская область; Приморский край; Новосибирская область; Омская область; Свердловская область; Рязанская область; Московская область; Тульская область; Владимирская область. В данный перечень не вошли г. Москва и г. Санкт-Петербург.

Суммарно квота на привлечение и использование иностранных работников, прибывающих в порядке, требующем получения визы, с 2018 по 2024 годы в разрезе вышеуказанных субъектов Российской Федерации увеличилась на 58,0 %, или более чем на 30 тысяч рабочих мест.

Географическую составляющую для понимания изменения миграционных потоков целесообразно рассмотреть по каждому субъекту ввиду того, что у каждого региона своя специфика, связанная с наличием размещения предприятий, а также налаженных устойчивых внешнеэкономических связей. У лидера по количеству квоты на привлечение и использование иностранных работников, прибывающих в порядке, требующем получения визы, – **Амурской области** расширилось количество стран, из которых привлекают иностранных работников, с 10 до 14 единиц. Снизилось присутствие работников из Китая и Турции, Сербии. При этом значительно выросла доля работников из Индии – с 5 до 12 %. Появились представители новых стран: это Бангладеш и Туркменистан.

В Приморском крае в 2018 году 87,0 % планируемых к привлечению иностранных работников были граждане Китая. К 2024 году данный показатель снизился до 77,0 %. Тем не менее, это практически самый большой показатель по Российской Федерации, больше только у Омской области – 99,0 % всей потребности в иностранных трудовых ресурсах у работодателей в китайских работниках.

Омская область в целом регион, привлекающий неширокий круг стран к осуществлению трудовой деятельности, в 2024 году в общей потребности можно найти представителей балканского полуострова – Боснии и Герцеговины и Сербии (по 0,4% на каждую страну). Интересный феномен, что Омскую область, несмотря на ее миграционную привлекательность, не затронули текущие трен-

ды расширения сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии.

В Ленинградской области несколько иные процессы. К примеру, в общей численности планируемых к привлечению иностранных работников значительно выросла доля работников из Китая – практически в два раза. Снизилось практически в 5,5 раза количество иностранных работников из Вьетнама и 4,5 раза из Сербии. Наблюдается рост потребности работодателей региона на применение труда иностранных работников из Туркменистана.

У Новосибирской области в 30 раз выросла потребность в иностранных работниках из Индии. В числовом значении – с 15 до 774 иностранных работников. Для рынка труда Новосибирской области также появилась новая категория иностранных работников – граждане Бангладеш. В общей структуре потребности их доля в 2024 году составляет 18,7 %.

У Свердловской области остается стабильной ситуация по привлечению китайских работников – доля данной категории иностранных граждан на рынке труда Свердловской области находится в диапазоне от 65 до 67 % на протяжении наблюдаемого периода. Увеличение доли иностранных работников из Вьетнама от общей численности иностранной рабочей силы составило 5 %. На несколько процентных пунктов подросла доля иностранных работников из Таиланда и появились новые две страны – Камбоджа и Лаос. При этом тренд на Индию пока еще не сильно заметен в Свердловской области, наоборот, доля потребности даже снизилась с 0,8% до 0,5 %.

В Рязанской области наблюдается прева-лирование иностранных работников из Вьетнама. Данная категория остается в топ-стран, несмотря на снижение потребности данной категории иностранных граждан с 93,4 % до 84,9%. Иностранные работники из Китая занимают 0,1% в общей потребности региона (2 человека в 2024 году). С 2018 по 2024 год значительно выросла доля иностранных работников из Индии – с 0 % до 14 %.

Схожая ситуация **в Московской области**, где у работодателей также более востребованы иностранные работники из Вьетнама, чем из Китая. В 2018 году данная категория иностранных работников занимала 65,9%, а в 2024 году – 74,0 %. В целом, стоит отметить, что у Московской области в 2018 году была самая широкая география стран привле-

чения иностранных работников – 19 единиц. К 2024 году она приблизилась к общероссийским тенденциям – 12 единиц. Снижение можно объяснить отъездом граждан недружественных стран: Германия, Франция, Хорватия, Япония, Черногория и других. Также наметился рост потребности работодателей на иностранных работников из Индии от практически нулевых значений, как у Рязанской области, до 15,0 %.

Продолжая рассматривать приближенные к столице регионы, стоит отметить, что также **в Тульской области и Владимирской области** востребованы работники из Вьетнама, как и в двух вышеназванных. В Тульской и Владимирской областях их доля практически статична и находится приблизительно в значении 88,0 %. У Тульской области и Владимирской области китайские работники присутствуют в большей степени, чем в Московской и Рязанской областях, и даже их количество выросло с 2018 года по настоящий момент.

Вышесказанное подчеркивает сформированную специфику привлечения иностранных работников из стран с визовым режимом въезда в Россию. География и налаженные культурно-духовные связи определяют специфику трудовой миграции. Это ярко проявляется для регионов, расположенных на границе с Китаем.

Географическая составляющая также значима для регионов Центральной России, где приближенность к столице является привлекательным для трудовых ресурсов. В топ-10 регионов, со значительной потребностью в привлечении иностранных работников, входят регионы Уральского и Сибирского федеральных округов, которые отличаются развитым промышленным потенциалом. Свердловскую, Новосибирскую и Омскую области можно отнести к индустриально развитым регионам, чья специфика связана с обрабатывающими производствами: металлургия, металлообработка, машиностроение и приборостроение – и другими. Учитывая ограничения по трудоустройству иностранных работников на промышленных предприятиях, отдающих предпочтение российским гражданам, для трудовых мигрантов доступной оказывается сфера торговли и предоставления услуг. Стабильно развивающаяся экономика в данных регионах создает благоприятные предпосылки для расширения рабочих вакансий в сфере услуг, которые могут быть заняты трудовыми мигрантами.

Проведенный авторами анализ позволяет выявить точки роста и наметить дальнейшие перспективы развития взаимодействия бизнеса и власти в вопросах трудовой миграции.

1) В нынешней геополитической ситуации возрастает роль государства как надежного посредника по привлечению трудовых мигрантов. Поясним свою мысль. Существующий механизм привлечения иностранных граждан из «визовых» стран может быть применен к категории хозяйствующих субъектов, которые имеют установленный контакт с представителями зарубежных стран (поставщиками) иностранной рабочей силы либо если учредитель организации является иностранным гражданином и релоцирует своих сотрудников. Если работодатель, ощутивший внезапный кадровый дефицит, и планирует трудоустроить иностранные кадры в моменте, то один из наиболее серьезных вопросов – подбор персонала в части первичного взаимодействия с зарубежными странами. В странах ближнего зарубежья поиск персонала немного попроще: остались культурные связи в виде «сарафанного радио» и нет языкового барьера с представителями данных стран. Со странами Азии ситуация иная: нет механизмов подбора персонала – службы занятости, интернет-ресурсов. Работодатель может столкнуться с мошенниками, предлагающими услуги по подбору, которые впоследствии не окажут услуги. Взаимодействие бизнеса с органами государственной власти через официальные установленные дипломатические контакты позволяет минимизировать риски, связанные с привлечением иностранных работников. Важная роль отводится и межведомственному взаимодействию органов государственной власти – ответственных за регулирование рынка труда и контакты с зарубежными странами.

2) Региональными органами власти, в чьи полномочия входит регулирование рынка труда, апробирован алгоритм подбора персонала, которым могут воспользоваться бизнес-структуры. На первом этапе формируется актуальная потребность работодателей в иностранных работниках, потенциально заинтересованных в привлечении иностранных работников, но не имеющих представление о методах подбора персонала за рубежом. Следующий этап – данная потребность согла-

совыивается с исполнительным органом государственной власти, ответственным за международные и внешнеэкономические связи. Третий этап – при зарубежных визитах областных делегаций и иных контактах устанавливаются связи с местными органами власти, отвечающими за регулирование рынка труда. В последующем работодатели могут уже после установленных связей подбирать работников с помощью данного механизма.

3) Следующая точка роста – развитие института организованного набора иностранных работников. Данный механизм не новый для российской истории развития рынка труда: он был апробирован в советский период за счет внутреннего перераспределения трудовых ресурсов под мегапроекты/мегастройки. В настоящее время механизм привлечения иностранных работников через организованный набор предусмотрен для граждан из Узбекистана и Таджикистана. Органами власти детально проработан алгоритм взаимодействия с потенциальным работодателем: организации необходимо подать соответствующую заявку на портале «Работа в России» и быть готовым к обеспечению прибывающим иностранным работникам жилья, необходимых санитарно-гигиенических условий, медицинскому дополнительному страхованию и оплаты заработной платы в размере, превышающем минимальный размер оплаты труда. В то же время работодатели отмечают, что на практике реализация этого алгоритма может сопровождаться следующими проблемными моментами: каковы гарантии прибытия специалистов, обладающих необходимой квалификацией; также не ясен механизм обратной связи работодателей с Узбекистаном и Таджикистаном. Авторы данного исследования считают, что необходимо развивать потенциал механизма организованного набора для регионов с острым дефицитом кадров. Одной из точек роста является транслирование данного механизма на страны Юго-Восточной Азии.

4) Важной точкой роста является повышение информационной представленности потребностей российского рынка труда в сети Интернет для зарубежной аудитории. В нынешней ситуации ограничений по присутствию российских официальных источников на развитых международных площадках поиска работы необходим портал, где можно будет

размещать актуальную информацию. Необходимы интернет-ресурсы, где иностранная аудитория сможет ознакомиться с регионом и конкретными предложениями от работодателей в доступной для потенциальных работников форме (достаточным будет использование преимущественно английского языка, широко распространенного среди населения в странах Юго-Восточной Азии). Потребуется решение вопросов о каналах распространения информации с помощью налаженных взаимосвязей российской стороны и зарубежных стран-поставщиков рабочей силы.

Выделенные авторами точки роста во взаимодействии бизнеса и государства потребуют также и координации работы различных органов государственной власти, задействованных в решении вопросов трудовой миграции (Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, Министерство внутренних дел Российской Федерации, Федеральное агентство по делам национальностей, а также исполнительные органы власти субъектов Российской Федерации). Такая схема потенциально сможет решить проблему института посредничества и наладить контроль процесса привлечения иностранных работников: от потребности до приема на работу.

В данной научной статье проанализирована процедура определения потребности в привлечении иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы. Также рассмотрено изменение по годам сфер применения труда данной категории иностранных граждан и стран гражданской принадлежности. Выделены субъекты Российской Федерации с наибольшей потребностью в иностранных рабочих, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы. Очевидна тенденция роста потребности работодателей на мигрантов из стран Юго-Восточной Азии, которые ранее не были востребованы.

Существующий механизм привлечения иностранных работников через получение квот актуален только тем работодателям, которые имеют уже налаженные связи со странами-поставщиками иностранной рабочей силы. В настоящее время в связи с существующим дефицитом кадров в Российской Федерации, когда безработица фиксируется на историческом минимуме, привлечение иностранных работников актуально для работодателей,

ранее не использовавших данный механизм. Если получение квоты – урегулированный механизм, то поиск работников в стране исхода несет свои риски, например, недобросовестные посредники получают оплату за услуги, но не привезут нужных работников.

Для решения данной проблемы в статье предлагаются возможные механизмы взаи-

модействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации, оцениваются перспективы расширения стран, которые могут стать потенциально участниками организованного набора, а также предлагается решение проблемы информационной представленности для зарубежных стран российского рынка труда. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сулова А. В., Брюханов Д. В. Международная миграция трудовых ресурсов: будущие центры притяжения рабочей силы // Региональная и отраслевая экономика. 2023. № 1. С. 52-57. DOI: [10.47576/2949-1916_2023_1_52](https://doi.org/10.47576/2949-1916_2023_1_52). EDN: OXXUMU.

2. Essa, S., Kaplan, J., & Huang, S. et al (2024). Pre-migration and Post-migration Protective Factors in Refugee Resettlement—a Qualitative Study. *Int. Migration & Integration*, 25, 465–481. <https://doi.org/10.1007/s12134-023-01086-w>.

3. Kaur, A., & Kaur, P. (2024). Rethinking International Migration in Punjab: A Push–Pull–Mooring Framework. *Int. Migration & Integration*, 25, 331–358. <https://doi.org/10.1007/s12134-023-01077-x>.

4. Maggio, F., & Caporali, C. (2024). The impact of police violence on migration: evidence from Venezuela. *Journal of Population Economics*, 37(1), 1-27. <https://doi.org/10.1007/s00148-024-00997-x>.

5. Guo, R., Zhang, J., & Zhou, M. (2024). The demography of the great migration in China. *Journal of Development Economics*, 167, 103235. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2023.103235>.

6. Ионцев В. А. Международная трудовая миграция в условиях «комфортного» рынка труда в России // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2023. № 2. С. 90-96. DOI: [10.24412/1994-3776-2023-2-90-96](https://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-2-90-96). EDN: AXNOWY.

7. Моисеев А. В., Гусаков И. М. Современная трудовая миграция. Монография. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2023. 96 с. EDN: ACRRGX.

8. Ноева Е. Е., Ноев Е. П. Влияние международной трудовой миграции на российский рынок труда // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 11-4(74). С. 237-240. DOI: [10.24412/2500-1000-2022-11-4-237-240](https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-11-4-237-240). EDN: NIJYAR.

9. Алехин Б. И. Российская межрегиональная трудовая миграция как фактор динамики

экономики её субъектов: опыт эконометрического объяснения // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2023. № 63. С. 234-255. DOI: [10.17223/19988648/63/14](https://doi.org/10.17223/19988648/63/14). EDN: BHTHFG.

10. Malik, A., & Manroop, L. (2017). Recent immigrant newcomers' socialization in the workplace: Roles of organizational socialization tactics and newcomer strategies. *Equality, Diversity and Inclusion*, 36(5), 382–400. <https://doi.org/10.1108/EDI-11-2016-0083>.

11. Andrijasevic, R., Rhodes, C., & Yu, K. H. (2019). Foreign workers: On the other side of gendered, racial, political and ethical borders. *Organization*, 26(3), 313–320. <https://doi.org/10.1177/1350508419828583>.

12. Omanović, V., & Langley, A. (2023). Assimilation, Integration or Inclusion? A Dialectical Perspective on the Organizational Socialization of Migrants. *Journal of Management Inquiry*, 32(1), 76-97. <https://doi.org/10.1177/10564926211063777>.

13. Зуева А. И. Совершенствование российской миграционной политики на основе ключевых положений современных теорий международной трудовой миграции // Вестник МИРБИС. 2022. № 4(32). С. 66-78. DOI: [10.25634/MIRBIS.2022.4.8](https://doi.org/10.25634/MIRBIS.2022.4.8). EDN: XNDMGV.

14. Чевтаева Н. Г., Егунов Э. В. Маятниковая миграция в жизнедеятельности населения пригородов // Институты развития демографической системы общества: Сборник материалов V Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург, Институт экономики Уральского отделения РАН, 2014. С. 184-187. EDN: PQWNBR.

15. Соколова А. А. Масштабы маятниковой трудовой миграции в регионах России // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27. № 4. С. 52-70. DOI: [10.15838/ptd.2023.4.126.4](https://doi.org/10.15838/ptd.2023.4.126.4). EDN: PIAZRV.

16. Комаровский В. В. Динамика безвизовой трудовой миграции в период пандемии 2019-2021 гг. // Социально-трудовые исследования. 2022. № 1(46). С. 90-102. DOI: [10.34022/2658-3712-2022-46-1-90-102](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-46-1-90-102). EDN: UFRVFR.

17. Шичкин И. А. Тенденции и детерминанты трудовой миграции в России в условиях дефицита достойного труда // Экономическое развитие России. 2023. Т. 30. № 12. С. 177-183. EDN: DYQJZS.

18. Хитева А. С. Филиппинская трудовая миграция: потенциальный фактор развития российско-филиппинских отношений // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Т. 5, № 4(61). С. 166-177. DOI: [10.31696/2072-8271-2023-5-4-61-166-177](https://doi.org/10.31696/2072-8271-2023-5-4-61-166-177). EDN: AVXDYK.

19. Pardede, E. L., & Venhorst, V. A. (2024). Does Ethnicity Affect Ever Migrating and the Number of Migrations? The Case of Indonesia. *Eur J Population*, 40(6). <https://doi.org/10.1007/s10680-023-09694-z>.

20. Hossain, M., Mullally, C., & Onel, G. (2024). Migration and economic activity at origin: the role of female household headship in rural Bangladesh. *Empir Econ*, 66, 1757–1818. <https://doi.org/10.1007/s00181-023-02500-z>.

21. Махмадбекзода М. Ш., Алимов А. Л. Тенденции развития трудовой миграции из Республики Таджикистан и проблемы возвращающихся трудовых мигрантов // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2022. № 1(90). С. 41-52. DOI: [10.24412/2411-1945-2022-1-41-52](https://doi.org/10.24412/2411-1945-2022-1-41-52). EDN: UDLGSY.

22. Югай Ю. В. Трудовая миграция из стран Центральной Азии в Россию // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5, № 2. С. 206-219. EDN: AWMDSN.

23. Деловарова Л. Ф. Храмова М. Н., Махмадбекзода М. Ш. XIV Международный форум «Миграционные мосты в Евразии: Социально-экономические эффекты миграции в постковидном мире» в МГИМО МИД Рос-

сии // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 1. С. 117-123. DOI: [10.19181/demis.2023.3.1.10](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.1.10). EDN: TILEQY.

24. Рязанцев С. В., Храмова М. Н. VIII Международный конгресс исследований Америки «200-летие Латинской Америки – глобализация, политические и социальные процессы во время пандемии» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 1. С. 207-216. DOI: [10.22363/2313-2272-2023-23-1-207-216](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-1-207-216). EDN: JTOVDE.

25. Волох В. А. Политико-правовые формы управления трудовой миграцией в Российской Федерации. Монография. Москва: Издательский дом «ИМЦ». 2022. 240 с. EDN: KWNZDY.

26. Нуралиев Н. А. Международный опыт государственного регулирования трудовой миграции // Вестник Международного Университета Кыргызстана. 2022. № 4(48). С. 28-40. DOI: [10.53473/16946324_2022_4_28](https://doi.org/10.53473/16946324_2022_4_28). EDN: SRZJED.

27. Корсаков К. В., Серова А. В. Национальная политика России по регулированию отношений в сфере внешней трудовой миграции // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 2. С. 106-126. DOI: [10.17506/18179568_2023_20_2_106](https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_106). EDN: CIAMFZ.

28. Chevtaeva, N., Kachanova, E., Ruchkin, A., & Kukhar, V. (2021). Improving communication between citizens and authorities in the process of providing municipal services in urban and rural areas. In *E3S Web of Conferences* (p. 10026). EDP Sciences. DOI: [10.1051/e3sconf/202125410026](https://doi.org/10.1051/e3sconf/202125410026). EDN: KLIZIH.

29. Дутов П. О. О некоторых вопросах реализации полномочий органов публичной власти по регулированию внешней трудовой миграции (на примере Москвы) // Государственная служба и кадры. 2023. № 2. С. 80-84. DOI: [10.56539/23120444_2023_2_80](https://doi.org/10.56539/23120444_2023_2_80). EDN: PQPZVX.

30. Мукомель В. И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и экономика. 2017. № 6. С. 69-79. DOI: [10.21686/2500-3925-2017-6-69-79](https://doi.org/10.21686/2500-3925-2017-6-69-79). EDN: YMWJPM.

REFERENCES

1. Suslova, A. V., & Bryukhanov, D. V. (2023). International labor migration: future centers of gravity for the labor force. *Regional and branch economy*, 1, 52-57. https://doi.org/10.47576/2949-1916_2023_1_52.

2. Essa, S., Kaplan, J., & Huang, S. et al (2024). Pre-migration and Post-migration Protective Factors in Refugee Resettlement—a Qualitative Study. *Int. Migration & Integration*, 25, 465–481. <https://doi.org/10.1007/s12134-023-01086-w>.

3. Kaur, A., & Kaur, P. (2024). Rethinking International Migration in Punjab: A Push–Pull–Mooring Framework. *Int. Migration & Integration*, 25, 331–358. <https://doi.org/10.1007/s12134-023-01077-x>.
4. Maggio, F., & Caporali, C. (2024). The impact of police violence on migration: evidence from Venezuela. *Journal of Population Economics*, 37(1), 1–27. <https://doi.org/10.1007/s00148-024-00997-x>.
5. Guo, R., Zhang, J., & Zhou, M. (2024). The demography of the great migration in China. *Journal of Development Economics*, 167, 103235. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2023.103235>.
6. Iontsev, V. A. (2023). International labor migration in a «comfortable» labor market in Russia. *Russian scientific journal «Telescope: journal of sociological and marketing research»*, 2, 90–96. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-2-90-96>. <https://elibrary.ru/AXNOWY>.
7. Moiseev, A. V., & Gusakov, I. M. (2023). Modern labor migration. *Rusains Limited Liability Company*, 96 p. <https://elibrary.ru/ACRRGX>.
8. Noeva E. E., & Noev E. P. (2022). Impact of international labor migration on the Russian labor market. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 11-4(74), 237–240. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-11-4-237-240>. <https://elibrary.ru/NIJYAR>.
9. Alyokhin, B. I. (2023). Interregional labor migration as a factor of economic dynamics of the Russian regions: An econometric explanation. *Bulletin of Tomsk State University. Economy*, 63, 234–255. <https://doi.org/10.17223/19988648/63/14>. <https://elibrary.ru/BHTHFG>.
10. Malik, A., & Manroop, L. (2017). Recent immigrant newcomers' socialization in the workplace: Roles of organizational socialization tactics and newcomer strategies. *Equality, Diversity and Inclusion*, 36(5), 382–400. <https://doi.org/10.1108/EDI-11-2016-0083>.
11. Andrijasevic, R., Rhodes, C., & Yu, K.-H. (2019). Foreign workers: On the other side of gendered, racial, political and ethical borders. *Organization*, 26(3), 313–320. <https://doi.org/10.1177/1350508419828583>.
12. Omanović, V., & Langley, A. (2023). Assimilation, Integration or Inclusion? A Dialectical Perspective on the Organizational Socialization of Migrants. *Journal of Management Inquiry*, 32(1), 76–97. <https://doi.org/10.1177/10564926211063777>.
13. Zueva, A. I. (2022). Improving the russian migration policy based on the key provisions of modern theories of international labor migration. *Vestnik MIRBIS*, 4(32), 66–78. <https://doi.org/10.25634/MIRBIS.2022.4.8>. <https://elibrary.ru/XNDMGV>.
14. Chevtaeva, N. G., & Egunov, E. V. (2014). Pendulum migration in the life of the suburban population. In *Institutes of development of the demographic system of society* (pp. 184–187). Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. <https://elibrary.ru/PQWNBR>.
15. Sokolova, A. A. (2023). Scale of commuting in russian regions. *Problems of Territory's development*, 27(4), 52–70. <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.4.126.4>. <https://elibrary.ru/PIAZRV>.
16. Komarovskiy, V. V. (2022). Dynamics of visa-free labor migration during the pandemic in 2019–2021. *Social & labour research*, 1(46), 90–102. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-46-1-90-102>. <https://elibrary.ru/UFRVFR>.
17. Shichkin, I. A. (2023). Trends and determinants of labor migration in Russia in the context of decent labor shortages. *Economic development of Russia*, 12, 177–183. <https://elibrary.ru/DYQJZS>.
18. Hiteva, A. S. (2023). The philippine labor migration: a potential role for the development of russian-philippine relations. *South-East Asia: actual problems of development*, 4(61), 166–177. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2023-5-4-61-166-177>. <https://elibrary.ru/AVXDYK>.
19. Pardede, E.L., & Venhorst, V. A. (2024). Does Ethnicity Affect Ever Migrating and the Number of Migrations? The Case of Indonesia. *Eur J Population*, 40(6). <https://doi.org/10.1007/s10680-023-09694-z>.
20. Hossain, M., Mullally, C., & Onel, G. (2024). Migration and economic activity at origin: the role of female household headship in rural Bangladesh. *Empir Econ*, 66, 1757–1818. <https://doi.org/10.1007/s00181-023-02500-z>.
21. Mahmadbekzoda, M. Sh., & Olimov, A. L. (2022). Trends in the development of labor migration from the Republic of Tajikistan and problems of returning migrants. *Bulletin of TSU LBP. Series of Social Sciences*, 1(90), 41–52. <https://doi.org/10.24412/2411-1945-2022-1-41-52>. <https://elibrary.ru/UDLGSY>.
22. Yugai, Yu. V. (2022). Labor migration from Central Asian countries to Russia. *Post-Soviet Studies*, 5(2), 206–219. <https://elibrary.ru/AW-MDSN>.
23. Delovarova, L. F., Khramova, M. N., & Mahmadbekzoda, M. Sh. (2023). XIV International Forum «Migration bridges in Eurasia: Social

and economic effects of migration in the post-covid world» at MGIMO University. *DEMIS. Demographic Research*, 3(1), 117-123. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.1.10>. <https://elibrary.ru/TILEQY>.

24. Ryazantsev, S. V., & Khramova, M. N. (2023). VIII International American Studies Congress «200th Anniversary of Latin America - globalization, political and social processes during the pandemic». *RUDN Journal of Sociology*, 23, 207-216. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-1-207-216>. <https://elibrary.ru/JTOVDE>.

25. Volokh, V. A. (2022). Political and legal forms of labor migration management in the Russian Federation. *Publishing house «IMC»*, 240 p. <https://elibrary.ru/KWNZDY>.

26. Nuraliev, N. A. (2022). The International experience of state regulation of labor migration. *Bulletin of the International University of Kyrgyzstan*, 4(48), 28-40. https://doi.org/10.53473/16946324_2022_4_28. <https://elibrary.ru/SRZJED>.

27. Korsakov, K. V., & Serova, A. V. (2023). Russia's national policy on regulating rela-

tions in the field of external labor migration. *Discourse-P*, 2, 106-126. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_106. <https://elibrary.ru/CIAMFZ>.

28. Chevtaeva, N., Kachanova, E., Ruchkin, A., & Kukhar, V. (2021). Improving communication between citizens and authorities in the process of providing municipal services in urban and rural areas. In *E3S Web of Conferences* (p. 10026). EDP Sciences. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202125410026>. <https://elibrary.ru/KLIZIH>.

29. Dutov, P. O. (2023). On some issues of the implementation of the powers of public authorities to regulate external labor migration (on the example of Moscow). *Gosudarstvennaja sluzhba i kadry*, 2, 80-84. https://doi.org/10.56539/2312044_4_2023_2_80. <https://elibrary.ru/PQPZVX>.

31. Mukomel, V. I. (2017). Migrants at the Russian labor market: occupations, mobility, intensity of labor and wages. *Statistics and Economic*, 6, 69-76. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2017-6-69-79>. <https://elibrary.ru/YMWJPM>.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В РОССИЙСКОЕ СООБЩЕСТВО

И. Б. Бритвина^а, П. А. Шумилова^а

^а Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. Проблемы сокращения и старения населения России, развивающийся дефицит на рынке труда обуславливают острую необходимость в миграционном притоке в страну трудоспособных людей. Ввиду того, что большая часть трудовых мигрантов — это инокультурные приезжие из стран Центральной Азии, острота проблемы культурной интеграции требует решений, связанных с управлением социальными процессами.

Материалы и методы. Были проведены опросы в г. Екатеринбурге среди горожан в 2016 г. (N = 485), в 2019 г. (N = 222) и в 2024 г. (N = 1400) методом анкетирования. В 2018 г. мнение горожан было изучено методом глубинного интервью (N = 33). Среди иноэтничных мигрантов проводилось анкетирование в 2017 г. (N = 231) и в 2019 г. (N = 222), а также в 2017 г. были проанализированы тексты интервью (N = 16).

В качестве методологической базы выбрана теория конфликта, обозначающая в исследовании рост или снижение конфликтного потенциала между принимающим сообществом и мигрантами из стран Центральной Азии. Для исследования культурной идентичности принято положение о том, что она является частью социальной идентичности, имеющей конструктивистскую природу, а также применены концепции множественности, многокомпонентности и многоуровневости социокультурной идентичности.

Результаты. Исследования показали наличие установок на взаимную интеграцию принимающего сообщества с приезжими из Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и Киргизии, которые на сегодняшний момент имеют наиболее подходящие условия для своей реализации, что необходимо использовать с точки зрения социального управления.

Обсуждение. Исследование потенциала принимающего сообщества в содействии интеграции иноэтничных мигрантов в российское общество сегодня является крайне важным. Анализ специфики установок на принятие иноэтничных мигрантов из стран Центральной Азии россиянами, а также установки приезжих на формирование новой непротиворечивой мигрантской идентичности позволил получить обоснованное представление о влиянии отношения принимающего сообщества на качественное включение в общество приема. Кроме того, была выявлена динамика в развитии положительного отношения к иноэтничным мигрантам, что дает основания полагать: сегодня наиболее благоприятное время для развития культурных компетенций у принимающего сообщества, способствующих культурной интеграции приезжих и повышению миграционной привлекательности России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мигранты, Центральная Азия, культурная интеграция, социальное управление, опрос, Екатеринбург

© И. Б. Бритвина, П. А. Шумилова, 2024

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бритвина И. Б., Шумилова П. А. Социальное управление в сфере культурной интеграции мигрантов из стран Центральной Азии в российское сообщество // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 5. С 88-101. EDN: TLDRGK. DOI: 10.22394/2304-3369-2024-5-88-101.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Бритвина Ирина Борисовна — доктор социологических наук, доцент; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19) — профессор кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга; irina.britvina@urfu.ru. SPIN-код: 8650-6509, ORCID: 0000-0003-2862-4408, Scopus: 56766050400, Researcher ID: N-9616-2013

Шумилова Полина Андреевна — ассистент; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19) — ассистент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга; polina.shumilova@urfu.ru. SPIN-код: 3318-1661, ORCID: 0000-0001-8899-8546, Scopus: 57199864077, Researcher: Q-1831-2016

Статья поступила 11.03.2024; рецензия получена 23.04.2024; принята к публикации 15.07.2024.

SOCIAL MANAGEMENT OF CULTURAL INTEGRATION OF MIGRANTS FROM CENTRAL ASIAN COUNTRIES INTO THE RUSSIAN COMMUNITY

I. B. Britvina^a, P. A. Shumilova^a

^aUral Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. The problems of the reduction and aging of the Russian population, the developing shortage in the labor market cause an urgent need for a migration influx of able-bodied people into the country. Due to the fact that most of the labor migrants are foreign cultural visitors from Central Asian countries, the severity of the problem of cultural integration requires solutions related to the management of social processes.

Materials and methods. Surveys were conducted in Yekaterinburg among citizens in 2016 (N = 485), in 2019 (N = 222) and in 2024 (N = 1400) using the questionnaire method. In 2018, the opinion of the townspeople was studied by in-depth interview (N = 33). Surveys were conducted among non-ethnic migrants in 2017 (N = 231) and in 2019 (N = 222), and data on their interviewing in 2017 (N = 16) were collected. Conflict theory was chosen as a methodological basis, highlighting the growth or decrease of conflict potential between the host community and migrants from Central Asian countries in the study. For the study of cultural identity, the position was approved that it is part of a social identity having a constructivist nature, as well as the concepts of multiplicity, multi - part and multilevel socio-cultural identity were applied.

Results. Studies have shown the presence of attitudes towards mutual integration of the host community to visitors from Kazakhstan, Tajikistan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, who currently have the most suitable conditions for their implementation, which must be used from the point of view of social management.

Discussion. The study of the potential of the host community in facilitating the integration migrants with different ethnicity into the Russian community is extremely important today. Consideration of the specifics of attitudes towards the acceptance of non-ethnic migrants from Central Asian countries by Russians, as well as the attitudes of newcomers towards the formation of a new consistent migrant identity, allowed us to obtain a reasonable idea of the impact of the attitude of the host community on qualitative inclusion in the reception society. In addition, the dynamics in the development of a positive attitude towards non-resident migrants was revealed, which gives reason to believe that today is the most favorable time for the development of cultural competencies in the host community, contributing to the cultural integration of newcomers and increasing the migration attractiveness of Russia.

KEYWORDS: migrants, Central Asia, cultural integration, social management, survey, Ekaterinburg

FOR CITATION: Britvina, I. B., Shumilova, P. A. (2024). Social management of cultural integration of migrants from Central Asian countries into the Russian community. *Management Issues*, 18(5), 81–101. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-5-88-101>.

AUTHORS' INFORMATION:

Irina B. Britvina — Doctor of Sociology, Associate Professor; Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (19, Mira st., Yekaterinburg, 620002, Russia) — *professor of the Department of Integrated Marketing Communications and Branding*; irina.britvina@urfu.ru. SPIN: 8650-6509, ORCID: 0000-0003-2862-4408, Scopus: 56766050400, Researcher: N-9616-2013.

Polina A. Shumilova — Assistant; Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (19, Mira st., Yekaterinburg, 620002, Russia) — *assistant of the Department of Integrated Marketing Communications and Branding*; polina.shumilova@urfu.ru. SPIN: 3318-1661, ORCID: 0000-0001-8899-8546, Scopus: 57199864077, Researcher: Q-1831-2016.

The article was submitted 11/03/2024; reviewed 23/04/2024; accepted for publication 15/07/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

Демографическая ситуация в России привлекает внимание исследователей и специалистов вызовами, с которыми необходимо справиться совместными усилиями. Прогноз Росстата сообщает о снижении общего количества населения страны к 2046 г. с 146,45 млн человек (на 1.01.2023) до 138,77 млн человек. При этом процент пожилого населения вырастет с 23,6 % в 2024 г. до 26,9 % в 2046 г. (по среднему прогнозу от общего количества населения), в то время как процент молодого населения сократится с 18,4 % до 15,6 %. Коэффициент рождаемости к 2046 г. поднимется до 1,663 (с 1,4 в 2023 г.), однако не достигнет необходимых значений в 2,1 для воспроизводства населения.

Общая картина показывает ситуацию демографического кризиса, который требует серьезных мер для его преодоления. Опираясь на внешнюю миграцию как на инструмент возмещения снижения трудоспособного населения, можно сказать, что это жизненно необходимый компонент для нашего общества, показавший по данным Росстата в 2023 г. долю компенсации

естественной убыли населения в 46,2 %. Это достаточно высокий показатель с точки зрения количества приезжих, пытающихся встроиться в структуру российского социума, поскольку практически весь объем составляют иноэтничные мигранты, характеризующиеся высокой культурной разницей с принимающим сообществом. Кроме того, на рынке труда растут показатели нехватки рабочей силы во многих отраслях производства. В топе «кадрового голода» такие направления, как сервис, производство и продажи, рабочий и обслуживающий персонал, строительство и транспорт¹. Это те сферы, где много лет подряд трудовую нишу занимают приезжие из Таджикистана, Узбекистана и Киргизии. При этом важно учитывать, что миграционный поток гастарбайтеров из стран Центральной Азии динамично меняется, откликаясь на такие факторы, как укрепление или ослабление рубля; правовые изменения и акции, ужесточающие миграцию; массовые депортации; экономический спад. Сравнивая данные за последние годы, можно увидеть, как миграционный прирост менялся с отрицательной величины до положительной.

Таблица 1 – Показатели международной миграции (чел.)
Table 1 – Indicators of international migration (people)

Страна	Первое полугодие 2023 года			Первое полугодие 2022 года		
	приехало	уехало	миграц. прирост	приехало	уехало	миграц. прирост
Киргизия	28690	20473	+8217	28424	43626	-15202

¹ Сервис открытой аналитики рынка труда Head Hunter. URL: <https://stats.hh.ru/?ysclid=lt4p4ciq4v677294592>.

Продолжение Таблицы 1

Таджикистан	88089	40303	+47786	84107	58425	+25682
Узбекистан	20961	18806	+2155	25598	38619	-13021

В связи со спецификой миграционных отношений с перечисленными странами, определяемой близостью территорий, открытостью границ, лояльным правовым законодательством и международными финансовыми инструментами, миграционный приток может превращаться в отток.

Кроме того, миграционный состав также подвержен изменениям, влияющим на социальные процессы взаимодействия принимающей российской стороны и приезжих. Так, на сегодняшний день доля таджиков составляет самую большую часть, превосходя киргизов более чем в 6 раз, а узбеков в 24 раза среди приезжих из стран Центральной Азии. Это создает дополнительную нагрузку на процессы социокультурного взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества, поскольку таджики наиболее культурно далеки от россиян [1]. С другой стороны, нужно учитывать, что за трудовых мигрантов из Центральной Азии среди российских работодателей развивается острая конкуренция, поскольку снижение рождаемости – это реальность большинства стран мира (кроме Индии и стран Африки)². В поисках заработка граждане трудоспособного населения стран Центральной Азии могут менять миграционную стратегию, направляясь в такие страны, как Казахстан или Южная Корея, что, например, массово делали выходцы из Узбекистана в проблемный 2021 г.³

Изменения в структуре миграционного потока из стран Центральной Азии в Россию стали наблюдаться с 2015 г., когда в силу вступили новая система миграционного учета и нормы ответственности за нарушение миграционного законодательства, а также изменилась экономическая ситуация. До 2013 г. основную массу миграционного прироста составляли выходцы из Узбекистана, превышая по численности количество приезжих из

Таджикистана и Киргизии в 3 раза. Однако уже в 2015 г. миграционный прирост из Узбекистана показал отрицательные величины (-20 тыс. чел.). С тех пор объем мигрантов из этой страны не вернулся на предыдущие показатели, хотя постковидный 2021 г. показал внушительное увеличение их прироста наравне с кыргызами (40 тыс. чел.). При этом объем мигрантов из Таджикистана постоянно увеличивался и достиг пика к 2021 г. (цифры прироста продемонстрировали беспрецедентный показатель 100 тыс. чел.)⁴.

Данный тренд в структуре миграционного потока (существенное доминирование количества этнических таджиков) сохраняется и сегодня с тенденцией к его общему снижению, что объясняется экономическими и социальными трансформациями. К 2024 г. в Узбекистане уровень безработицы снизился до 8,1 % (9,6 % в 2021 г.) за счет увеличения финансовых потоков из России, а также на основе формирования системы параллельного импорта и роста сферы услуг. Эти факторы отсутствуют в Таджикистане, который является наименее благополучной из всех стран Центральной Азии. Существенную долю бюджета страны (до 40 %) по-прежнему составляют переводы трудовых мигрантов из России, при том что уровень безработицы в Таджикистане меньше, чем в Узбекистане, и составляет 7,8 %. Сравнивая по количеству население Таджикистана (10 380 000 чел.) и Узбекистана (36 599 800 чел.), а также по возрастному составу (почти 70 % молодежи в обеих странах), можно было бы предположить, что Узбекистан готов к большей миграционной отдаче. Однако показатели постковидного года и современной ситуации позволяют сделать вывод о том, что общая экономическая и социальная активность оказывают значительное влияние на миграционное поведение жителей стран Центральной Азии.

² World Population Prospects 2022: Summary of Results. Publisher: United Nations, July 2022. ISBN: 978-92-1-148373-4. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf.

³ Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан: Демографическая ситуация в Республике Узбекистан. URL: https://stat.uz/images/uploads/demografiya-rus08_02_2023.pdf.

⁴ Щербакова Е. М. Миграция в России по итогам первого полугодия 2023 года // Демоскоп Weekly. № 1003–1004 (17–30 окт. 2023 г.). ISSN 1726-2891. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2023/01003/barom02.php>.

Очевидно, что на данном этапе развития нашего общества поддержание миграционного прироста на уровне высоких положительных значений – это необходимая комплексная задача, решаемая не только в правовом и экономическом поле, но и в социальном. Серьезным фактором миграционной привлекательности территорий является доступная социальная и культурная адаптация, комфортное взаимодействие с местными жителями, обеспечивающие не только решение задач, с которыми мигрант приехал в страну, но и физическую, социальную, правовую и психологическую безопасность обеих сторон.

Культурная идентичность является ключевым понятием при изучении процесса культурной адаптации и интеграции мигрантов из стран Центральной Азии в России. Она отражает уникальные культурные особенности, ценности, традиции и обычаи, которые определяют личность и принадлежность к определенной группе.

Для приезжих из стран Центральной Азии культурная идентичность может быть связана с их национальной принадлежностью, языком, религией, традициями питания, ритуалами и другими аспектами культуры. Культурная идентичность является важным элементом самосознания и самоопределения мигрантов, а также формирует основу для сохранения и передачи своей культуры следующим поколениям. Однако процесс культурной интеграции предполагает взаимодействие и включение мигрантов в новую культурную среду. Интеграция подразумевает не только освоение языка и адаптацию к новым условиям жизни, но и взаимодействие с местным населением, участие в общественной жизни и принятие элементов российской культуры. В процессе интеграции мигранты могут изменять свою культурную идентичность, одновременно включая в нее элементы новой культуры и сохраняя свои национальные особенности.

Культурная интеграция мигрантов из стран Центральной Азии в России может происходить по разным направлениям. С одной

стороны, мигранты могут оставлять свою культурную идентичность без изменений и формировать сообщества (анклавы), где сохраняются традиции и ценности их родной страны. С другой стороны, они могут принимать компоненты российской культуры, включая язык, обычаи и традиции, что способствует их успешной социальной интеграции.

Выявление детерминант, определяющих эти процессы, важно для понимания условий культурной интеграции и формирования условий для гармоничного сосуществования различных культурных групп в российском обществе.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В русле заданного Г. Зиммелем понимания конфликта как формы социализации (в частности, культурного взаимодействия и интеграции), социальная идентичность стала одним из важнейших оснований для понимания ее функционирования, которое работает как установление и сохранение границ общностей. Теория социального конфликта как необходимое методологическое основание управления социальными процессами^{5, 6, 7, 8} раскрывается в современных теоретических подходах и практических исследованиях как базовое столкновение групповых идентичностей [2, 3, 4]. Для того, чтобы осознавать свою принадлежность к той или иной общности, индивиды стремятся достичь такого состояния, которое соответствует их так называемой позитивной идентичности через положительные оценки других членов общества. Если человек не достигает позитивной социальной идентичности, у него формируется отрицательная социальная идентичность, то есть несоответствие коллективным ценностям, что со временем маргинализирует его.

Именно потому социальное управление сегодня – это минимизирующее конфликтный потенциал управление социальной идентичностью [5], выражающееся, например, в идее изменения социальной структуры через изменение социальной идентичности [6]. Со-

⁵ Weber M. (2013). *Economy and society*. University of California Press, Berkeley and Los Angeles, California. ISBN: 9780520280021. URL: <https://archive.org/details/MaxWeberEconomyAndSociety>.

⁶ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с. ISBN 5-88373-036-1.

⁷ Козер Л. А. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуал. книги, 2000. 205 с. ISBN 5-7333-0019-1.

⁸ Tajfel H. & Turner J. C. (1979). An Integrative Theory of Intergroup Conflict. In W.G. Austin & S. Worchel (Eds.), *The Social Psychology of Intergroup Relations* (pp. 33–47). URL: https://vk.com/doc59348746_635691245?hash=7jcZyoqyJSp2RQvtDhHpi z104yzO3JkDsANiZ7xAR00.

циальная идентичность рассматривается как комплекс элементов солидаризации, которые являются производными от вовлеченности индивида в социальные группы, основанные на социальных связях, действиях и коллективных представлениях [7], а также как многокомпонентная конструкция [8, 9, 10, 11], состоящая из идентичностей с группами разной степени актуализации. В этой логике необходимо выделить культурную идентичность как отдельную категорию изучения для реализации успешного управления социальными процессами, понимаемую как усвоенный образ жизни, выраженный в повседневных практиках и ожиданиях в отношении социального поведения или способов действия [8].

Конструктивистский подход к явлению культурной идентичности раскрывает ее трансформацию в миграционных процессах через гибридизацию, превращение в совокупность культурных элементов двух (и более) культур [12]. Исследования в этой области показывают положительные эффекты формирования комплексных социальных, в том числе и культурных идентичностей [13, 14, 15, 16].

Культурная идентичность в данном исследовании определяется как один из видов социальной идентичности, а также как структурная составляющая в ее комплексе, занимающая иерархически высокое положение по степени своей значимости. Она определяет принадлежность к культуре как системе организации совместной жизнедеятельности людей в обществе, положение человека в этой структуре, а также характер и конфигурацию социальных связей, коллективные представления и взаимосвязь с социальными институтами, общественными объединениями и в целом с социальной действительностью. От других видов идентичностей культурная идентичность отличается ее глубинностью на уровне каждой личности, специфическим и вариативным способом формирования, способом демонстрации и понимания, проявления на подсознательном и эмоциональном уровнях. Исследование международных миграций требует обязательного изучения культурных оснований в процессе интеграции и идентификации личности в отдельную самостоятельную категорию для анализа.

Разделяя понятия социальная и культурная идентичности, первую можно определить как соотношение личности с социальными объектами, а вторую – как усвоение особенностей

социальных связей и реализацию их через действие и регулярные, повседневные практики.

Формирование новой культурной идентичности в ситуации, когда сталкиваются представители разных культур и требуется наладить совместную жизнедеятельность, является по своей сути развитием гибридной культурной идентичности, к исследованию которой необходимо применять особый подход, отличающийся от исследования монокультурной идентичности.

Прежде всего необходимо понимать, что новая культурная идентичность иноэтничных мигрантов – это образование специфического набора усвоенных наиболее значимых норм и ценностей принимающего сообщества наряду с частичным сохранением норм и ценностей родной культуры. Поэтому одной из форм культурной интеграции является формирование новой культурной идентичности, которая становится непротиворечивым комплексным набором с точки зрения интериоризации воспринимаемых социокультурных элементов нового общества, накладывающихся на национальные особенности иноэтничных мигрантов.

Вторая особенность изучения новой культурной идентичности мигрантов связана с принятием в расчет того обстоятельства, что интеграция – это процесс с двунаправленным движением, участниками которого являются и приезжие, и принимающее сообщество, последнее из которых играет крайне значимую роль. Многие исследования показывают, что существует значительная положительная связь между инклюзивным и хорошим отношением к мигрантам и качеством их включения в принимающее сообщество [17, 18, 19, 20], а дискриминация, основанная на культурных различиях, признается самым важным барьером для интеграции приезжих из других стран [21]. При этом не всякое взаимодействие способствует принятию новой культурной идентичности у мигрантов. Так, например, контакты по трудовой деятельности никак не помогают в этом процессе, если в целом отношение у принимающей стороны негативное (пренебрежение, боязнь, унижение и т. д.). Доброжелательное отношение к мигрантам в этом случае будет способствовать принятию культурной идентичности страны приема, расширяя круг контактов, меняя качество социальных связей, усиливая их.

Наличие установок к определенному отношению у представителей стороны-акцептора, способствующих формированию у мигран-

тов новой культурной идентичности, в наших исследованиях рассматривается, опираясь на положение о существенном влиянии принимающего сообщества и о доминирующем воздействии окружающей социальной среды на систему детерминации человеческой деятельности [22, с. 149]. Принятие новой культурной идентичности у мигрантов определяется условиями, которые существуют в принимающем сообществе для инкорпорации приезжих: помимо социальных институтов, комплиментарного (или, наоборот, дискриминационного) миграционного права, существенную роль играет положительное оценочное отношение местных. Поэтому, рассматривая его с точки зрения потенциала к социальному управлению, необходимо понимать, что изучению подлежат установки к адаптивному взаимодействию, присущие обеим сторонам.

Мы исследовали отношения между представителями указанных выше сообществ через неочевидные, но значимые по своему воздействию на процессы взаимной интеграции категории: способы реализации дружеских связей или интенсивность дружеских взаимоотношений, оцениваемых через проведенное вместе время, и самораскрытие участников коммуникации. Кроме того, анализ взаимодействия общностей с использованием перечисленных элементов взаимной коммуникации показал эффективность применения не лонгитюдных исследований внутри одной общности, а перекрестных способов изучения внешних по отношению друг к другу групп, поскольку исследование подразумевает изучение взаимодействия инокультурных, отличающихся по уровню развития разнородных общностей.

Исходя из этого, авторы статьи с целью изучения проблем взаимной адаптации и интеграции принимающего сообщества и мигрантов из стран Центральной Азии проводили опросы как среди мигрантов из стран Центральной Азии, так и жителей г. Екатеринбурга.

1. Опрос методом стандартизированного интервью мигрантов из стран Центральной Азии (N = 231, 2017 г.). Тип выборочной процедуры: квотная выборка; квотный признак в процессе отбора: пол, возраст, страна выезда, образование (в соответствии с данными миграционного прироста 2017 г. и долей признака в генеральной совокупности 19 %).

2. Опрос методом глубинного интервью трудовых мигрантов из стран Центральной Азии (N = 16, 2017 г.).

3. Опрос методом глубинного интервью жителей Екатеринбурга (N = 33, 2018 г.). Отбор информантов для интервью был основан на применении матрицы, которая включала два критерия: пол и возраст респондентов; отбирались респонденты, которые не избегали прямых вопросов о проблемах взаимодействия с иноэтническими мигрантами из стран Центральной Азии.

4. Анкетный опрос жителей Екатеринбурга (N = 876, 2019 г.). Тип выборочной процедуры: квотная выборка; квотный признак в процессе отбора: половозрастная принадлежность.

5. Онлайн-опрос жителей Екатеринбурга (N = 1400, 2024 г.). Тип выборочной процедуры – квотная выборка, квотный признак в процессе отбора – половозрастная принадлежность и образовательные характеристики респондентов.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Результаты полученных данных позволили выявить два трека в отношении российского принимающего сообщества к мигрантам. Первый – это наличие латентной конфликтности со стороны россиян к приезжим из стран Центральной Азии, имеющей тенденцию к развитию и переходящей к точечным массовым всплескам агрессии [23]. Конфликтный вектор по отношению к мигрантам со стороны россиян оказался претензией не к этническому происхождению мигрантов (и не только к незнанию русского языка), а запросом к приемлемому уровню культурной интеграции с их стороны.

Полученные нами в 2019 г. результаты показали, что самое распространенное требование екатеринбуржцев к мигрантам из стран Центральной Азии – придерживаться устоявшихся в российском обществе правил поведения, зафиксированных на законодательном уровне (67,7 %), что связано с представлениями о криминализированности мигрантов и развитием страха перед ними, то есть является показателем выраженной в некоторой степени ксенофобии по отношению к приезжим. Однако важно уточнить, что понимание криминогенности мигрантов основывается на убеждении, которое часто подтверждается публичной риторикой и состоит в том, что «хорошие» и «плохие» мигранты делятся по основанию легальности и нелегальности своего пребывания в России.

Исключая формальную сторону этого статуса, необходимо отметить, что он имеет

сильную смысловую нагрузку в сознании принимающего сообщества. Статус легального мигранта содержит в себе представление о нем как о честном работнике, туристе, жителе, находящемся и действующем в правовом поле.

Соответственно зеркально отражается в представлении принимающего сообщества и статус нелегального мигранта как максимально склонного к нарушению правовых норм и асоциальному поведению. В действительности же закономерность, связывающая статус легальности и социальное поведение мигранта, отсутствует, что связано с введением патентной системы, из-за которой переход из одного статуса в другой происходит довольно быстро, когда, например, приезжий не успел оформить/продлить разрешающие документы или у него не оказалось денег на это. Но так или иначе в представлении принимающего сообщества метка «нелегальность» оказывает значительное влияние на восприятие и отношение к мигрантам.

Претензия к владению русским языком стоит на втором месте после знания российских законов (63,6 %). Большая часть респондентов недовольна сложностью в общении с мигрантами из стран Центральной Азии, невозможностью полного понимания друг друга и вменяет в обязанность приезжим овладение русским языком на хорошем разговорном уровне. Это очень серьезный фактор, влияющий на длину социальной дистанции. Так, казахи и киргизы в своих странах, изучающие русский как второй язык, отмечаются как самые близкие из народов стран Центральной Азии.

Такое же количество (63,6 %) респондентов отметили третье по популярности требование к мигрантам – это соблюдение российских культурных норм. Основные претензии находились в поле правил публичного поведения: необходимость использования русского языка в общественных местах (29,4 %), «вызывающее» поведение (27,3 %), невозможность организации особых условий для религиозных обрядов (17,3 %).

Опрос 2024 г. показывает изменение соотношения требований принимающего сообщества к иноэтничным мигрантам. На первое место вышел запрос на соблюдение российских культурных норм (93,9 %), обогнав «следование государственным законам» (88,6 %) и знание русского языка (75,6 %). Примечательно, что такая картина складывается на фоне увеличения процента «знакомства» с ми-

грантами. Так, в 2019 г. регулярные контакты с приезжими из стран Центральной Азии отмечали около трети респондентов (30,9 %), а в 2024 г. – 58 %. Это говорит о том, что настроения страха и опасности, основанные на чувстве, источником которого является элемент ксенофобии, сменяются осознанием реальной культурной разницы.

Среди опрошенных в 2024 г. у достаточно большого количества (46,2 %) можно зафиксировать понимание того, что если мигрант долго проживает в стране приема, соблюдает вышеперечисленные требования, то его восприятие меняется на более комплиментарное, как человека, «социально близкого». Однако растет доля тех, кто признается, что при любых условиях будет воспринимать мигрантов как «чужих» (с 30,5 % в 2019 г. до 38,5 % в 2024 г.).

Примечательным является то, что россияне достаточно мягко относятся к вероисповеданию мигрантов, несмотря на то, что те практически все исповедуют ислам и регулярно осуществляют нетипичные для российского большинства религиозные практики. При этом активно проявлено требование соблюдения норм и правил секулярного общества. Это противоречие было раскрыто в анализе текстов глубинного интервью, проведенного нами среди жителей Екатеринбурга, который дал возможность уточнить сущность требований принимающего сообщества. Было выявлено, что суть требований к поведению мигрантов – это следовать модели сосуществования в полинациональном российском сообществе. То есть жители Екатеринбурга спокойно относятся к сохранению мигрантами своих культурных особенностей, но в такой форме, чтобы она не доминировала над российской культурой.

Что касается приезжих из стран Центральной Азии, то наше исследование продемонстрировало, что они в целом осознают, что соблюдение культурных норм общества приема необходимо (89,2 %). Однако понимание культурных норм у респондентов разнится. Так, например, ношение национальной одежды остается важным более чем для трети приезжих из стран Центральной Азии, а вот для российских респондентов важным является не национальный характер одежды, а то, насколько она непривычно вызывающе смотрится в общественном пространстве. В результате интервьюирование жителей Екатеринбурга показало, что представители принимающей

стороны на самом деле не проявляют запрос на интеграцию мигрантов по схеме «плавильного котла» с отказом приезжим в сохранении своей культуры. Но и стратегия «мультикультурализма» с сохранением национальных анклавов, состоящих из мигрантов, их семей и наследников, с консервацией привезенной ими культуры совершенно не принимается россиянами.

Интерполяция между этими двумя стратегиями взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества выразилась во втором треке отношения россиян к приезжим, слабо проявленном на момент исследований, который, однако, на сегодняшний день стал более выразительным и способен определить вектор интеграционных процессов. Наши опросы екатеринбуржцев показали потребность не в отсутствии иноэтнических мигрантов, а в стабилизации комфортного взаимодействия с ними, основанного на адаптации проявления их культурных особенностей к российскому восприятию. В частности, это не только умеренность в «яркости одежды», но и выразительность поведения (громкость разговоров, демонстративность в осуществлении повседневных и религиозных практик), и особенно – требование к взаимному уважению в общении. Важным фактором, определяющим развитие конфликтности отношения принимающего сообщества к мигрантам, было чувство их массовости (для 56 % опрошенных екатеринбуржцев), что становилось препятствием для открытости к взаимной интеграции с мигрантами при одновременном наличии таких установок у принимающего сообщества.

Что касается инструментария, который необходимо использовать в процессе социального управления для организации взаимной интеграции мигрантов из стран Центральной Азии и принимающего российского сообщества, то он должен строиться на системе налаживания неформальных достаточно плотных социальных связей между представителями сторон. Результаты наших исследований показали, что и так небольшая доля екатеринбуржцев, положительно относящихся к мигрантам из стран Центральной Азии (15,5 % в 2019 г.), уменьшилась до 6,2 % в 2024 г. Однако значительно выросла доля тех, кто не только обладает опытом общения с мигрантами в профессиональной сфере, в дружеских и родственных отношениях (с 10 % в 2019 г. до 47,1 % в 2024 г.), но и высказывает готов-

ность оказать помощь приезжим по некоторым вопросам. Эти респонденты отличаются положительным отношением к пребыванию мигрантов в Екатеринбурге в целом, наряду с готовностью воспринять представителей Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и Киргизии в качестве брачных партнеров или друзей. В этой группе респондентов 61,3 % (отметим, что в 2019 г. их было 82 %) считают допустимой близкую дружбу с людьми хотя бы одной национальной группы мигрантов, а также они в большинстве своем готовы взаимодействовать с приезжими как с деловыми партнерами. При этом, несмотря на то, что в этой группе гораздо больший процент согласия с утверждением о безусловном предоставлении российского гражданства (20,7 %) по сравнению с теми, кто относится отрицательно к росту количества мигрантов в городе, большинство из них также считают, что это возможно только при условии соблюдения мигрантами российских культурных норм (74 % в 2024 г.).

Среди представителей этой группы опрошенных отмечается наибольшее число оснований, которые могут сближать местных российских жителей и приезжих из стран Центральной Азии. В качестве наиболее часто отмечаемых факторов усиления подобия друг другу были названы сотрудничество, то есть совместная деятельность, и специфика занятий. 79 % из положительно относящихся к мигрантам респондентов имели опыт оказания помощи приезжим и выражают готовность оказать им содействие в различных формах (например, помощь в поиске жилья и работы, передаче одежды, хозяйственных вещей, нужной информации для жизни в нашей стране). Эти же респонденты обнаруживают компетентность в сфере культуры стран, из которых приехали мигранты, и чаще допускают ее сохранение, а не растворение в русской культуре, они готовы и сами меняться под влиянием новых культурных ценностей, норм и правил, которые привносят мигранты.

Понимание и готовность к взаимной интеграции с культурой мигрантов связаны не только с силой и плотностью социальных связей между принимающим сообществом и приезжими из стран Центральной Азии, но и с высоким разнообразием контактов с мигрантами: в круг общения входят коллеги по работе, друзья, соседи по дому, по двору. Причем соседи входят в круг общения минимум в 1,5 раза чаще, а друзья – минимум в 2,2 раза чаще

по сравнению с респондентами, имеющими негативное отношение к мигрантам.

Все эти данные показывают, что способствование интеграции и культурному обмену со стороны принимающего сообщества может осуществляться в сфере расселения мигрантов, включения их в систему социальных институтов нашей страны (досуг, волонтерство и социальная помощь).

Ощутимое снижение миграционного притока с 2021 г. ослабило напряженность, связанную с ощущением слишком большого количества мигрантов (по данным Росстата и Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара⁹), хотя по результатам нашего исследования в 2019 г. только 29,4 % привыкло к большому количеству приезжих из стран Центральной Азии. Это дало возможность проявиться установкам принимающего сообщества на конформную интеграцию мигрантов из стран Центральной Азии. Опрос россиян 2023 г., проведенный ВЦИОМ, показал, что 47 % опрошенных считают положительным, что люди из других стран приезжают работать в Россию. Этот показатель более чем в три раза превышает данные центра 10–15-летней давности при ответе на тот же вопрос (2008 и 2013 гг. – 14 %)¹⁰. Однако трагические события 2024 г. (теракт в «Крокус Сити Холл») не могли не оказать влияния на отношение к мигрантам из стран Центральной Азии, что значительно актуализировало проблему социального управления в сфере культурной интеграции.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Отношение принимающего сообщества к мигрантам оказывает значительное влияние на развитие новой культурной идентичности, становится показателем качества этого процесса. Усиление активного взаимодействия между приезжими и принимающим обществом не только в сфере наемного труда, но и в других неформальных областях общения поможет, благодаря повышению качества взаимопонимания, снизить уровень ксенофобии. При этом показатель «отношение», с одной стороны, демонстрирует, нарушено или налажено взаимодействие с мигрантами, а с другой

стороны, само по себе влияет на это взаимодействие, ограничивая или содействуя.

Изучение культурной идентичности и интеграции мигрантов из стран Центральной Азии в России дает возможность более глубоко понять процессы культурной адаптации и взаимодействия различных культурных групп, что позволит разработать эффективные стратегии социального управления процессом интеграции, способствующие укреплению социальной стабильности, снижению напряженности в обществе и созданию условий для гармоничного сосуществования различных культурных сообществ. Поиски путей, обеспечивающие положительное включение инокультурных приезжих в российское сообщество, становятся важным аспектом предупреждения конфликтов и развития социально неодобряемых форм поведения мигрантов, предотвращения негативных социальных явлений, связанных с миграцией, и повышения качества человеческого капитала нашей страны. Выявление факторов, влияющих на формирование установки к принятию российской культурной идентичности, является основанием для создания эффективных стратегий работы с мигрантами по положительной инкорпорации в принимающее сообщество.

Исходя из результатов наших исследований, а также последних данных изучения общественного мнения россиян, можно утверждать, что социальное управление в области культурной интеграции иноэтнических мигрантов сегодня приобрело «окно возможностей», связанное со снижением барьеров, препятствующих проявлению установок на бесконфликтное взаимодействие с приезжими со стороны принимающего сообщества. Усилия, направленные на реализацию этих установок, могут стать наиболее продуктивными в данный период благодаря демографической и миграционной ситуации.

Основным инструментом включения мигрантов в российское принимающее сообщество в основном является реализация комплекса правовых норм, а поиск и наработка культурных компетенций возлагается на мигрантов в одностороннем ключе [24]. Слабо принимаемым россиянами, но необходимым

⁹ Ефремов И. А. Тенденции международной миграции населения в России за I–III кварталы 2023 года // Мониторинг экономической ситуации в России, 2023. URL: <https://www.iep.ru/ru/monitoring/tendentsii-mezhdunarodnoy-migratsii-naseleniya-v-rossii-za-i-iii-kvartaly-2023-goda.html>.

¹⁰ Опрос об отношении россиян к приезжим из других стран // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv>.

условием интеграции иноэтничных приезжих является встречное коммуникативное движение жителей территорий реципиентов, основанное на знании культуры приезжих [25, 26]. Так, например, важно учитывать высокую значимость культурных особенностей, в т. ч. специфику межгендерной и межстатусной коммуникации, религиозные детерминанты поведения во взаимодействии с приезжими из стран Центральной Азии [27, с. 212]. Плохое знание культурных характеристик приезжих формирует ситуацию сильного эмоционального, чаще всего негативного отношения у представителей принимающего сообщества (страх), что приводит также к искажению стратегии социального управления миграцией, негативного отношения органов власти и госучреждений (полиция, служба миграции, медицинские учреждения и пр.), представителей сервиса (магазины, общественный транспорт и т. д.). Все это создает обстоятельства социальной депривации мигрантов со стороны принимающего сообщества, заставляя приезжих выбирать негативную стратегию инкорпорации в социальную систему принимающей стороны, заключающуюся в работе мигрантских социальных сетей, закрытости, дистанцированности, что тормозит процесс интеграции и повышает общую социальную напряженность [28].

Образование барьеров между российским населением и приезжими из стран Центральной Азии возможно снижать с помощью контроля над расселением и учитывать, с одной стороны, психологическую границу в ощущении переизбытка иноэтничных мигрантов у принимающего сообщества, а с другой стороны, влияния жилого сообщества на интеграцию мигрантов [29]. Также инструментом интеграции мигрантов может стать их включение в социальные институты принимающего сообщества [30, 31] и наращивание положительного опыта неформаль-

ного взаимодействия с принимающим сообществом [32].

Выбирая из основных направлений социального управления (социально-экономическими системами, процессами в политической и духовной сферах), авторы статьи отмечают, что в первую очередь проблематика трансформации культурной идентичности мигрантов при переезде в Россию связана с социальным управлением в духовной сфере общества. Кроме отмеченных выше форм социального управления миграционными процессами (снижение уровня ксенофобии, поиск механизмов позитивного неформального общения принимающего сообщества с мигрантами, социальное регулирование расселения мигрантов для снижения страхов их «переизбытка»), возможно развитие и других активностей групп и сообществ, неформальных и формальных объединений в этом направлении. Позитивную роль в процессах интеграции приезжих может играть усиление деятельности этнокультурных сообществ и объединений (и в первую очередь русских), работа по искоренению стереотипов, негативно маркирующих мигрантов из стран Центральной Азии, трансформация деятельности СМИ по отражению прежде всего позитивного социального портрета мигранта, разъяснение на уровне регионов необоснованности страхов от присутствия мигрантов, позитивного эффекта их вклада не только в экономику, но и в культуру принимающей страны.

В сложившейся ситуации в России дальнейшие исследования по трансформации отношения и поведения принимающего сообщества к мигрантам из стран Центральной Азии помогут в поддержании процессов взаимной интеграции, что может стать фактором повышения миграционной привлекательности России при одновременном сдерживании нарастания социальной напряженности между иноэтничными приезжими и принимающим российским сообществом. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бритвина И. Б., Шумилова П. А. Культурная идентичность и проблемы адаптации иноэтничных мигрантов в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. № 3. С. 317–326. DOI: [10.22363/2313-2272-2017-17-3-317-326](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-3-317-326). EDN: RPSLXP.

2. Rothman, J., & Alberstein M. (2013). Groups and Intergroups: Theorizing About the Role of Identity in Conflict and its Creative Engagement. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2273330>.

3. Cheng, C.-Y., & Lee, F. (2009). Multiracial Identity Integration: Perceptions of Conflict and

Distance among Multiracial Individuals. *Social Issues*, 65(1), 51–68. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2008.01587.x>.

4. Авдеев Е. А., Воробьев С. М. Социокультурные основания идентичности студенческой молодежи Северного Кавказа: риски конфликтности межэтнических отношений // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19. № 1. С. 4–21. DOI: [10.21638/spbu23.2023.101](https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.101). EDN: **GSUIFY**.

5. Blake, A., & Mael, F. (1989). Social Identity Theory and the Organization. *Academy of Management Review*, (14), 20–39. <https://doi.org/10.2307/258189>.

6. Burke, P. J. (2004). Identities and Social Structure: The 2003 Cooley-Mead Award Address. *Social Psychology Quarterly*, 67, 5–15. <https://doi.org/10.1177/019027250406700103>.

7. *Communication in the Real World* (2016). University of Minnesota Libraries Publishing edition. <https://doi.org/10.24926/8668.0401>.

8. Gaither, S. E. (2017). The Multiplicity of Belonging: Pushing Identity Research Beyond Binary Thinking. *Self and Identity*, 17(4), 443–454. <https://doi.org/10.1080/15298868.2017.1412343>.

9. Жаде З. А. Феномен многоуровневой идентичности: цивилизационная составляющая // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 5. С. 19–23. EDN: **KZWQBP**.

10. Lou, E., & Lalonde, R. N., & Wilson, C. (2011). Examining a multidimensional framework of racial identity across different biracial groups. *Asian American Journal of Psychology*, 2(2), 79–90. <https://doi.org/10.1037/a0023658>.

11. Ковалева А. Разновидности социальной идентичности: подходы к классификации // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 4. С. 89–100. DOI: [10.17805/zpu.2019.4.7](https://doi.org/10.17805/zpu.2019.4.7). EDN: **MLHZGS**.

12. Payne, W. (2020). *Human Behavior and the Social Environment II*. University of Arkansas. <https://doi.org/10.54119/XYHY2549>.

13. Campbell, A. (2000). Cultural Identity as a Social Construct. *Intercultural Education*, 11(1), 31–39. <https://doi.org/10.1080/14675980050005370>.

14. Gaither, S. E., & Samantha, P. F., & Kinzler K. D. (2020). Thinking about multiple identities boosts children's flexible thinking. *Developmental Science*, 23(1), e12871. <https://doi.org/10.1111/desc.12871>.

15. Ertanir, B., et al (2024). Cultural Stressors and Cultural Identity Styles Among Hispanic College Students. *The Counseling*

Psychologist, 52(3), 443–476. <https://doi.org/10.1177/00110000231225473>.

16. Allen, K.-A., Kern, M. L., Rozek, C. S., McInerney, D. M. & Slavich, G. M. (2021). Belonging: a review of conceptual issues, an integrative framework, and directions for future research. *Australian Journal of Psychology*, 73(1), 87–102. <https://doi.org/10.1080/00049530.2021.1883409>.

17. Reinold, J., Hooijen, I., & Özer, M. (2024). “If you smile, they smile”: Explaining highly educated migrants' feelings of being welcome in the Euregio Meuse-Rhine. *Population Space and Place*, 30(5), e2759. <https://doi.org/10.1002/psp.2759>.

18. Marshall, T. C., & Lao, C. H. (2024). Attachment style and romantic involvement with host nationals influence migrants' acculturation and adjustment. *International Journal of Intercultural Relations*, 99, 101950. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2024.101950>.

19. Ryder, A. G., Alden, L. E., Paulhus, D. L., & Dere, J. (2013). Does acculturation predict interpersonal adjustment? It depends on who you talk to. *International Journal of Intercultural Relations*, 37(4), 502–506. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2013.02.002>.

20. Sarli, A., & Phillimore, J. (2022). The intercultural competence of second-generation individuals: knowledge gaps and steps forward. *International Journal of Intercultural Relations*, 88, 11–21. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2022.03.004>.

21. Constant, A., Kahanec, M., & Zimmermann, K. (2008). Attitudes towards immigrants, other integration barriers, and their veracity. *International Journal of Manpower*, 30(May), 5–14. DOI: [10.1108/01437720910948357](https://doi.org/10.1108/01437720910948357).

22. Меренков А. В. Человек: взаимосвязь природного и социокультурного. Монография: Екатеринбург: Издательство УГГУ, 2007. 279 с. EDN: **RXJVTP**.

23. Бритвина И. Б., Савчук Г. А. Дифференцирующие элементы культуры как фактор латентной конфликтности мигрантов из стран Центральной Азии и россиян // Известия Урал. федерал. ун-та. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25, № 4. С. 175–184. EDN: **СНТВС**.

24. Илимбетова А. А. Адаптация и интеграция мигрантов: условия, цели, подходы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 2. С. 144–155. DOI: [10.52180/2073-6487_2021_2_144_155](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_2_144_155). EDN: **TSSPGZ**.

25. Laurentsyeva, N. & Venturini, A. (2017). The Social Integration of Immigrants and the Role of Policy — A Literature Review. *Intereconomics*, 52, 285–292. <https://doi.org/10.1007/s10272-017-0691-6>.

26. Мукомель В. И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. Социология. Этнология. 2011. № 1. С. 34–50. EDN: **NUЕКРН**.

27. Рязанцев С. В. с соавт. Российское общество и государство в условиях становления нового мирового порядка: демографическая ситуация в 2022 году. Монография. Москва: Издательство Проспект, 2023. 448 с. DOI: [10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023). EDN: **GKFMMP**.

28. Васильева О. В. Принимающее сообщество: проблемы интеграции // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 7. С. 184–197. DOI: [10.12731/2218-7405-2016-7-184-197](https://doi.org/10.12731/2218-7405-2016-7-184-197). EDN: **WVJLFL**.

29. Zhao, Q., Wu, G., Wang, H., & Aziz, N. (2024). How does choice of residential community

affect the social integration of rural migrants: insights from China. *BMC Psychology*, 12, 119 (2024). <https://doi.org/10.1186/s40359-024-01617-9>.

30. Gabrielli, L., Gsir, S., & Zapata-Barrero, R. (2017). Political and Civic Participation of Immigrants in Host Countries. An Interpretative Framework from the Perspective of the Origin Countries and Societies. In *Migrant Integration Between Homeland and Host Society*. Vol. 1. Global Migration Issues, vol 7. https://doi.org/10.1007/978-3-319-56176-9_5.

31. Bentz, A.-S. (2021). Political Activism in Canada: When Tibetans in Toronto Enter into Local Politics. *South Asia Multidisciplinary Academic Journal*, 27. <https://doi.org/10.4000/samaj.7449>.

32. Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С. Интеграция мигрантов на местном уровне: результаты научно-практического проекта // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 110–117. EDN: **YQRHGT**.

REFERENCES

1. Britvina, I. B., & Shumilova, P. A. (2017). Cultural Identity and Adaptation of Ethnic Migrants in Russia. *RUDN Journal of Sociology*, 17(3), 317–326. DOI: [10.22363/2313-2272-2017-17-3-317-326](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-3-317-326). <https://elibrary.ru/RPSLXP>.

2. Rothman, J., & Alberstein M. (2013). Groups and Intergroups: Theorizing About the Role of Identity in Conflict and its Creative Engagement. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2273330>.

3. Cheng, C.-Y., & Lee, F. (2009). Multiracial Identity Integration: Perceptions of Conflict and Distance among Multiracial Individuals. *Social Issues*, 65(1), 51–68. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2008.01587.x>.

4. Avdeev, E., & Vorobev, S. (2023). Sociocultural Bases of the North Caucasus Student Youth Identity: Risks of Conflict in Inter-Ethnic Relations. *Political Expertise: POLITEX*, 19(1), 4–21. DOI: [10.21638/spbu23.2023.101](https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.101). <https://elibrary.ru/GSUIFY>.

5. Blake, A., & Mael, F. (1989). Social Identity Theory and the Organization. *Academy of Management Review*, (14), 20–39. <https://doi.org/10.2307/258189>.

6. Burke, P. J. (2004). Identities and Social Structure: The 2003 Cooley-Mead Award Address.

Social Psychology Quarterly, 67, 5–15. <https://doi.org/10.1177/019027250406700103>.

7. *Communication in the Real World* (2016). University of Minnesota Libraries Publishing edition. <https://doi.org/10.24926/8668.0401>.

8. Gaither, S. E. (2017). The Multiplicity of Belonging: Pushing Identity Research Beyond Binary Thinking. *Self and Identity*, 17(4), 443–454. <https://doi.org/10.1080/15298868.2017.1412343>.

9. Zhade, Z. A. (2007). The Phenomenon of Multilevel Identity: The Civilizational Component. *Izvestiya Vuzov. Severo-Kavkazskii Region. Social Science*, (5), 19–23. <https://elibrary.ru/KZWQBP>.

10. Lou, E., & Lalonde, R. N., & Wilson, C. (2011). Examining a multidimensional framework of racial identity across different biracial groups. *Asian American Journal of Psychology*, 2(2), 79–90. <https://doi.org/10.1037/a0023658>.

11. Kovaleva, A. (2019). Kinds of Social Identity: Approaches to Classification. *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*, (4), 89–100. DOI: [10.17805/zpu.2019.4.7](https://doi.org/10.17805/zpu.2019.4.7). <https://elibrary.ru/MLHZGS>.

12. Payne, W. (2020). *Human Behavior and the Social Environment II*. University of Arkansas. <https://doi.org/10.54119/XYHY2549>.

13. Campbell, A. (2000). Cultural identity as a social construct. *Intercultural Education*, 11 (1), 31–39. <https://doi.org/10.1080/14675980050005370>.
14. Gaither, S. E., & Samantha, P. F., & Kinzler K. D. (2020). Thinking about multiple identities boosts children's flexible thinking. *Developmental Science*, 23(1), e12871. <https://doi.org/10.1111/desc.12871>.
15. Ertanir, B., et al. (2024). Cultural Stressors and Cultural Identity Styles Among Hispanic College Students. *The Counseling Psychologist*, 52(3), 443–476. <https://doi.org/10.1177/00110000231225473>.
16. Allen, K.-A., Kern, M. L., Rozek, C. S., McInerney, D. M. & Slavich, G. M. (2021). Belonging: a review of conceptual issues, an integrative framework, and directions for future research. *Australian Journal of Psychology*, 73(1), 87–102. <https://doi.org/10.1080/00049530.2021.1883409>.
17. Reinold, J., Hooijen, I., & Özer, M. (2024). “If you smile, they smile”: Explaining highly educated migrants' feelings of being welcome in the Euregio Meuse-Rhine. *Population Space and Place*, 30(5), e2759. <https://doi.org/10.1002/psp.2759>.
18. Marshall, T. C., & Lao, C. H. (2024). Attachment style and romantic involvement with host nationals influence migrants' acculturation and adjustment. *International Journal of Intercultural Relations*, 99, 101950. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2024.101950>.
19. Ryder, A. G., Alden, L. E., Paulhus, D. L., & Dere, J. (2013). Does acculturation predict interpersonal adjustment? It depends on who you talk to. *International Journal of Intercultural Relations*, 37(4), 502–506. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2013.02.002>.
20. Sarli, A., & Phillimore, J. (2022). The intercultural competence of second-generation individuals: knowledge gaps and steps forward. *International Journal of Intercultural Relations*, 88, 11–21. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2022.03.004>.
21. Constant, A., Kahanec, M., & Zimmermann, K. (2008). Attitudes towards immigrants, other integration barriers, and their veracity. *International Journal of Manpower*, 30(May), 5–14. DOI: [10.1108/01437720910948357](https://doi.org/10.1108/01437720910948357).
22. Merenkov, A.V. (2007). *Man: The Relationship Between Natural and Socio-cultural*. UGSU Publishing House. 279 p. <https://elibrary.ru/RXJVTP>.
23. Britvina, I. B., & Savchuk, G. A. (2019). Differentiating Elements of Culture as a Factor in Latent Conflict Between Russians Citizens and Migrants from Central Asia. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 1, Issues in Education, Science and Culture*, 25(4), 175–184. <https://elibrary.ru/CHTIBC>.
24. Ilimbetova, A. A. (2021). Adaptation and Integration of Migrants: Conditions, Goals, Approaches. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2, 144–155. DOI: [10.52180/2073-6487_2021_2_144_155](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_2_144_155). <https://elibrary.ru/TSSPGZ>.
25. Laurentyeva, N., & Venturini, A. (2017). The Social Integration of Immigrants and the Role of Policy — A Literature Review. *Intereconomics*, 52, 285–292. <https://doi.org/10.1007/s10272-017-0691-6>.
26. Mukomel, V. I. (2011). Integration of Migrants: Challenges, Policies, Social Practices. *Universe of Russia (Mir Rossii)*. 1, 34–50. <https://elibrary.ru/NUKPH>.
27. Ryazantsev, S. V., et al (2023). Russian society and the state in the context of the formation of a new world order: the demographic situation in 2022. *Prospect Publishing House*. 448 p. DOI: [10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023). <https://elibrary.ru/GKFMMP>.
28. Vasileva, O. V. (2016). Host society: problems of integration. *Modern Research of Social Problems*, 7, 184–197. DOI: [10.12731/2218-7405-2016-7-184-197](https://doi.org/10.12731/2218-7405-2016-7-184-197). <https://elibrary.ru/WVJLFL>.
29. Zhao, Q., Wu, G., Wang, H., & Aziz, N. (2024). How does choice of residential community affect the social integration of rural migrants: insights from China. *BMC Psychology*, 12, 119 (2024). <https://doi.org/10.1186/s40359-024-01617-9>.
30. Gabrielli, L., Gsir, S., & Zapata-Barrero, R. (2017). Political and Civic Participation of Immigrants in Host Countries. An Interpretative Framework from the Perspective of the Origin Countries and Societies. In *Migrant Integration Between Homeland and Host Society*. Vol. 1. Global Migration Issues, vol 7. https://doi.org/10.1007/978-3-319-56176-9_5.
31. Bentz, A.-S. (2021). Political Activism in Canada: When Tibetans in Toronto Enter into Local Politics. *South Asia Multidisciplinary Academic Journal*, 27. <https://doi.org/10.4000/samaj.7449>.
32. Varshaver, E.A., Rocheva, A. L., & Ivanova, N. S. (2017). Migrant Integration on the Local Level: Results of an Academic and Practical Project. *Sociological Studies*, 5, 110–117. <https://elibrary.ru/YQRHGT>.

Информация для авторов

Статьи направляются на электронную почту редакции management-ui@ranepa.ru. Представляемая статья должна соответствовать структуре IMRAD и включать разделы:

- введение;
- материалы и методы;
- результаты;
- обсуждение.

В случае необходимости допустимо включать раздел «Обзор литературы».

Объем статьи должен составлять 30–40 тыс. знаков с пробелами. Тексты рукописей с заимствованием более 15 % и (или) уровнем оригинальности текста менее 70 % не могут быть опубликованы в журнале. Допускается не более 10 % самоцитирования.

Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Должны иметь последовательную нумерацию и не превышать формата А4. Страница должна иметь книжную ориентацию.

Цифровые данные оформляются в таблице. Таблицы не должны быть громоздкими (не более формата А4, книжная ориентация). Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название (на русском и английском языке).

Ссылки оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по списку и страниц, на которые ссылается автор (например: [9, с. 36], [18, с. 4]). Список источников должен содержать не менее 20 единиц, из которых не менее 10 должны быть датированы не менее чем 3 годами ранее момента публикации и из которых не менее 3 источников должны индексироваться международными базами цитирования (Web of Science или Scopus).

Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников) и может включать в себя следующие типы источников: монография, статья в рецензируемом научном журнале, статья в сборнике материалов (трудов) научно-практической конференции. Иные источники должны оформляться в виде постраничных сносок либо, по мере возможности, упоминаться непосредственно в тексте.

Обязательным требованием является наличие кодов DOI или EDN в каждом русскоязычном источнике. Для англоязычных источников обязательно наличие только кода DOI. Код EDN можно обнаружить на странице описания публикации в научной электронной библиотеке eLibrary. При отсутствии этих кодов источник следует указывать в виде постраничной сноски.

Помимо текста статьи автором представляются **на русском и английском языках:**

а) аннотация.

Порядок изложения информации должен соответствовать структуре статьи и включать разделы: введение; материалы и методы; результаты; обсуждение.

Объем аннотации должен составлять 2–2,5 тыс. знаков. Её текст не должен повторять название и текст статьи. Авторская аннотация призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации.

б) ключевые слова и словосочетания.

В качестве ключевых слов могут использоваться как одиночные слова, так и словосочетания в единственном числе и именительном падеже. Рекомендуемое количество ключевых слов – 6-9, количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

в) пристатейный библиографический список.

г) сведения об авторах:

- ФИО (полностью);
- AuthorID РИНЦ; ORCID, ScopusID, ResearcherID;
- место работы (учебы) и его почтовый адрес;
- ученая степень, ученое звание;
- адрес электронной почты.

д) тематические рубрики: ГРНТИ (<http://grnti.ru/>) и коды ВАК (1-2 кода).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

Не принимаются статьи, направленные в редакцию без выполнения требований настоящих условий публикации.

Научное издание

Журнал выходит 6 раз в год

Учредитель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

**«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»**

119571, Россия, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1

Издатель:

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66

Адрес редакции:

620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66

Адрес эл. почты: management-ui@ranepa.ru

<https://journal-management.com/>

Компьютерная вёрстка: Л. М. Алексева

Корректурa: Л. В. Ким

Перевод: Э. Э. Недоросткова

При перепечатывании ссылка на «Вопросы управления» обязательна

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-85748 от 25.08.2023

Дата выхода в свет: 11.11.2024. Формат 60×84/8.

Гарнитура Minion. Усл. печ. л. 11,7. Уч.-изд. л. 9,71. Тираж 999.

Цена свободная

Отпечатано в ООО Издательство и Типография «Альфа Принт».
Адрес: 620049, г. Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж. Заказ № _____

